

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2020. Т. 42. № 8

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2020. Т. 42. № 8

Главный редактор

Е. С. Сениявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала

185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.

Тел. (8142) 76-97-11

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrstu.ru

Редакционный совет

Е. В. АНИСИМОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. Н. БАРЫШНИКОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)

М. А. ВИТУХНОВСКАЯ

д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

В. Н. ЗАХАРОВ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)

С. Т. ЗОЛЯН

д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)

Ю. ИНОУЭ

к. ф. н., профессор, Университет Дзёти (Токио, Япония)

Т. П. ЛЁННГРЕН

д. философии, профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

И. И. МУЛЛОНЕН

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

С. А. МЫЗНИКОВ

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. А. ПЛУНГЯН

д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова (Москва, Россия)

Т. РУСЕН

д. философии, Гётеборгский университет (Гётеборг, Швеция)

К. СКВАРСКА

д. философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)

Н. А. ФАТЕВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

М. А. ЧЕРНЯК

д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

А. В. АНТОЩЕНКО

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

М. А. БОБУНОВА

д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)

С. Г. ВЕРИГИН

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

В. И. ГОЛДИН

д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

Т. А. ГРИДИНА

д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

Р. ГРЮНТХАЛЬ

д. философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

Н. В. ДРАННИКОВА

д. ф. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

П. М. ЗАЙКОВ

д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

С. Г. КАЩЕНКО

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Д. В. КОБЛЕНКОВА

д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)

С. И. КОЧКУРКИНА

д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО

к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

Ю. В. КРИВОШЕЕВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

П. А. КРОТОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

Е. И. ЛЕЛИС

д. ф. н., Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения (Санкт-Петербург, Россия)

К. А. МЮКЛЕБУСТ

д. и. н., профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

О. В. НИКИТИН

д. ф. н., профессор, Московский государственный областной университет (Москва, Россия)

Н. В. ПАТРОЕВА

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. М. ПАШКОВ

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. А. ПОПОВ

д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

И. А. РАЗУМОВА

д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

к. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

В. И. СУПРУН

д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Л. Л. ШЕСТАКОВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Ю. Г. ШИКАЛОВ

д. философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2020. Vol. 42. No 8

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, PhD in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address

Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711

E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petrSU.ru

Editorial Board

- E. ANISIMOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. BARISHNIKOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- YU. VASIL'EV**
Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)
- M. VITUKHNOVSKAYA**
Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)
- S. ZOLYAN**
Doctor of Philology, Professor, National Academy of Sciences of Armenia (Erevan, Armenia)
- Y. INOUE**
PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)
- T. LÖNNGREN**
Doctor of Philosophy, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- S. MIZNIKOV**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. PLUNGAN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- TH. ROSÉN**
Doctor of Philosophy, University of Gothenburg (Gothenburg, Sweden)
- K. SKWARSKA**
Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czech Republic)
- N. FATEEVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- M. CHERNYAK**
Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

- A. ANTOSHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- M. BOBUNOVA**
Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)
- S. VERIGIN**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- V. GOLDIN**
Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- T. GRIDINA**
Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
- R. GRYŮNTHAL**
Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- P. ZAYKOV**
Doctor of Philology, Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)
- S. KASHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- D. KOBLENKOVA**
Doctor of Philology, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)
- S. KOCHKURKINA**
Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- A. KRIVONozHENKO**
PhD in History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- YU. KRIVOSHEEV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- P. KROTOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- A. KUNIL'SKIY**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- E. LELIS**
Doctor of Philology, St. Petersburg State University of Film and Television (St. Petersburg, Russia)
- K. MYKLEBOST**
PhD in History, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)
- O. NIKITIN**
Doctor of Philology, Professor, Moscow State Regional University (Moscow, Russia)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. PASHKOV**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. POPOV**
Doctor of History, Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)
- I. RAZUMOVA**
Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)
- M. RUMYANTSEVA**
PhD in History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)
- V. SUPRUN**
Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)
- L. SHESTAKOVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- YU. SHIKALOV**
Doctor of Philosophy, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	Кривоноженко А. Ф. Беженцы в Карелии во время Первой мировой войны	62
АРХЕОЛОГИЯ			
Герман К. Э., Кулькова М. А. Петрографические исследования керамики сперрингс с памятников юго-западной Карелии	8	Шорохова И. В., Волохова В. В. Советский юбилей как инструмент политики памяти (на примере празднования годовщин государственности Карелии)	72
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ			
Суворов Ю. В. Ф. Лассаль о революции	15	Потрапнов А. Л., Хмельник Т. Ю. История добычи шокшинского кварцита для саркофага Наполеона	85
Ланькова Е. В. Оценка реформаторской деятельности Петра Великого в статьях китайских историков 1980–1990-х годов	23	Бочкарев А. С. Конфликты олонцев солдат с воинским командованием: мятеж 1662 года	93
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ		Девейкис М. В. Музеи Петербурга эпохи Николая II в публикациях современников	101
Смирнова Н. В. Движение за реформы в Китае в конце XIX века в трудах С. Л. Тихвинского		30	
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ			
Вавулинская Л. И. Политика Советского государства в сфере трудовых отношений в промышленности в послевоенное десятилетие	38	ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ	
Зыкин И. В. Региональные лесопромышленные комплексы Европейского Севера СССР в стратегии первого пятилетнего плана	44	Иванова М. В., Шабалина О. В. «Неписанные правила» экономики традиционного домохозяйства в саамском фольклоре	109
Кравчук А. С. Крым в проектах коллежского советника Н. Анастасьева и генерал-майора Гордлевского	54	Рецензии	
		Питухина М. А. Рец. на кн.: Природа и коренное население Арктики под влиянием изменения климата и индустриального освоения: Мурманская область	118
		Волков С. С. Рец. на кн.: Московкин Л. В. Языковое образование в Академическом университете и гимназии в XVIII веке	120
		Память	
		Строгальщикова З. И. Памяти О. И. Коньковой	123
		Contents	
		124	

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 10.01.2019 года по научным отраслям «Исторические науки и археология», «Литературоведение» и «Языкознание»

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Е. В. Лавреновой

Дата выхода в свет 30.11.2020. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 55 экз.). Изд. № 187

12+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДКОЛЛЕГИИ
ЖУРНАЛА**

Доктор исторических наук,
доцент
А. В. Антощенко

**ДОРОГИЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

Центральное место в данном выпуске занимают статьи, авторы которых сосредоточили внимание на изучении прошлого своего родного края. Хронологический охват публикаций по истории Карелии обширен, а их тематика разнообразна: от дезертирства олонечских солдат и мятежа в 1662 году, представленных А. С. Бочкаревым, и судеб беженцев в регионе в годы Первой мировой войны, реконструированных и статистически обобщенных А. Ф. Кривоноженко, до оценки роли и специфики лесной промышленности региона (статья И. В. Зыкина) в советское время, о сложном и нелицеприятном характере которого напоминает статья Л. И. Вавулинской о механизмах поддержания трудовой дисциплины лесозаготовителей.

В год 100-летнего юбилея РК интерес вызывает статья И. В. Шороховой и В. В. Волоховой о популярных исторических нарративах Карелии, сформировавшихся во время празднования предшествующих юбилеев. Своеобразно тема исторической памяти преломляется в статьях о постройке саркофага Наполеона и о восприятии музеев в столице Российской империи накануне ее краха. Наряду с «мемориальными студиями» другим популярным направлением является взаимовосприятие народов. Оно представлено в историографическом аспекте. Оценки реформаторского движения в Китае в конце позапрошлого столетия, данные академиком С. Л. Тихвинским, проанализированы в статье Н. В. Смирновой. В свою очередь взгляд китайских историков на реформы Петра Великого в России представлен в статье Е. В. Ланьковой.

Любители археологии и этнографии найдут новый материал о композиционном составе керамики культуры сперрингс и фольклорном представлении об основополагающих принципах «домашней экономии» саамов и его оригинальную интерпретацию в статьях К. Э. Германа и М. А. Кульковой, М. В. Ивановой и О. В. Шабалиной. Об изменении природных условий жизни саамов в результате индустриального освоения такого важного региона Арктики, как Мурманская область, говорится в рецензии М. А. Питухиной. Рецензия С. С. Волкова посвящена актуальному в настоящее время периоду в истории русского образования – созданию Санкт-Петербургской Академии наук, в которой ученые были обязаны заниматься и научной, и преподавательской деятельностью.

В разделе «Память» дань глубокого уважения отдана исследовательнице коренных народов Ленинградской области О. И. Коньковой, много сделавшей для изучения и сохранения их культурных традиций.

КОНСТАНТИН ЭНРИКОВИЧ ГЕРМАН

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора археологии Института языка, литературы и истории

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)

germangermanik@yandex.ru

МАРИАННА АЛЕКСЕЕВНА КУЛЬКОВА

кандидат геолого-минералогических наук, доцент кафедры геологии и геоэкологии

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена

(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

kulkova@mail.ru

ПЕТРОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КЕРАМИКИ СПЕРРИНГС С ПАМЯТНИКОВ ЮГО-ЗАПАДНОЙ КАРЕЛИИ*

Целью исследования являлось установление наличия или отсутствия различий составов формовочных масс керамики сперрингс в зависимости от географического района расположения поселений. Задачей – определение структуры и материала фрагментов керамики с поселений культуры сперрингс на территории Приладожской Карелии. Для петрографического исследования отобраны 14 фрагментов, в основном частей стенок сосудов, украшенных основными видами орнамента: оттисками рыбьих позвонков (2), отступающе-прочерченными линиями (7), веревочным (2) и гребенчатым (3) штампом. Исследования проводились в шлифованных образцах с использованием бинокуляра МБС-1 при увеличении в 16, 24 и 140 раз. Большая часть исследованных фрагментов керамики (10) по композиционному составу глины выполнена из тощих глины гидрослюдистого и смектит-гидрослюдистого состава, хотя данный вид глины хуже качеством и в меньшей степени использовался в изготовлении керамики сперрингс с поселений бассейна Онежского озера. В качестве отощителя в тесте 11 из 14 изученных фрагментов керамики сперрингс с памятников северо-восточного и северо-западного Приладожья зафиксирована только дресва кристаллических пород, что имеет прямые аналогии с посудой бассейна Онежского озера. В двух образцах зафиксирована примесь шамота (дробленая керамика), что, возможно, связано с влиянием более раннего пласта гребенчатой керамики, представленного на поселениях юго-восточного Прионежья.

Ключевые слова: петрографический анализ, жирная глина, тощая глина, Ладожское озеро, ранний неолит, керамика сперрингс

Для цитирования: Герман К. Э., Кулькова М. А. Петрографические исследования керамики сперрингс с памятников юго-западной Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 8. С. 8–14. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.544

ВВЕДЕНИЕ

Центром распространения памятников культуры сперрингс на территории Карелии является бассейн Онежского озера. В настоящее время их количество насчитывает более 250 единиц. В то же время по берегам другого крупного водоема – Ладожского озера их количество не превышает двух десятков. Судя по тому, что на территории Южной и Центральной Финляндии известно большое количество памятников с керамикой Ка 1:1 (сперрингс), северо-восточное и северо-западное Приладожье, видимо, было слабо заселено в период раннего неолита. Это доказывают

и археологические исследования, которые проводятся на территории Карельского перешейка (Ленинградская область) с 80-х годов XX века. За этот период времени было открыто и частично изучено археологическими раскопками только семь поселений, имеющих в своих комплексах ранненеолитические материалы: Хепоярви [3], Большое Заветное 4, Холмогорское 1, Силино 1, Вещево 1 и Комсомольское 3 [5], [6], [7: 5], [8], [14: 303].

Причиной небольшого количества памятников мезолита – раннего металла на северо-восточном и северо-западном побережье Ладож-

ского озера является характер береговой полосы и прибрежного рельефа. Начиная от устья реки Олонки и до устья реки Уксы берега низкие, лишённые естественных глубоких заливов, пригодных для древних поселений. Также начиная от района г. Питкяранты береговая линия представлена скальными массивами и низменностями, сложенными глинами, что делало эти территории неудобными для первобытного населения, селившегося на песчаных береговых террасах. Поэтому известные первобытные памятники концентрируются по берегам древних заливов в районе поселков Ууксу, Койриноя и Вятikka. Кроме того, ввиду сложности проживания на побережье Ладожского озера, древнее население осваивало небольшие внутренние озера, соединенные с Ладогой реками Видлица, Новзема, Тулемайоки, Янисйоки, Ииййоки, Ихойоки.

Памятников с ранненеолитической керамикой сперрингс на территории северо-восточного и северо-западного Приладожья известно всего 13. Это поселения Новземское I, II, V, VII, Кинярви I, X, Видлица I, Салостров II, Укса I, II, Ихоярви I, Вятikka I и Вятikka III. Раскапывались только три памятника – Вятikka I на площади 165 кв. м, Вятikka III – 128 кв. м [4: 69–77], [15: 175–176] и Ихоярви I – 164 кв. м [4: 82–102].

Небольшое количество материалов с памятников Приладожья не позволяет дать характеристику орнаментации сосудов и сравнить их с керамическими комплексами бассейна Онежского озера. Однако такую возможность дает петрографический анализ структуры и материала фрагментов ранненеолитической посуды [1: 114–115], [2: 15], [13: 100–102], тем более что подобные исследования были проведены в отношении керамики сперрингс с памятников бассейна Онежского озера [9], [10: 290–292], [11: 298–301], [12: 90–93].

Петрографическое исследование было выполнено в лаборатории РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия) под руководством к. г.-м. н. М. А. Кульковой и стало первым для ранненеолитической керамики северо-восточного и северо-западного Приладожья.

Цель исследования – установление наличия или отсутствия различий составов формовочных масс керамики сперрингс в зависимости от географического района расположения поселений. В задачи исследования входило определение структуры и материала фрагментов керамики с поселений культуры сперрингс на территории Приладожской Карелии.

Для петрографического исследования отобраны 14 фрагментов, в основном, частей сте-

нок сосудов, украшенных основными видами орнаментации: отрисками рыбьих позвонков (2), отступающе-прочерченными линиями (7), веревочным (2) и гребенчатым (3) штампом с поселений Новземское I (1), II (2), V (5), Кинярви I (1), X (1), Укса I (2) и Ихоярви I (2). Отнесение памятников к определенному хронологическому этапу культуры сперрингс не представляется возможным по причине небольшого количества материалов и отсутствия радиоуглеродных датировок (рисунок).

Карта расположения памятников культуры сперрингс, откуда взяты образцы на петрографический анализ

Map of the location of the Sperrings cultural monuments where the samples for petrographic analysis were collected

Исследования керамических фрагментов проводились в пришлифованных образцах с использованием бинокля МБС-1 при увеличении в 16, 24 и 140 раз. Для определения структуры образцов в шлифах применялся поляризационный микроскоп Leica с увеличением 65,7 раза.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В результате проведенного исследования по композиционному составу глин и отощителей было выделено три группы керамики.

Керамика группы 1 представлена 5 фрагментами с поселений Укса I (1), Кинярви I (1), Новземское I (1), Новземское V (1), Новземское VII (1). Фрагменты изготовлены из тощих глин гидрослюдистого и гидрослюдо-хлоритового состава, кластического материала – 22–32 % с включением органики (водной растительности). Обжиг костровой, в невыдержанной среде, окислительный, кратковременный. Температура обжига 650–700 °С. Отощителем служит дресва кристаллических пород (17–32 %), включающая сиениты, плагиограниты и актинолиты с разным минеральным составом, различающаяся только составом элементов: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, кварц, амфибол. Размер

обломков варьирует от 0,5 до 3 мм. Пористость 15–22 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.

Керамика группы 2 представлена двумя фрагментами с поселений Новземское II (1), Новземское V (1). Фрагменты изготовлены из тощих глин смектитового состава, кластического материала – 22–32 % с включением органики (водной растительности). Обжиг костровой, в невыдержанной среде, окислительный, кратковременный. Температура обжига 650–700 °С. Отощителем служит дресва кристаллических пород (17–18 %), включающая сиениты и граниты с разным минеральным составом, различающаяся только составом элементов: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, амфибол, кварц, гнейс. Размер обломков 2–3 мм. Пористость 16 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.

Керамика группы 3 представлена четырьмя фрагментами с поселений Новземское II (1), Новземское VII (1), Ихоярви I (2). Фрагменты изготовлены из жирных глин смектитового, хлоритового и хлорит-смектитового состава, кластического материала – 3–5 % с включением органики (водной растительности). Обжиг костровой, в невыдержанной среде, окислительный, кратковременный. Температура обжига 650–700 °С. Отощителем служит дресва кристаллических пород (17–25 %), включающая сиениты с разным минеральным составом, различающаяся только составом элементов: ортоклаз – серецитизирован и амфоболизирован, микроклин, биотит, амфибол. Размер обломков 2–3 мм. Пористость 16 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.

Среди образцов выделено три фрагмента, отличающиеся от остальных по составу отощителя.

Первый фрагмент – с поселения Новземское VII. Изготовлен из тощих глин гидрослюдистого состава, кластического материала – 35 % с включением органики (водной растительности). Обжиг костровой, в невыдержанной среде, окислительный, кратковременный. Температура обжига 650–700 °С. Отощителями служат: 1 – дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит) – 23 %, размер обломков 1–3 мм; 2 – песок (состав: полевой шпат, биотит, амфибол) – 8 %, размер зерен 0,2–0,3 мм; 3 – шамот (дробленая керамика различного состава) – 5 %, размер обломков 0,3–0,5 мм. Пористость 10 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.

Второй фрагмент – с поселения Кинярви X. Изготовлен из тощих глин смектит-гидрослюдистого

состава, кластического материала – 15 % с включением органики (водной растительности). Обжиг костровой, в невыдержанной среде, окислительный, кратковременный. Температура обжига 650–700 °С. Отощителями служат: 1 – дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, амфибол) – 10 %, размер обломков 1–3 мм; 2 – песок (состав: полевой шпат, биотит, амфибол) – 15 %, размер зерен 0,2–0,3 мм; 3 – шамот (дробленая керамика различного состава) – 5 %, размер обломков 0,3–0,5 мм. Пористость 10 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.

Третий фрагмент – с поселения Укса I. Изготовлен из тощих глин гидрослюд-каолини-тового состава, кластического материала – 28 % с включением органики (водной растительности). Обжиг костровой, в невыдержанной среде, окислительный, кратковременный. Температура обжига 650–700 °С. Отощителями служат: 1 – дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, амфибол) – 28 %, размер обломков 1–4 мм; 2 – песок (состав: полевой шпат) – 13 %, размер зерен 0,4–0,65 мм. Пористость 18 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм.

Подробная информация по каждому образцу керамики приведена в таблице.

ВЫВОДЫ

В результате проведенных исследований можно сделать несколько выводов.

1. Большая часть исследованных фрагментов керамики (10) по композиционному составу глин выполнена из тощих глин гидрослюдистого и смектит-гидрослюдистого состава, хотя данный вид глин хуже качеством и в меньшей степени использовался в изготовлении керамики сперрингс с поселений бассейна Онежского озера. Можно предположить, что жирные глины были менее доступны в районах расположения памятников, находящихся в отдалении от Ладожского озера по берегам озер Новземское и Кинярви. Возможно, существовала зависимость состава глины от типа орнаментации. На поселении Оровнаволок VIII, которое расположено на северном побережье Онежского озера, вся керамика, орнаментированная оттисками позвонка, изготовлена из жирных глин. В то же время керамика поселения Деревянное Ia, расположенного на восточном побережье Онежского озера, украшенная отступающе-прочерченным орнаментом, изготовлена из тощих глин, что находит аналоги в керамике приладожских памятников.

2. В качестве отошителя в тесте 11 из 14 изученных фрагментов керамики сперрингс с памятников северо-восточного и северо-западного Приладожья зафиксирована только дресва кристаллических пород, что имеет прямые аналогии с посудой бассейна Онежского озера. Для сравнения для ямочно-гребенчатой керамики, носители которой приходят на территорию Карелии позднее сперрингс, дресва зафиксирована лишь в 18 % керамических сосудов, что может служить подтверждением культурных отличий между двумя раннеэолитическими культурами, которые также выражаются в орнаментации керамики и каменном инвентаре.

3. Рецепт глина + дресва + песок зафиксирован в одном образце керамики с поселения Укса I, орнаментированном горизонтальными поясами из оттисков веревочки. Возможно, данный факт может служить подтверждением контактов между носителями сперрингс и ямочно-гребенчатой керамики, где данный рецепт представлен в 50 % образцов.

4. В двух образцах с поселения Кинярви X (озеро Кинярви) и Новземское VII (озеро Новземское) зафиксирована примесь шамота (дробленая керамика). Специалисты считают, что появление шамота может означать переход от моносырья (дресвы, песка) к смеси сырья и искусственных добавок. Появление шамота в керамике сперрингс, возможно, связано с влиянием более раннего пласта гребенчатой керамики, представленного на поселениях юго-восточного Прионезья (Тудозеро V, Кемозеро III), в тесте которой примесь шамота составляет 5 %.

Таким образом, керамика сперрингс с памятников северо-восточного и северо-западного Приладожья по составу формовочной массы имеет прямые аналогии с посудой бассейна Онежского озера. Присутствие в нескольких образцах примеси песка и шамота (дробленая керамика) связано с влиянием носителей раннего пласта гребенчатой керамики юго-восточного Прионезья и культуры ямочно-гребенчатой керамики.

Данные по петрографическим исследованиям образцов керамики сперрингс

Data on petrographic studies of samples of the Sperrings ceramics

№ на карте	Название памятника, № фрагмента	Часть сосуда, орнамент	Результаты петрографического анализа	
			Характеристика исходного сырья	Отошитель, пористость
1	2	3	4	5
Керамика сперрингс с поселений бассейна озера Водлозеро				
1	Новземское I 1326/526	Стенка сосуда, украшена горизонтальными поясами из оттисков «отступающей лопаточки», разделенных неорнаментированными горизонтальными зонами, и отдельно поставленных круглоконических ямок, толщина 11 мм	Тощие глины гидрослюдного-хлоритового состава, кластического материала – 22 %, размер зерен 0,02–0,06 мм, состав: полевой шпат, амфибол, биотит	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, полевой шпат, биотит, амфибол) – 17 %, размер обломков 2–3 мм. Пористость: 22 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм
2	Новземское II 2440/76	Стенка сосуда, украшена горизонтальными рядами наклонно поставленных оттисков позвонка, толщина 10 мм	Тощие глины смектитового состава, кластического материала – 32 %, размер зерен 0,02–0,06 мм, состав: полевой шпат, амфибол, биотит	Дресва кристаллических пород (гранит: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, амфибол, кварц, гнейс) – 18 %, размер обломков 2–3 мм. Пористость: 16 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм
3	Новземское II 2440/107	Стенка сосуда, украшена горизонтальными рядами наклонно поставленных оттисков позвонка, толщина 9 мм	Жирные глины смектитового состава, кластического материала – 5 %, размер зерен 0,02–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол, биотит	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, амфибол) – 16 %, размер обломков 2–3 мм. Пористость: 16 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм
4	Новземское V 2443/18	Стенка сосуда, украшена горизонтальными поясами оттисков наклонных вертикальных отпечатков «отступающей лопаточки», толщина 11 мм	Жирные глины хлоритового состава, кластического материала – нет	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, амфибол) – 25 %, размер обломков 2–3 мм. Пористость: 16 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм
5	Новземское V 2443/68	Стенка сосуда, украшена горизонтальными прочерченными линиями, толщина 9 мм	Тощие глины гидрослюдного состава, кластического материала – 32 %, размер зерен 0,02–0,06 мм, состав: полевой шпат, амфибол, биотит	Дресва кристаллических пород (плагиограниты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, кварц) – 32 %, размер обломков 2–3 мм. Пористость: 22 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм
6	Новземское VII 2445/263	Верхняя часть сосуда (венчик), украшена горизонтальными полосами оттисков «отступающей лопаточки», толщина 11 мм	Тощие глины смектитового состава, кластического материала – 22 %, размер зерен 0,02–0,06 мм, состав: полевой шпат, амфибол	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, амфибол) – 17 %, размер обломков 2–3 мм. Пористость: 16 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм

Окончание таблицы

1	2	3	4	5
7	Новземское VII 2445/256	Стенка сосуда, украшена подвенчиковыми вертикальными линиями из отпечатков веревочки и зигзагообразным подвенчиковым пояском из круглоконических ямок, расставленных в шахматном порядке, соединенных отпечатками веревочки, толщина 7 мм	Тощие глины гидрослюдистого состава, кластического материала – 35 %, размер зерен 0,015–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол, биотит	1) Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит) – 23 %, размер обломков 1–3 мм. 2) Песок (8 %), размер зерен 0,2–0,3 мм, состав: полевой шпат, биотит, амфибол. 3) Шамот (5 %), дробленая керамика различного состава, размер обломков 0,3–0,5 мм. Пористость: 10 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм
8	Новземское VII 2445/267	Верхняя часть сосуда (венчик), украшена горизонтальными веревочными линиями, толщина 7 мм	Тощие глины гидрослюдистого состава, кластического материала – 22 %, размер зерен 0,02–0,06 мм, состав: полевой шпат, амфибол, биотит	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, амфибол) – 17 %, размер обломков 2–3 мм. Пористость: 16 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм
9	Ихоярви I 3227/229	Стенка сосуда, украшена горизонтальными поясами из оттисков гребенчатого штампа и нанесенными сверху редкими круглоконическими ямками, толщина 9 мм	Жирные глины хлоритового состава, кластического материала – 3 %, размер зерен 0,02–0,06 мм, состав: полевой шпат, амфибол, биотит	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, амфибол) – 17 %, размер обломков 2–3 мм. Пористость: 16 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм
10	Киняярви I 1690/46	Верхняя часть сосуда (венчик), украшена подвенчиковыми горизонтальными линиями из отпечатков «отступающей лопаточки» и зигзагообразным подвенчиковым пояском из круглоконических ямок, расставленных в шахматном порядке, соединенных отпечатками «отступающей лопаточки», толщина 10 мм	Тощие глины гидрослюдистого состава, кластического материала – 32 %, размер зерен 0,02–0,06 мм, состав: полевой шпат, амфибол	Дресва кристаллических пород (плаггиограниты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, кварц) – 23 %, размер обломков 2–3 мм. Пористость: 22 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм
11	Киняярви X 1700/3	Стенка сосуда, украшена вертикальными линиями из отпечатков «отступающей лопаточки» и горизонтальным пояском из круглоконических ямок, толщина 7 мм	Тощие глины смектит-гидрослюдистого состава, кластического материала – 15 %, размер зерен 0,015–0,04 мм, состав: полевой шпат, амфибол, биотит	1) Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, амфибол) – 10 %, размер обломков 1–3 мм. 2) Песок (15 %), размер зерен 0,2–0,3 мм, состав: полевой шпат, биотит, амфибол. 3) Шамот (5 %), дробленая керамика различного состава, размер обломков 0,3–0,5 мм. Пористость: 10 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм
12	Ихоярви I 3167/16	Стенка сосуда, украшена горизонтальными поясами из оттисков гребенчатого штампа, толщина 9 мм	Жирные глины хлорит-смектитового состава, кластического материала – 3 %, размер зерен 0,02–0,06 мм, состав: полевой шпат, амфибол, биотит	Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, амфибол) – 17 %, размер обломков 2–3 мм. Пористость: 16 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм
13	Укса I 1706/3	Верхняя часть сосуда (венчик), украшена горизонтальными поясами из оттисков позвонка и горизонтальным пояском из круглоконических ямок, толщина 9 мм	Тощие глины гидрослюдистого состава, кластического материала – 32 %, размер зерен 0,02–0,06 мм, состав: полевой шпат, амфибол, биотит	Дресва кристаллических пород (актинолит) – 18 %, размер обломков 0,5–1,5 мм. Пористость: 15 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм
14	Укса I 1706/23	Стенка сосуда, украшена горизонтальными поясами из оттисков веревочки, толщина 11 мм	Тощие глины гидрослюдит-каолинитового состава, кластического материала – 28 %, размер зерен 0,05–0,2 мм, состав: полевой шпат, амфибол, зерна угловатые	1) Дресва кристаллических пород (сиениты: ортоклаз – серецитизирован, микроклин, биотит, амфибол) – 28 %, размер обломков 1–4 мм. 2) Песок (13 %), размер зерен 0,4–0,65 мм, состав: полевой шпат. Пористость: 18 %, поры неправильной формы и вытянутые, размер от 0,1 до 0,5 мм

* Работа выполнена из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильева И. Н. Древнейшая керамика Восточной Европы. Комментарии // Российский археологический ежегодник. 2013. № 3. С. 110–119.
- Васильева Т. А. Технология древнего гончарства эпохи неолита на территории Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 2 (179). С. 8–17. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.284

3. Верещагина И. В. Поселение Хепоярви в южной части Карельского перешейка // Неолит – энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы. СПб., 2003. С. 140–151.
4. Витенкова И. Ф. Памятники каменного века северного Приладожья: Каталог. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2012. 156 с.
5. Герасимов Д. В. История изучения, хронология и периодизация памятников эпохи неолита юга Карельского перешейка // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. 2003. Вып. 1. С. 12–24.
6. Герасимов Д. В., Кулькова М. А. Корреляция и датирование археологических комплексов многослойных стоянок Силино и Большое Заветное 4 на Карельском перешейке по геохимическим данным // Неолит – энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы. СПб., 2003. С. 181–192.
7. Герасимов Д. В., Лисицын С. Н., Тимофеев В. И. Материалы к археологической карте Карельского перешейка (коллективная монография). СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2003. 67 с.
8. Герасимов Д. В., Сейтсонен О., Нордквист О. «Береговая хронология» и история Ладоги в свете результатов раскопок археологического комплекса Комсомольское 3 в 2007 г. // Радловский сборник. СПб., 2008. С. 188–193.
9. Герман К. Э., Кулькова М. А. Новые петрографические исследования керамики сперрингс с памятников бассейна Онежского озера // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 12–21. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.366
10. Иванищев А. М., Иванищева М. В. Тудозеро V – поселение позднего мезолита – раннего неолита в южном Прионежье // Тверской археологический сборник. 2000. Вып. 4. С. 284–295.
11. Иванищев А. М., Иванищева М. В. Поселение раннего неолита на Кемском озере // Тверской археологический сборник. 2000. Т. 4. Вып. 1. С. 297–305.
12. Иванищева М. В., Кулькова М. А., Иванищева Е. А. Результаты микроморфологического анализа раннеэнеолитической керамики юго-восточного Прионежья // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики: Материалы междунар. науч. конф. 24–27 мая 2016 года. СПб., 2016. С. 88–99.
13. Кулькова М. А. Петрографический анализ в оценке формовочных масс при изучении древней глиняной посуды // Самарский научный вестник. 2015. № 3 (12). С. 100–107.
14. Gerasimov D., Kriiska A. Early-Middle Holocene archaeological periodization and environmental changes in the Eastern Gulf of Finland: Interpretative // Quaternary International. 2018. Vol. 465. P. 298–313.
15. Seitsonen O., Gerasimov D. Archaeological research in the Kurkijoki area in 2001 and 2003: a preliminary study of the Stone Age settlement patterns in southern Ladoga Karelia // Karelian Isthmus – Stone Age studies in 1998–2003. ISKOS. 2008. 16. P. 164–185.

Поступила в редакцию 02.03.2020

Konstantin E. German, PhD in History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russian Federation)
germangermanik@yandex.ru

Marianna A. Kulkova, PhD in Geology and Mineralogy, Herzen State Pedagogical University
(St. Petersburg, Russian Federation)
kulkova@mail.ru

PETROGRAPHIC STUDIES OF THE SPERRINGS CERAMICS FROM SOUTH-WESTERN KARELIA*

The purpose of the study is to determine whether or not there are differences in the composition of the molding masses of the Sperrings ceramics depending on the geographical area of the settlements. The task was to determine the structure and material of ceramic fragments from the Sperrings settlements in the territory of the Ladoga region of Karelia. For petrographic study 14 fragments were selected, mainly parts of the vessel walls, decorated with the main types of ornamentation: imprints of fish vertebrae (2), indented lines (7), rope (2) and comb (3) stamps. Research of the ceramic fragments was carried out using ground specimens and a binocular microscope MBS-1 with 16, 24 and 140 magnification. A large part of the studied ceramic fragments (10) had a composite structure comprising hydromicaceous and smectite-hydromicaceous lean clays, although this clay is of worse quality and was less frequently used to make the Sperrings ceramics from the Onega Lake basin settlements. The test of 11 out of 14 studied fragments of the Sperrings ceramics from the archaeological sites of the north-eastern and north-western Ladoga region showed that only crystalline rock screes was used as a thinner, which has direct analogies with the utensil from the Onega Lake basin. In two samples, an admixture of chamotte (crushed ceramics) was recorded, which may be due to the influence of an earlier layer of combed ceramics found in the settlements of the south-eastern Prionezhye region.

Keywords: petrographic analysis, Ladoga Lake, greasy clay, lean clay, early Neolithic, Sperrings ceramics

* The study was financially supported by the federal budget as part of the state task assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

Cite this article as: German K. E., Kulkova M. A. Petrographic studies of the Sperrings ceramics from south-western Karelia. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 8. P. 8–14. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.544

REFERENCES

1. Vasilyeva I. N. Ancient ceramics of Eastern Europe. Commentary. *Russian Archaeological Yearbook*. 2013. No 3. P. 110–119. (In Russ.)
2. Vasilyeva T. A. Ancient pottery production technology in Neolithic Karelia. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 2 (179). P. 8–17. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.284 (In Russ.)
3. Vereshchagina I. V. Hepojärvi site in the southern part of the Karelian Isthmus. *Neolithic-eneolite of the south and Neolithic of the north of Eastern Europe*. St. Petersburg, 2003. P. 140–151. (In Russ.)
4. Vitenkova I. F. Stone Age monuments of the North Ladoga area: Catalogue. Petrozavodsk, 2012. 156 p. (In Russ.)
5. Gerasimov D. V. History of studying, relative chronology and periodization of Neolithic archaeological sites in the south part of Karelian Isthmus. *Archaeological heritage of Saint Petersburg*. 2003. Issue 1. P. 12–24. (In Russ.)
6. Gerasimov D. V., Kulkova M. A. Correlation and dating of archaeological complexes of multilayered Silino and Bolshoe Zavetnoe 4 sites on the Karelian Isthmus based on geochemical data. *Neolithic-eneolite of the south and Neolithic of the north of Eastern Europe*. St. Petersburg, 2003. P. 181–192. (In Russ.)
7. Gerasimov D. V., Lisitsyn S. N., Timofeev V. I. Materials for the archaeological map of the Karelian Isthmus (collective monograph). St. Petersburg, 2003. 67 p. (In Russ.)
8. Gerasimov D. V., Seitsonen O., Nordqvist O. The coastal chronology and the history of Ladoga in the light of the results of excavations of Komsomolskoye 3 archaeological complex in 2007. *Radlov collection of research papers*. St. Petersburg, 2008. P. 188–193. (In Russ.)
9. German K. E., Kulkova M. A. New petrographic study of the Sperrings ceramics of the monuments of Onega Lake basin. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 6 (183). P. 12–21. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.366 (In Russ.)
10. Ivanishchev A. M., Ivanishcheva M. V. Tudozero V – the late Mesolithic–early Neolithic settlement in southern Prionezhye. *Tver collection of archaeological papers*. 2000. Vol. 4. P. 284–295. (In Russ.)
11. Ivanishchev A. M., Ivanishcheva M. V. The early Neolithic settlement on Kemskeye Lake. *Tver collection of archaeological papers*. 2000. Vol. 4. Issue 1. P. 297–305. (In Russ.)
12. Ivanishcheva M. V., Kulkova M. A., Ivanishcheva E. A. The results of early Neolithic pottery's micromorphological analysis in southeastern Onega region. *Traditions and innovations in studying the most ancient ceramics: Proceedings of international research conference, May 24–27, 2016*. St. Petersburg, 2016. P. 88–99. (In Russ.)
13. Kulkova M. A. Petrography for assessment of molding compound of ancient pottery. *Samara Journal of Science*. 2015. No 3 (12). P. 100–107. (In Russ.)
14. Gerasimov D., Kriiska A. Early-Middle Holocene archaeological periodization and environmental changes in the Eastern Gulf of Finland: Interpretative. *Quaternary International*. 2018. Vol. 465. P. 298–313.
15. Seitsonen O., Gerasimov D. Archaeological research in the Kurkijoki area in 2001 and 2003: a preliminary study of the Stone Age settlement patterns in southern Ladoga Karelia. *Karelian Isthmus – Stone Age studies in 1998–2003*. ISKOS. 2008. 16. P. 164–185.

Received: 2 March, 2020

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ СУВОРОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
suvorov@petrsu.ru

Ф. ЛАССАЛЬ О РЕВОЛЮЦИИ

Рассматривается эволюция взглядов на революционный процесс основателя германской социал-демократии Ф. Лассалья. Особое внимание уделяется анализу тех произведений, в которых Лассаль формулирует свое понимание революции. Актуальность исследования определяется востребованностью понимания революции политиками разного спектра. В студенческие годы, находясь под сильным влиянием философии Г. Гегеля, Лассаль считал революцию скачком, который поднимает исторический процесс на новую стадию развития. Участвуя в революции 1848 года, он призывал с оружием в руках отстаивать интересы всенародно избранного парламента, выступал как сторонник демократической республики. Итоги неудач 1848 года Лассаль проанализировал в трагедии «Франц фон Зикинген», где говорил, что революция может победить только в случае самопожертвования масс, имея вождя, обладающего «реалистической мудростью», способного точно выбрать в революции ту силу, которая одержит победу. В монографии «Система приобретенных прав» революция трактуется как законный процесс отмены гражданами старых прав и приобретения ими новых. В начале 1860-х годов начинается активная политическая деятельность Лассалья, тогда же меняется его отношение к революции. Теперь он против вооруженного восстания, выступает за классовое сотрудничество, за реформы, которые должно провести существующее государство. Вместо революционного скачка предлагает мирные постепенные преобразования. Формулирует свое понимание «социальной монархии» как переходного периода на пути построения правового демократического государства. Кардинальные изменения во взглядах Лассалья на революцию произошли вследствие соотношения классовых сил в стране, неразвитости рабочего и демократического движения, стремления создать массовую народную партию, добиться скорейшего введения всеобщего избирательного права.

Ключевые слова: Ф. Лассаль, революция, реформы, государство, народ, вождь, всеобщее избирательное право, «социальная монархия»

Для цитирования: Суворов Ю. В. Ф. Лассаль о революции // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 8. С. 15–22. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.545

ВВЕДЕНИЕ

Фигура Фердинанда Лассалья (1825–1864), основателя германской социал-демократии, первого президента Всеобщего Германского Рабочего Союза, была сложной и противоречивой. Его заслуги по возрождению рабочего движения в Германии признавались практически всеми [5], [12], [16]. Его теория общественного переустройства вызывала множество споров. Одни видели в нем вождя немецких рабочих, революционера и пламенного агитатора¹, другие – предателя интересов пролетариата, оппортуниста в рабочем движении, сторонника мирного вращивания Германии в социализм через реформы сверху², третьи – мыслителя, создавшего теорию, которая в дальнейшем могла стать основой для появления тоталитарного государства [13], [14]. В последнее

время интерес к фигуре Лассалья как в России, так и за рубежом угас. Среди отечественных исследователей можно выделить в основном специалистов в области конституционного права, которые упоминают Лассалья в своих работах по теории конституции [1]. Отдельные публикации последних лет, посвященные теории и практической деятельности Лассалья, принадлежат О. В. Григорьевой [2], [3], [4] и С. Н. Фоломееву [10], [11], а также автору этих строк [6], [7], [8], [9].

Целью настоящей статьи является попытка проследить эволюцию взглядов Лассалья на революцию, которую он всегда считал законным актом, совершаемым гражданами. Другое дело, что понималось под революцией – баррикадные бои, кровавое восстание, насильственный захват власти или осуществление назревших в обществе

реформ, которые могут, как он полагал, привести к социализму. Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что и сегодня звучат призывы к революционным действиям, политики выступают с радикальными лозунгами, мир потрясают цветные революции. Особенность лассалевского подхода в том, что он уже во второй половине XIX века, когда начинал набирать силу революционный марксизм, выступил с альтернативной концепцией, которая оказалась более продуктивной, чем учение К. Маркса.

Будучи студентом Бреславского и Берлинского университетов (1843–1844), Лассаль проявляет особый интерес к философии Г. Гегеля. В гегельянстве молодого Лассалья привлекало понимание истории как всемирного процесса постоянного развития, совершавшегося диалектическим путем. Глубоко импонировала четко выраженная у Гегеля идея закономерности всего происходящего, идея прогресса, могущества принципов разума и свободы. Лассаль тогда считал, что история движется передовыми идеями, отражающими объективную истину и воплощающимися в действия человеческого сознанием. Из применения диалектического метода Гегеля к истории вытекал и вывод об исключительной роли революции в историческом процессе. Лассаль стал тем последователем Гегеля, который усмотрел в революции скачок, поднимающий исторический процесс на качественно новую ступень.

Известно, что в студенческие годы Лассаль знакомится с произведениями А. Сен-Симона, Ш. Фурье, Р. Оуэна. О влиянии социалистов говорят и письма Лассалья к родным и друзьям, датированные 1844 и 1845 годами³. Здесь проявляется стремление молодого человека соединить положения гегелевской теории общественного развития со знаниями, почерпнутыми из учения социалистов. В одном из писем он заявляет, что участие в жизни государства возможно только для того индивида, который обладает собственностью, а участие в такой жизни – это природное свойство человека; коммунизм, где собственность всеобща, дает возможность любой личности, в том числе и нынешним пролетариям, выполнять свое истинное предназначение⁴. Коммунизм ему тогда виделся как общество без конфликтов, без бедности и беззакония, где все могут реализовать свои способности.

В 1844 году Лассаль знакомится с работой Л. фон Штейна «Социализм и коммунизм в современной Франции». Эта работа помогла ему увидеть, что на арену политической борьбы выходит новая сила – пролетариат, который стре-

мится к ликвидации частной собственности. Лассаль считал, что коммунизм появляется и на германской почве. Об этом говорит его отклик на восстание силезских ткачей 1844 года. В письме отцу он пишет: «Это начало войны бедных против богатых. Это первый порыв и проявление коммунизма, который теоретически и практически наполняет все наши жилы»⁵. По окончании университета Лассаль считает себя демократом, стремится к борьбе за справедливость.

Осенью 1848 года Лассаль принимал активное участие в революционных событиях в Рейнской области. Он входил в комиссию по приобретению оружия для народного ополчения в Дюссельдорфе, неоднократно выступал на митингах с призывами к вооруженному сопротивлению реакции, к защите Франкфуртского парламента с оружием в руках, печатался в «*Neue Rheinische Zeitung*», познакомился с Марксом и Энгельсом, товарищеские отношения с которыми поддерживал долгие годы. 22 ноября 1848 года власти объявили в Дюссельдорфе осадное положение, все политические союзы были разогнаны, народное ополчение распущено, одним из первых был арестован Ф. Лассаль. В мае 1849 года на суде, где Лассалья обвиняли за призыв к вооруженному восстанию, он сам выступал в качестве адвоката. Рассмотрим наиболее важные положения этой речи, так как в ней было сформулировано отношение Лассалья к революции 1848 года в Германии.

Свой анализ революционных событий Лассаль предварил заявлением: «По своим внутренним убеждениям я, безусловно, революционер и считаю за честь быть сторонником социальной демократической республики»⁶. Однако далее утверждает, что юридических оснований для привлечения его к суду за убеждения у прокуратуры нет. Действия же свои, как и действия народа во время революции, он считает абсолютно законными⁷. Лассаль полагает, что народ, совершив 18 марта 1848 года революцию в Берлине, «завоевал себе конституционное государство», «оно есть выражение всеобщего духа, совокупной воли народа, которая находит свое выражение в народном представительстве»⁸. Однако Национальное собрание совершило крупнейшую ошибку, заключив «соглашение» с монархией, ожидая от нее конституции, а не вырабатывая Основной закон самостоятельно. По мнению Лассалья, с самого начала Собрание отличалось поразительной слабостью и нерешительностью⁹. Смена либерального кабинета Ганземана кабинетом Пфуля, а затем – Бранденбурга при молчаливом согласии Национального собрания, которое обязано санкционировать смену правительства, – это постепенная подготовка контрреволюционного переворота¹⁰. Собрание как избранный народом орган

власти должно было возглавить народ, вооружить его и с оружием в руках отстаивать свои права. Вместо этого оно без сопротивления наблюдало, как корона расформировывает гражданскую милицию, объявляет в Берлине осадное положение, закрывает демократические газеты. Собрание не принимало решительных мер, хотя его поддерживал народ. Решительные действия Национального собрания были бы законны, так как они реально противостояли бы противозаконным действиям правительства¹¹. Политику пассивного сопротивления парламента Лассаль называет преступлением, приведшим к гибели революции¹².

Сам Лассаль призывал в ноябре 1848 года все революционные силы «сплотиться вокруг поруганного закона» и защищать парламент вооруженным путем¹³. Только в таком случае революция была бы спасена. Она победила бы в случае восстания по всей стране, и призыв к такому восстанию должен был исходить от Национального собрания как законно избранного органа власти¹⁴.

Лассалья приговорили к шести месяцам тюремного заключения. Когда он вышел из тюрьмы, революция была уже окончательно подавлена, многие его товарищи эмигрировали, демократические организации и газеты были закрыты, повсюду торжествовала реакция. В первые после-революционные годы Лассаль читал просветительские лекции рабочим Дюссельдорфа, укрывал в своем доме преследуемых революционеров, финансово помогал семьям участников процесса по делу «Союза коммунистов».

Лишь спустя несколько лет Лассаль вновь громко заявил о себе, издав в 1859 году трагедию «Франц фон Зикинген». В письме Марксу он говорил о своем желании вернуться к урокам минувшей революции, проанализировать причины ее поражения¹⁵. Желание высказать свои взгляды перед самой широкой публикой побудило Лассалья обратиться к жанру трагедии, что было для него совершенно новой областью творчества. Сюжетом пьесы служит борьба одного из ярких представителей немецкого дворянства первой половины XVI века Франца фон Зикингена за объединение страны и освобождение Германии от засилия папских легатов, достижение религиозной независимости. Первоначально Зикинген обращается к императору Карлу V с предложением поддержать движение Лютера и возглавить его. После отказа Карла Зикинген сам возглавляет борьбу. Достигнуть свои цели Зикинген решил при помощи хитрости, используя чисто рыцарские методы борьбы. Первоначально необходимо самому занять княжеский престол. Достичь этого можно, совершив рыцарский поход, а уже после того, как он станет князем, можно претендовать

на императорский престол и осуществить свои истинные цели. Зикинген призывает к борьбе преданных ему лично рыцарей, боясь прибегнуть к широкому народному движению, так как это могло вызвать подозрение у князей и императора. Трирский поход Зикингена заканчивается поражением главного героя. Против него выступают объединенные силы германских князей. Зикинген распускает свои войска и скрывается в замке Лаундштуль. Стремясь перехитрить князей, он сам становится жертвой своих интриг и терпит поражение. В конце трагедии Зикинген, «переступив через свое рыцарство»¹⁶, обращается с призывом к народу, но звучит это обращение слишком поздно, замок окружен и во время его штурма Франц фон Зикинген погибает.

Об идеях, которые Лассаль хотел донести до читателей, автор говорит в статье, написанной им для своих друзей¹⁷. Дело в том, что после опубликования трагедии в берлинском обществе возникла дискуссия относительно замыслов автора, многие читатели эти замыслы просто не поняли. Лассаль недостаточно хорошо владел поэтическим пером и нечетко изложил свои мысли, статья была призвана сделать необходимые разъяснения. Здесь он подчеркивает, что, используя материал XVI века, он хотел рассмотреть революцию как таковую, революционный процесс в целом, определить общие философские основания любой революции и диалектические противоречия, присущие каждой революции¹⁸. Революции, во время которых удастся разрешить эти противоречия, одерживают победу, а те, где этого не происходит, терпят поражение¹⁹. Основное противоречие Лассалю видится в следующем: для осуществления революции необходимо воодушевление, революционный порыв, вера в ее абсолютную силу и бесконечность, в этом заключается сила революции. В то же время воодушевление – это «абстрактное пренебрежение к конечным средствам действительного выполнения ее и трудностям реального осуществления ее»²⁰. Иными словами, всегда возникает противоречие между воодушевляющей силой позитивного принципа революции и неизбежной жестокостью, сметающей все и вся на своем пути. По мнению Лассалья, революционные вожди, считаясь с реальными условиями и реальными силами, часто держат в тайне истинные цели движения и стараются по возможности ввести в заблуждение господствующие классы для лучшей организации революционных сил. Делают они это потому, что у господствующих классов разработанное и безошибочное сознание, с которым они проводят свои классовые интересы, в этом их сила²¹. Слабость революционной идеи в том,

что существует недостаток сознательности у «членов заинтересованных в ней классов, принципы которых еще не осуществлены», «в недостатке в организации имеющихся в ее распоряжении средств»²². Для укрепления революционных сил и ослабления сил реакции вожди пускаются на хитрость, стараются обмануть власть предержащих. Проводя такую политику, вожди сами могут стать ее жертвой, как это случилось с Зикингеном.

Лассаль приходит к заключению, что цель может быть достигнута при помощи средства тогда, когда само средство всецело проникнуто собственной природой цели²³. Революционные цели не могут быть достигнуты дипломатическими усилиями. «Революцию можно сделать только при помощи масс и их самопожертвования»²⁴. Зикинген осуществляет свои революционные идеи, используя реакционные средства – рыцарскую междоусобную распрю, вместо того чтобы начать общенациональное восстание²⁵. Он совершает трагическую ошибку, в этом причина его гибели. Весь трагизм Зикингена состоит в том, что он совершает случайную ошибку вследствие своей классовой принадлежности, вследствие неспособности «уничтожить ту перегородку, которая отделяла его от народа»²⁶. Лассаль приходит к выводу, что разрешение известного диалектического противоречия любой революции в руках ее вождя, который способен подняться над своим «благоразумием», над своей классовой природой и осуществлять руководство движением, основываясь на «реалистической мудрости», которая может «превзойти реалистическое благоразумие и подняться над ним»²⁷.

Трагедия «Франц фон Зикинген» и статья о ней дают представление о взглядах Лассалья на революционный процесс. Руководитель революционного движения должен использовать воодушевление масс, из множества действующих сил в революции точно выбрать силу или силы, способные реализовать на практике прогрессивную идею своего времени.

В начале 1860-х годов Лассаль издает двухтомную монографию «Система приобретенных прав», в которой пытается обосновать законность революций с точки зрения развития правовых отношений. Суть истории – движение человечества к свободе. Правосознание народа постоянно меняется, а это ведет к изменениям в законодательстве, так как в нем отражается сознание народа; достигается это изменение через отмену ранее приобретенных прав и получение новых. Этот двухсторонний процесс «отмены-приобретения» происходит во время революций, которые являются естественными результатами развития правосознания наций. Если рассматривать свободу как свободное волеизъявление в зако-

нодательстве, то революция, во время которой это совершается, не может быть незаконным актом, она – «дальнейшее развитие и откровение правовой идеи» [14: 333]. В этом труде Лассаль впервые заявляет о том, что насилие не является неотъемлемой чертой революции, революция – не кровавый переворот, а мирное, постепенное преобразование действительности. Если еще в конце 1850-х годов Лассаль оправдывал революционное насилие, то в начале 1860-х он приходит к убеждению, что для создания правового государства целесообразнее использовать мирные формы борьбы.

В 1862 году Лассаль активно включается в политическую деятельность. Страна в то время переживает серьезный конституционный конфликт, выход из которого ищут многие политики²⁸. Лассаль пытается наладить сотрудничество с Прогрессивистской партией, предлагая ей свой выход из конфликта с правительством, а именно – требовать от властей проведения демократической военной реформы, введения всеобщего избирательного права. Лидеры прогрессистов отклонили предложения Лассалья и начали пропагандистскую кампанию против него. Стремление Лассалья создать собственную демократическую партию позволило в 1862 году выступить с речью «Программа работников», где он заявляет о начале нового исторического периода – периода господства трудящихся и в то же время призывает к классовому миру, достижению правового государства путем парламентских реформ²⁹.

В 1863 году был создан Всеобщий Германский Рабочий Союз (ВГРС), первым президентом которого стал Ф. Лассаль. В программном документе Союза говорилось о необходимости бороться за достижение всеобщего равного и прямого избирательного права. Средством достижения этой цели «должна быть мирная и законная агитация, при помощи всех законных средств»³⁰. Через всеобщее избирательное право можно достичь преобладания в парламенте представителей всего народа, которые будут принимать законы в интересах широких слоев населения, в первую очередь трудящихся, так как они большинство народа.

Выступая в мае 1863 года перед рабочими во Франкфурте-на-Майне, Лассаль говорит, что недавно образованный Союз – это не столько пролетарская партия, сколько общедемократическая. Лассаль заявляет:

«Поднятое мной знамя, есть знамя демократии вообще... Я вызываю движение общее, демократическое, народное, а не классовое только, ни один подлинный демократ не испугается мысли улучшить положение рабочего класса при помощи Собрания, избранного всеобщей подачей голосов»³¹.

Оратор принципиально настаивает на законных и мирных путях достижения предлагаемых им реформ. Для этого необходимо сотрудничество классов в обществе, сотрудничество с буржуазией, где есть «хорошие, здоровые элементы»³². Лассаль особо подчеркивает, что он ведет борьбу не с буржуазией, а с партией прогрессистов, отошедшей от идеалов демократии³³.

В 1863–1864 годах состоялись тайные встречи Лассалья с министром-президентом Пруссии О. фон Бисмарком. Политики обсуждали ситуацию в стране, внешнеполитические проблемы, вероятность изменений в избирательном законодательстве. Каждый от этих контактов стремился получить практические результаты. Для Лассалья – это введение всеобщего избирательного права, для Бисмарка – укрепление социальной базы монархии среди рабочих, поиск союзников в борьбе с либеральной буржуазией. Ни тот, ни другой не добились своих целей. Негативным последствием этих встреч было появление противоречий в деятельности Лассалья на посту президента ВГРС, в его тактике произошел резкий поворот вправо. Нельзя сказать, что смена тактики Лассалья случилась только под влиянием Бисмарка, но это была одна из причин его нового политического поведения, его обращения к монархии, в которой он увидел единственную силу, способную в тех условиях реформировать существующие порядки и в дальнейшем привести страну к правовому демократическому государству. Возможно, Лассаль хотел перехитрить своего собеседника, добываясь от него всеобщего избирательного права.

В речи, трижды произнесенной в сентябре 1863 года во время агитационной поездки по Рейнской области, Лассаль высказывается по проблеме взаимоотношений между вождем и партией. По его мнению, задачи партии должны определяться учеными, в обязанность рядовых членов входит «непрестанное обдумывание сказанного ими». И далее: «Народ должен служить тем тысячекратным эхом, в котором они нуждаются»³⁴. По Лассалю, получается, что работа о рядовых гражданах – это долг ученых, обязанностью же масс является выполнение научных изысканий. Агитатор высказывает и свое отношение к той массе населения, которая еще не охвачена политическим движением:

«В политической борьбе прежде всего важно привлечь на свою сторону индифферентных, вовлечь в круг страстей наивозможно большие массы – таков единственный и естественный путь для всякого, кто хочет победить!»³⁵

В октябре 1863 года Лассаль выступает с речью «Косвенные налоги и положение рабочих

классов». Здесь он заявляет, что его агитация направлена на изменение самого процесса формирования властных структур, это составляет его «практическую направленность»³⁶. Проведение реформы в избирательном законодательстве – непреложная необходимость, вызванная всем поступательным развитием общества. Существующие в обществе противоречия в настоящее время могут быть устранены только революционным путем: либо «революцией снизу», либо «революцией сверху». Лассаль дает следующее, как он говорит, «строгое научное определение» революции. Это процесс, в ходе которого «на место существующего порядка вещей ставится новый принцип, безразлично делается это путем насилия или без него»³⁷. Лассаль предпочитает мирную революцию, в этой связи свою агитаторскую деятельность рассматривает не как подготовку к перевороту, а как подготовительную работу для проведения реформ³⁸. В данных словах видно не только краткое изложение нового лассалевского понимания революции, но и предостережение правительству о недопустимости затягивания реформ, ибо это чревато социальным взрывом. В завершение выступления Лассаль подчеркивает, что именно государство как вечный и неизблемый институт власти должно провести реформы, мирную революцию – ввести всеобщее избирательное право и создать производственные ассоциации рабочих. Его теория и агитация – «не проповедь разрушения и варварства, это в высшей степени государственное учение!»³⁹.

Последняя агитационная поездка Лассалья была предпринята в мае 1864 года, прозвучавшая речь получила название «Агитация ВГРС и обещания прусского короля». Здесь Лассаль выступает сторонником «социальной монархии». В настоящий момент она видится ему приемлемой формой государственного устройства для перехода к демократии. Лассаль считает теперь, что корона – это та сила, которая способна ввести избирательное право и решать социальные проблемы посредством законодательства⁴⁰.

Эволюция Лассалья в сторону «социальной монархии» весьма показательна. Слабость демократического движения, слабость рабочих организаций, нерешительность буржуазных партий привели Лассалья к выводу, что лишь монархия способна решить стоящие перед страной проблемы. Именно в ней он увидел ту силу, которая способна к саморазвитию, так же как государство, как сама нация. И если немецкий народ в своем развитии дошел до осознания необходимых реформ в обществе, то почему же монархия, развивающаяся вместе с народом, не может прийти к выводу о необходимости таких преобразова-

ний. В выступлении вновь поднимаются вопросы взаимоотношений вождя и масс. Лидер движения в своей личности фокусирует чаяния последователей. Он разрабатывает пути и средства решения возникающих проблем, пользуясь при этом научными методами. Вождь обладает диктаторской властью, декретированной ему приверженцами. Диктаторские полномочия вождя не противоречат понятию свободы, они результат свободного волеизъявления всех сторонников.

«Свобода и власть — эти две решительные противоположности, тесно связанные в нашем Союзе, который таким образом служит в малом виде прообразом нашей будущей общественной формы в обширных размерах»⁴¹.

Заслуживают внимания и такие слова:

«Подчинение основано на ясном понимании, что только диктатура ума, а не болезненное придирчивое самолюбие индивидуальных претензий, может выполнить великие, громадные труды переходных состояний общества»⁴².

В новом подходе Лассалья нет места индивидуализму, нет места той свободе, о которой он говорил ранее. Из ярого противника монархии, «реакционного принципа», он превратился в защитника того института, который, по его мнению, способен к саморазвитию, к совершенствованию, реформированию не только себя, но всего общества. «Социальная монархия» видится Лассалью как переходное состояние государства на период реформ, на время переустройства общества. Какова же конечная цель? По-видимому, это все же правовое общенародное государство. Другой вопрос: сможет ли это переходное государство в дальнейшем стать демократическим? Ответ можно найти опять же во всеобщем избирательном праве, которое видится Лассалью гарантией и такого перерождения.

Теория «социальной монархии» разработана Лассалем слабо, и связано это, очевидно, с тем, что он просто не успел развить свои мысли в стройную теорию. Возможно, и опасался, что его новая концепция встретит самую негативную реакцию в демократических кругах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Истории известно немало случаев, когда политики в начале своей карьеры отличались ради-

кализмом, были революционерами-бунтарями, а, включаясь в реальную политику или оказываясь во власти, превращались в умеренных или консервативных деятелей. Ф. Лассалья, без сомнения, можно отнести к их числу. Еще в юности у него сформировалось убеждение в необходимости бороться за справедливость. Будучи студентом, он оказался под сильнейшим влиянием философии Г. Гегеля и считал революцию тем переворотом, который поднимает человечество на более прогрессивную стадию развития. Активно участвуя в революционных событиях 1848 года в Рейнской области, он призывал граждан с оружием в руках защищать завоевания революции, выступал сторонником демократической республики. В годы реакции Лассаль не утратил связей с рабочими: он выступал перед ними с лекциями, помогал преследуемым революционерам. На протяжении всей жизни он ощущает себя приверженцем революции, однако понимание революции с годами менялось.

В трагедии «Франц фон Зикинген» Лассаль пытался определить общие причины поражения революций и пришел к выводу, что революции побеждают при самопожертвовании масс, которыми руководят мудрые вожди, способные применять любые средства для достижения успеха.

В монографии «Система приобретенных прав» он трактует революции как результат саморазвития понятия, как законный процесс отмены гражданами старых прав и приобретения ими новых.

Возглавляя ВГРС, Лассаль стремится проводить реальную политику. Он призывает к классовому сотрудничеству, к реформам со стороны государства, и прежде всего введения в Пруссии всеобщего избирательного права. Последнее агитационное выступление посвящено «социальной монархии», способной реагировать на чаяния населения и проводить политику в интересах большинства общества. Кардинальные изменения во взглядах Лассалья произошли вследствие трезвой оценки соотношения классовых сил в стране, неразвитости демократического и рабочего движения. Лассаль видел свою первоочередную задачу в создании массовой демократической партии, которая должна мирными, законными средствами добиться от властей самых широких реформ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бернштейн А. Основные взгляды Ф. Лассалья // Под знаменем марксизма. 1924. № 10-11. С. 153–189.

² Виноградская П. С. Ф. Лассаль. М.; Л., 1926. 250 с.

³ Lassalles Briefe von 12 Juni, 6 September 1844, Mit. 1845 // Lassalle F. Nachgelassene Briefe und Schriften: In 6 Bde. Berlin; Leipzig, 1921–1925. Bd. 1.

⁴ Lassalle F. an Mendelsohn, Oppenheim, Lefeld // Ibid. S. 229.

⁵ Lassalle F. an Lassal H. 12 Juni 1844 // Ibid. S. 102.

⁶ Лассаль Ф. Моя речь перед судом присяжных заседателей 3 мая 1849 года в Дюссельдорфе // Лассаль Ф. Сочинения: В 3 т. М., 1925. Т. 2. С. 317.

- ⁷ Там же. С. 318.
- ⁸ Там же. С. 319.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. С. 322.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 324.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Лассаль Ф. – Марксу К. 6 марта 1859 г. // Письма Ф. Лассаля к К. Марксу и Ф. Энгельсу. СПб., 1905. С. 128.
- ¹⁶ Лассаль Ф. – Марксу К. 27 мая 1859 г. // Там же. С. 159.
- ¹⁷ Лассаль Ф. Зикинген и крестьянская война // Там же. С. 130–138.
- ¹⁸ Там же. С. 131.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. С. 130.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. С. 132.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. С. 135.
- ²⁶ Лассаль Ф. – Марксу К., Энгельсу Ф. 27 мая 1859 г. // Письма Ф. Лассаля... С. 163.
- ²⁷ Лассаль Ф. Зикинген и крестьянская война // Там же. С. 137.
- ²⁸ Конституционный конфликт в Пруссии – политический кризис, вызванный резким противостоянием правительства и парламента, где большинство депутатских мест принадлежало представителям Прогрессивной партии, по поводу финансирования военной реформы, инициированной министром А. фон Рооном и королем Вильгельмом I.
- ²⁹ Лассаль Ф. Программа работников // Лассаль Ф. Сочинения. Т. 1. С. 26.
- ³⁰ Лассаль Ф. Гласный ответ Центральному Комитету, учрежденному для созыва Общегерманского Рабочего Конгресса в Лейпциге // Там же. Т. 2. С. 53.
- ³¹ Лассаль Ф. Книга для чтения рабочим // Там же. С. 139.
- ³² Там же.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Лассаль Ф. Празднества, пресса и франкфуртский съезд депутатов // Там же. С. 159.
- ³⁵ Там же. С. 165.
- ³⁶ Лассаль Ф. Косвенные налоги и положение рабочих классов // Там же. Т. 1. С. 283.
- ³⁷ Там же. С. 284.
- ³⁸ Там же. С. 285.
- ³⁹ Там же. С. 288.
- ⁴⁰ Лассаль Ф. Агитация ВГРС и обещания прусского короля // Там же. Т. 2. С. 313.
- ⁴¹ Там же. С. 315.
- ⁴² Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А ко п о в Л. В. Надклассовая природа современной российской Конституции // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 4. С. 66–77.
2. Г р и г о р ь е в а О. В. Взгляды Фердинанда Лассаля на государство // Государство и право. 2012. № 5. С. 107–110.
3. Г р и г о р ь е в а О. В. Идеи всеобщего избирательного права Фердинанда Лассаля // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2010. № 3. С. 259–261.
4. Г р и г о р ь е в а О. В. Основные причины отношений Фердинанда Лассаля и Отто фон Бисмарка // Молодой ученый. 2010. № 5-2. С. 64–66.
5. М е л е щ е н к о З. Н. Философские и политические взгляды Ф. Лассаля и современный ревизионизм // Вестник Ленинградского университета. Сер. Экономика, философия, право. 1960. № 5. Вып. 1. С. 76–87.
6. С у в о р о в Ю. В. Научные труды Ф. Лассаля // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 7 (176). С. 15–19. DOI: 10.15393/uchz.art.2018.222
7. С у в о р о в Ю. В. Ф. Лассаль и национальный вопрос // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Общественные и гуманитарные науки. 2016. № 7-1 (160). С. 28–32.
8. С у в о р о в Ю. В. Ф. Лассаль о правовых аспектах взаимоотношений общества и государства // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Общественные и гуманитарные науки. 2016. № 1 (154). С. 32–36.
9. С у в о р о в Ю. В. «Франц фон Зикинген» Ф. Лассаля // Политическая история и историография. От античности до современности. Вып. 4. Петрозаводск, 2007. С. 96–102.
10. Ф о л о м е е в С. Н. Власть и социальное законодательство рабочих в Германии второй половины XIX века: намерения и результаты // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. 2018. Т. 20. № 3. С. 163–170.
11. Ф о л о м е е в С. Н. Между революцией и эволюцией: у истоков немецкой социал-демократии // Креативная экономика и социальные инновации. 2015. Т. 5. № 4 (13). С. 96–118.
12. G o t t h a r d t C. Industrialisierung, burgerliche Politik und Autonomie. Bonn, 1992. 440 s.

13. Mommsen W. Bismarck und Lassalle // Archiv fur Sozialgeschichte. Hannover; Bonn. 1963. Bd. 3. S. 81–86.
14. Na'man S. Lassalle. Ein neue politische Biographie. Hannover, 1971. 890 s.
15. Ramm T. Das Sickingendrama und Lassalles politischen Theorie // Giessener Universitätsblättern. Giessen. 1972. No 5. H. 2. S. 57–71.
16. Schmidt C. F. Lassalle und die Politisierung der deutschen Arbeiterbewegung // Archiv fur Sozialgeschichte. Hannover; Bonn. 1963. Bd. 3. S. 5–20.
17. Stierner H. Agitation und Rhetorik F. Lassalles in der Tradition der fruher sozialistischen deutschen Arbeiterbewegung. Marburg, 1978. 298 s.

Поступила в редакцию 26.06.2020

Yuriy V. Suvorov, PhD in History, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
suvorov@petrsu.ru

FERDINAND LASSALLE ON REVOLUTION

The article explores the evolution of views on the revolutionary process expressed by the founder of German social democracy Ferdinand Lassalle. Special attention is paid to the analysis of the works in which Lassalle enunciates his conception of revolution. The importance of this research is determined by the demand for understanding the revolution by politicians with different views. In his student days, being strongly influenced by Hegel's philosophy, Lassalle considered the revolution a leap that brings the historical process to a new stage of development. While taking part in the revolution of 1848, he called to defend the interests of a popularly elected parliament with arms and acted as a supporter of a democratic republic. Lassalle analyzed the consequents of the 1848 failures in his tragedy *Franz von Sickingen*, in which he said that the revolution can win only in the case of self-sacrifice of the masses following a leader with "realistic wisdom", who will be able to precisely choose the revolutionary force that will prevail. In his monograph *The System of Acquired Rights*, the revolution is interpreted as a legal process for citizens to cancel their old rights and acquire new ones. In the early 1860s, when Lassalle started his ambitious political activity, his attitude towards the revolution changed. Now he was against an armed uprising and advocated class cooperation and reforms that were to be implemented by the existing state. Instead of a revolutionary leap, he proposed gradual peaceful transformations. He formulated his conception of "social monarchy" as a transitional period on the way to building a legal democratic state. Fundamental changes in Lassalle's views on the revolution resulted from the balance of the class forces in the country, underdevelopment of the labor and democratic movements, and the desire to create a mass people's party and achieve universal suffrage as soon as possible.

Keywords: Ferdinand Lassalle, revolution, reform, state, nation, leading figure, universal suffrage, "social monarchy"

Cite this article as: Suvorov Yu. V. Ferdinand Lassalle on revolution. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 8. P. 15–22. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.545

REFERENCES

1. Akopov L. V. Above class nature of the modern Russian constitution. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2018. No 4. P. 66–77. (In Russ.)
2. Grigor'eva O. V. Ferdinand Lassalle's views on the state. *State and Law*. 2012. No 5. P. 107–110. (In Russ.)
3. Grigor'eva O. V. Ideas of the universal suffrage of Ferdinand Lassalle. *Gaps in Russian Legislation*. 2010. No 3. P. 259–261. (In Russ.)
4. Grigor'eva O. V. The main reasons for the relationship between Ferdinand Lassalle and Otto von Bismarck. *Young Researcher*. 2010. No 5-2. P. 64–66. (In Russ.)
5. Meleschenko Z. N. Philosophical and political views of F. Lassalle and modern revisionism. *Bulletin of Leningrad University. Economics, Philosophy, Law*. 1960. No 5. Issue 1. P. 76–87. (In Russ.)
6. Suvorov Yu. V. F. Scientific works of Ferdinand Lassalle. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2018. No 7 (176). P. 15–19. DOI: 10.15393/uchz.art.2018.222 (In Russ.)
7. Suvorov Yu. V. F. Lassalle and the national question. *Proceedings of Petrozavodsk State University. Social Human Sciences*. 2016. No 7-1 (160). P. 28–32. (In Russ.)
8. Suvorov Yu. V. F. Lassalle on legal aspects in relations between society and the state. *Proceedings of Petrozavodsk State University. Social and Human Sciences*. 2016. No 1 (154). P. 32–36. (In Russ.)
9. Suvorov Yu. V. *Franz von Sickingen* by Ferdinand Lassalle. *Political history and historiography. From antiquity to modern times*. Issue 4. Petrozavodsk, 2007. P. 96–102. (In Russ.)
10. Folomeev S. N. Power and social legislation for workers in Germany in the second half of the XIX century: intentions and results. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2018. Vol. 20. No 3. P. 163–170. (In Russ.)
11. Folomeev S. N. Between the revolution and the evolution: at the origins of German social- democracy. *Creative Economics and Social Innovation*. 2015. Vol. 5. No 4 (13). P. 96–118. (In Russ.)
12. Gotthardt C. Industrialisierung, burgerliche Politik und Autonomie. Bonn, 1992. 440 s.
13. Mommsen W. Bismarck und Lassalle. *Archiv fur Sozialgeschichte*. Hannover; Bonn. 1963. Bd. 3. S. 81–86.
14. Na'man S. Lassalle. Ein neue politische Biographie. Hannover, 1971. 890 s.
15. Ramm T. Das Sickingendrama und Lassalles politischen Theorie. *Giessener Universitätsblättern*. Giessen. 1972. No 5. H. 2. S. 57–71.
16. Schmidt C. F. Lassalle und die Politisierung der deutschen Arbeiterbewegung. *Archiv fur Sozialgeschichte*. Hannover; Bonn, 1963. Bd. 3. S. 5–20.
17. Stierner H. Agitation und Rhetorik F. Lassalles in der Tradition der fruher sozialistischen deutschen Arbeiterbewegung. Marburg, 1978. 298 s.

Received: 26 June, 2020

ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА ЛАНЬКОВА
ассистент кафедры истории стран Дальнего Востока Вос-
точного факультета
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ms.lankova@mail.ru

ОЦЕНКА РЕФОРМАТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО В СТАТЬЯХ КИТАЙСКИХ ИСТОРИКОВ 1980–1990-х ГОДОВ*

Целью данного исследования являются рассмотрение взглядов китайских историков 1980–1990-х годов на реформаторскую деятельность Петра Великого и выявление их оценочных суждений относительно тех сфер, которых коснулись преобразования. Тема исследования актуальна в связи с всплеском интереса к личности Петра I и его методам модернизации, который последовал сразу после начала Политики реформ и открытости в Китае. Эта политика стимулировала более глубокое изучение историками КНР опыта России петровских времен, преодолевшей отсталость и ставшей одной из передовых европейских держав. Автором настоящей статьи была выполнена классификация статей китайских историков, рассмотрены их оценки действий, предпринятых Петром I по усовершенствованию устоявшегося уклада жизни дореформенной России. Преобразования петровского времени в этих работах оценены весьма положительно. Однако присутствуют и критические замечания. Личность Петра I представляется китайским исследователям сложной и многогранной и одновременно с этим величественной. Именно его заслугой считается преобразование и дальнейшее возвышение России.

Ключевые слова: Петр I, реформы Петра Великого, китайская историография, имагология

Для ц и т и р о в а н и я : Ланькова Е. В. Оценка реформаторской деятельности Петра Великого в статьях китайских историков 1980–1990-х годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 8. С. 23–29. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.546

ВВЕДЕНИЕ

Биография и реформаторская деятельность Петра I давно начали притягивать внимание образованной части китайского общества. Ранние упоминания российского императора и его преобразований можно встретить уже в сочинениях китайских публицистов первой половины XIX века. Но долгое время – вплоть до последней четверти XX века – они были малочисленны, носили лишь фрагментарный характер и содержали разнородные лаконичные сведения о царе. Эти сочинения рассматривают Н. А. Самойлов [2] и Д. И. Маяцкий [1] – авторы единственных пока известных нам специальных имагологических исследований, посвященных Петру I.

Во второй половине XX века в Китае количество публикаций о Петре Великом неожиданно возросло – появилась плеяда ученых, детально изучавших разные стороны многогранной деятельности царя, и прежде всего его реформы 1695–1725 годов. Первая такая работа под названием «Реформы российского Петра I» [13] была опубликована еще в 1960 году Ся Цзинцаем в соавторстве с Цзян Дэчаном. После ее выхода на протяжении двух десятилетий наблюдалось зати-

шье, которое в 1980-х годах прервалось чередой статей о Петре I, ознаменовавших собой новую веху в исследованиях.

Взросший в 1980-х годах интерес китайских исследователей к Петру Великому следует признать закономерным. Дело в том, что в 1978 году в Китае была объявлена «Политика реформ и открытости», основными целями которой являются модернизация в экономической и политической сферах и открытость внешнему миру, в конечном счете – строительство нового сильного государства, способного противостоять всем вызовам времени, не только с развитой экономикой и обеспеченным необходимыми благами обществом, но также с современным образованием, передовой наукой и техникой, сильной армией и т. д. В ходе реализации этого курса Китай пошел по ранее неизвестному ему пути развития. По сути, китайское государство оказалось примерно в той же ситуации, что и Россия в Петровскую эпоху. Вполне естественно, что китайские историки тогда почувствовали параллель и обратились к изучению реформаторской деятельности Петра I, благодаря которой Россия превратилась в одну из сильнейших и передовых европейских держав.

В результате по этой теме стали выходить многочисленные статьи, счет которых быстро пошел на десятки.

Поскольку никто еще не изучал вопрос оценки реформ Петра Великого в работах китайских историков, мы решили рассмотреть его отдельно. При этом будем опираться на исследования, выходившие в 1980–1990-х годах. Выбор таких хронологических рамок имеет объяснение.

В XXI веке в Китае произошла смена системы ценностных приоритетов в стратегии развития. Если в прошлом веке приоритетным было развитие экономики, то в настоящее время поставлена цель построения гармоничного общества, где основное внимание уделяется обеспечению гармонии между человеком и обществом, единства мира социального и мира природы. Соответственно, больший упор делается теперь на развитие образования и повышение культурного уровня народа. В этой связи изменился содержательный план исследований деятельности Петра I. Принимая во внимание это обстоятельство, мы решили ограничить исследование рамками 80–90-х годов XX века.

Работы историков КНР по данной проблематике, относящиеся к выбранному нами периоду, можно разделить на следующие категории:

- статьи общего характера, в которых рассматриваются предпосылки и ход реформ, даются им оценки (Е Тунфэна [6], Ли Сяньжуна [7], Ли Пэна в соавторстве с Се Цзинфаном [8], Ли Цзюньина [9], Сунь Сянсю в соавторстве с Сун Вэньжуном [10], Сюй Юнься [12], Тао Хуэйфэня [14] [15], Чжан Гуйжуна [18], Чэнь Лицзиня [24], Чэнь Чжэнгуана [25] и Цзя Вэньхуа [26]);

- статьи, посвященные внешней политике Российской империи (Гао Юйхая [3], Дун Цзиминя [5] и Сунь Сянсю [11]) – их обзор осуществлен в публикации Д. И. Маяцкого [1];

- статьи, в которых разбираются социально-экономические реформы (например, Чжао Чжэньина [20]);

- статьи о реформировании образования и просвещения (Тао Хуэйфэня [16] и Фу Юэина [17]);

- статьи, посвященные анализу военной реформы и укреплению армии (например, Ду Куэйюаня [4]);

- статьи о реформе календаря (например, Чжан Тайчжуна [19]);

- статьи о налоговой политике (Чжао Шиго [21]);

- статьи, в которых изучаются методы усиления контроля над чиновниками в целях сокращения масштабов взяточничества и казнокрадства (Чжао Шиго и Тань Цзяньхуа [22]).

Следует отметить, что работ по военным, налоговым, календарным и антикоррупционным преобразованиям выходило немного. Кроме того, работы 80-х годов в основном посвящены изучению Петровских реформ в комплексе с детальным рассмотрением внешнеполитической обстановки и дипломатических отношений России с другими странами, в публикациях же 90-х годов акцент перенесен на изучение конкретных преобразований (при этом наибольший интерес проявлялся к реформам в области образования, просвещения, культуры).

По интересующему нас вопросу в совокупности было найдено около 40 публикаций. Мы решили сосредоточиться на изучении 13 работ обзорного характера, поскольку именно в них китайские исследователи излагают общую оценку реформаторской деятельности Петра I.

Рассматривая отобранные работы, попытаемся решить несколько задач:

- определить, что, по мнению китайских историков, послужило предпосылками для реформ Петра I;

- установить характеристики и оценки, дававшиеся китайскими учеными петровским преобразованиям;

- выделить аспекты, на которые китайские исследователи обращали наибольшее внимание.

ПРЕДПОСЫЛКИ К РЕФОРМАМ И ИХ СОДЕРЖАНИЕ В ОЦЕНКАХ КИТАЙСКИХ ИСТОРИКОВ

Рассмотрение реформ Петра I китайские исследователи, как правило, предваряют изучением исторического контекста и возможных предпосылок к ним.

Описывая Россию рубежа XVII–XVIII веков, ученые неизменно проводят сравнение со странами Запада и отмечают, что к этому времени в Голландии и Британии уже произошли буржуазные революции, в государствах Западной Европы начался переход от феодального строя к капиталистическому, наметилось бурное развитие торговли и промышленности, машинного производства. В России же наблюдалось усиление крепостничества, основой экономики по-прежнему являлось отсталое сельское хозяйство, а уровень промышленного развития оставался крайне низким. Историк Тао Хуэйфэнь пишет, что

«в этот период не производились многие товары, сталь, порох, огнестрельное оружие, снаряды, сукно и шелк импортировались из Европы, а внешняя торговля была полностью сконцентрирована в руках иностранцев» [14: 53].

В военной области китайские ученые обращают внимание на отсталость вооружения, отсутствие регулярной армии, а также военноморского флота, ввиду чего Россия часто терпела поражения в войнах. К немаловажному показателю отсталости царской России авторы относят и тот факт, что культура и образование переживали упадок: количество учебных заведений оставалось весьма небольшим, да и в тех могли учиться лишь дети аристократов и выходцы из богатых семей. Подавляющее большинство населения составляли неграмотные люди. Отсутствовала учебная и научно-техническая литература. Ощущалась острая нехватка подготовленных кадров на государственных должностях.

Китайские исследователи отмечают, что Петр I проводил реформы в условиях нестабильности политического режима, коррумпированности и некомпетентности государственных институтов власти. В частности, Сунь Сянсю, Сун Вэньжун [10] и Тао Хуэйфэнь [14] пишут о существовании в российском обществе петровских времен двух проблем – обострения (из-за усиления крепостничества) противоречий между господствовавшей верхушкой и народом и борьбы за власть в стране внутри правящего класса (она проявлялась в неоднократных попытках осуществления дворцовых переворотов до, во время и после правления Петра I). Неспособность полностью контролировать ситуацию была обусловлена слабостью центральных и местных органов власти, а также неэффективностью и раздутостью государственного аппарата. Подводя итоги рассмотрению внутривластной обстановки дореформенной России, Е Тунфэн [6], Ли Сяньжун [7], Ли Пэн и Се Цзинфан [8], Ли Цзюньин [9], Сунь Сянсю и Сун Вэньжун [10], Сюй Юнься [11], Тао Хуэйфэнь [14] [15], Чэнь Лицзинь [24] и Цзя Вэньхуа [26] делают вывод о том, что к проведению реформ в стране Петра I подталкивали вышеуказанные предпосылки. В дополнение к этому некоторые историки – Е Тунфэн [6], Ли Сяньжун [7], Ли Пэн и Се Цзинфан [8], Тао Хуэйфэнь [14] и Чэнь Лицзинь [24] – считают, что внешнеполитические причины, а именно Азовские походы (1695–1696) и Северная война (1700–1721), в свою очередь, тоже обнажили военную отсталость России и, соответственно, указали на необходимость модернизации в этой области.

Анализируя реформы Петра I, большинство китайских исследователей – Е Тунфэн [6], Ли Сяньжун [7], Ли Пэн и Се Цзинфан [8], Ли Цзюньин [9], Сунь Сянсю и Сун Вэньжун [10], Сюй Юнься [12], Тао Хуэйфэнь [14] [15], Чжан Гуйжун [18], Чэнь Лицзинь [24], Чэнь Чжэнгуан [25] и Цзя Вэньхуа [26] – выделяют четыре основных

аспекта, которых коснулись изменения: органы государственного управления, армия, экономика, образование и культура.

Обращает на себя внимание то, что если в отечественной историографии общепринятым является разделение реформаторской деятельности Петра I на два этапа (1696–1715 и 1715–1725), то китайские исследователи воспринимают реформы Петра I цельным и неделимым процессом.

Подавляющее большинство китайских ученых считают верным решение Петра начать преобразования с органов государственного управления, поскольку именно они являются «гарантом реализации различных режимов и политических курсов» [7: 110], [10: 13], [15: 32]. Историки отмечают, что с первых лет правления Петра I в его политике четко прослеживалась тенденция снижения роли малоэффективной Боярской Думы, которая часто вмешивалась в принятие решений государем. В итоге Петр I упразднил Думу и создал Правительствующий Сенат, сосредоточив полноту власти в своих руках [7: 110]. Дальнейшие действия царя в этой области – учреждение должностей фискалов и обер-фискалов (названных Сун Сянсю и Сун Вэньжуном «глазами и ушами Петра» [10: 15]), ведших тайный надзор за всеми делами гражданских ведомств, и реформирование местных органов управления – воспринимаются как последовательные действия по укреплению централизованной власти.

Особенно позитивно китайские ученые относятся к попыткам борьбы Петра I с «политикой кумовства» и изменению системы подбора чиновников. Они отмечают, что до его восшествия на престол такая практика процветала в государственных структурах, вследствие чего последние были наполнены людьми «невежественными, неспособными и причинявшими вред экономике России» [10: 16]. Высоко оценивается учрежденная указом Петра I от 1722 года «Табель о рангах», которая дала возможность занимать важные посты и продвигаться по службе не только тем, кто по рождению принадлежал к знатной семье, но и поистине талантливым людям.

Многие китайские авторы выделяют преобразования в военной сфере, полагая, что Петру I было важно получить выход к морю и укрепить оборону страны. Как было отмечено выше, реформаторская деятельность императора осуществлялась в условиях постоянных войн, которые, по мнению китайских историков, и определили основное направление петровских преобразований. Реорганизация армии в этой связи имела огромное значение:

«В 1700 году согласно приказу Петра I было упразднено стрелецкое войско и введена система воинской по-

винности, обязывавшая нести службу вне зависимости от принадлежности к социальному сословию... За время правления Петра I воинский призыв состоялся 53 раза, было рекрутировано около 284 000 человек» [6: 45].

Высоко оценивается стремление Петра I улучшить командные и технические навыки офицеров, для чего молодые люди из знатных семей отправлялись обучаться военному делу в Италию, Францию, Англию, Нидерланды и другие европейские страны, а иностранцы приглашались в Россию, где они занимали важные военные посты. В последние годы правления Петра I результатом такой грамотно проводившейся политики, как отмечает Тао Хуэйфэн, стало создание «регулярной армии численностью в 200 тыс. человек, модернизированной по европейскому образцу и состоявшей из войск четырех видов – пехоты, кавалерии, артиллерии и гарнизонных» [14: 55].

Строительство военно-морского флота – еще одно достижение Петра I в военной сфере, как считают китайские ученые. Они вменяют царю в заслугу создание Балтийского флота и первой военно-морской базы в Кронштадте.

Экономические реформы петровского времени также рассматриваются в работах китайских историков. Их разделяют на преобразования в промышленности и торговле. Исследуя положение в промышленности, высоко оценивают расширение уже имевшихся мануфактур и «строительство новых мануфактур – кожевенных, чугунных, сталелитейных, суконных и других» [10: 14]. Для этого Петр I предпринимал ряд поощрительных действий, включавших предоставление владельцам заводов различных льгот для поддержки их производств, а также проведение реформы городского самоуправления, благодаря которой торговцы смогли самостоятельно управлять кустарной и городской промышленностью и регулировать торговлю. В поддержке Петром I внешней торговли китайские историки видят основной фактор дальнейшего развития торговых отношений как внутри страны, так и за ее пределами.

Крайне важной и неотъемлемой частью петровских преобразований китайские исследователи считают реформу образования и культуры. Здесь можно выделить несколько пунктов, рассматриваемых в статьях. Прежде всего это «открытие огромного количества учебных заведений для подготовки молодых кадров» [10], как общеобразовательных, так и специализированных [6], [8] – военно-морских, кораблестроительных, технических, медицинских училищ, а также заведений, в которых изучались иностранные языки, готовились будущие дипломаты. Не об-

ходят ученые вниманием и основание Академии наук. Цзя Вэньхуа пишет, что

«педагогическая деятельность ученых в этих структурах повысила не только качество образования в школах, но и помогла подготовить способных специалистов в разных областях, в том числе, в госучреждениях» [26].

Всеми исследователями отмечается также упрощение письменности, появление печатных изданий и даже реформа календаря, поскольку организация правильного летоисчисления в Китае всегда была делом особой важности.

Историки Сунь Сянсю, Сун Вэньжун [10] и Ли Сяньжун [7] положительно отзываются о секуляризации образования и передаче функций надзора за ним от церкви правительственным органам. Можно отметить, что реформы в данной сфере китайские исследователи связывают прежде всего с нуждами подготовки компетентных чиновников. В этом смысле они явно исходят из реалий императорского Китая, в котором конечной целью образования было прохождение отбора на государственные должности, позволявшего китайской интеллектуальной элите веками держать в своих руках власть и делать образованность символом преуспевания.

ОЦЕНКА ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ КИТАЙСКИМИ ИСТОРИКАМИ

В общем и целом авторы рассмотренных работ считают реформы Петра I успешными и, более того, связывают возросшее могущество Российской империи именно с ними [9]. Прежде всего ученые отмечают организаторский талант Петра I, под руководством которого реформы проходили. Воссозданию характера Петра I отводится немало места. Перед взором китайских исследователей Петр I предстает государем, беззаветно служившим России и ее народу. Ли Сяньжун так описывает его: «Обладея удивительным упорством и невероятной целеустремленностью, он все силы вкладывал в одно дело – преобразование России» [7: 110]. Положительно оценивается и тяга Петра I к знаниям. Большое внимание в работах Чэнь Чжэнгуана [25] и Сюй Юнься [11] уделяется биографии русского императора, с детства питавшего страсть к учебе, а в молодости посещавшего страны Запада с целью изучить возможные пути модернизации и превратить Россию в сильное, процветающее государство. Несгибаемая воля Петра I, по мнению китайских историков, проявляется еще и в его умении противостоять тем, кто не поддерживал его начинания. «Реформа – это борьба за то, чтобы сломать старое и создать новое», – считает Ли Цзюньин [9: 96]. Тао Хуэйфэн добавляет, что

«реформа, как правило, нарушает устоявшиеся традиции и вместе с тем разрушает интересы знати, побуждает их изменять образ жизни и лишает некоторых привилегий, что неизбежно вызывает сопротивление» [14: 55].

Однако Петр I преодолел и его.

Рассматривая причины успеха Петра I, китайские ученые выделяют и неопценимую роль русского народа. Ли Сяньжун отмечает, что «широкие массы трудящихся стали движущей силой петровских реформ и решающим фактором их успеха» [7: 113]. Исследователи пишут, что народные восстания и бунты тоже побуждали Петра I проводить преобразования. Тао Хуэйфэн остерегается от «отрицания роли русского народа в реализации реформ Петра I», усматривая в этом «отход от принципов исторического материализма» [14: 57].

Несмотря на доминирование положительных суждений о Петре I и проведенных им преобразованиях, можно заметить также и критические замечания. Так, по мнению китайских ученых, негативным следствием реформ было усиление крепостной зависимости, к которой привели следующие действия Петра I. Во-первых, указ о единонаследии 1714 года способствовал концентрации земли в руках крупных помещиков и закабалению крепостных крестьян. Во-вторых, исходной и конечной точкой Петровских реформ китайские ученые считают защиту интересов дворянства, аристократии и крупных предпринимателей, соответственно, тех людей, кто использовал труд крепостных крестьян. Тао Хуэйфэн пишет, что «из петровских реформ больше всего выгоды получил его фаворит Меншиков» [14: 55]. «Только у него одного было 140 000 крепостных» [14: 55]. Китайские исследователи считают, что реформы Петра I проводились в условиях жестокой эксплуатации и притеснения крестьян. Они требовали немалых вложений казны, осуществлялись одновременно с военными кампаниями. Эти тяготы ложились на плечи простых людей. Цзя Вэньхуа замечает:

«Им приходилось платить огромные налоги, нести воинскую и трудовую повинность в виде строительства дорог, мостов, прокладывания каналов и обустройства новой столицы – Петербурга» [26: 46].

Е Тунфэн [6], Ли Пэн и Се Цзинфан [8], Ли Цзюньин [9], Чжан Гуйжун [18], Сунь Сянсю и Сун Вэньжун [10] пишут, что вследствие реформ Петра I погибло немало крестьян. Сочувствие китайских ученых тяжелому положению российского крестьянства и подчеркивание его участия в успешном проведении реформ Петра Великого может быть объяснено влиянием на них представлений Мао Цзэдуна, считавшего крестьянство вернейшим и крупнейшим союзником пролетариата. Истоки таких взглядов восходят и к этико-политическому учению конфуцианства, всегда имевшего огромное значение в социокультурной и политической жизни китайского общества. Идеальное конфуцианское общество может быть охарактеризовано так: «Народ – основа государства. Когда страна стабильна, тогда и основа прочна» [23]. То есть прочность государства создается неустанной заботой о народе, постановкой роста его благосостояния во главу приоритетов правительства. В идеальном конфуцианском обществе угнетение крестьян исключалось.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Автором изучены статьи китайских историков 1980–1990-х годов о реформах Петра I. По их мнению, необходимость петровских преобразований была вызвана отсталостью России от стран Запада и внешнеполитическими причинами. Петровские реформы китайские ученые рассматривают в четырех основных сферах – органах государственного управления, экономике, армии и образовании. Они находят мудрым решение царя начать реформирование с органов государственного управления и армии, ставших к началу его правления малоэффективными. Положительная оценка дана изменениям, совершенным в экономической и образовательной сферах. Критические замечания получили меры, приведшие к укреплению крепостного права и суровой эксплуатации крестьянского труда. В целом же китайские историки считают реформы Петра I успешными, состоявшимися благодаря железной воле царя и вкладу русского народа и приведшими к возвышению Российской империи.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42018 «Образ Петра Великого в странах Восточной Азии: Социокультурная интерпретация и адаптация».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. М а я ц к и й Д. И. Внешняя политика Петра Великого в статьях китайских историков 1980–1990-х годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 6. С. 15–23. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.512
2. С а м о й л о в Н. А. Образ Петра Великого и идеология реформаторского движения в Китае в конце XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 4. С. 107–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.489

3. 高玉海。试析彼得使团的出访与改革 // 绥化师范专学报, 1989年, 第1期, 60–63页。(Гао Юйхай. Коротко о посольстве Петра и его реформах // Вестник Педагогического института Суйхуа. 1989. № 1. С. 60–63).
4. 杜魁元。彼得一世的军事改革 // 军事历史, 1998年, 第3期, 3–5页。(Ду Куэйюань. Военная реформа Петра I // Военная история. 1998. № 3. С. 3–5).
5. 董继民。俄国扩张原因新论 // 齐齐哈尔师范学院学报 (哲学社会科学版), 1994年, 第04期, 58–66页。(Дун Цзиминь. Новые рассуждения о причинах расширения Российской империи // Вестник Цицикарского педагогического института (Философия и общественные науки). 1994. № 4. С. 58–66).
6. 叶同丰。试论彼得一世改革的性质 // 福建师范大学学报 (哲学社会科学版), 1987年, 第8期, 41–47页。(Е Тунфэн. О характере реформ Петра I // Вестник Фуцзяньского педагогического университета (Общественные науки Чжэли). 1987. № 8. С. 41–47).
7. 李显荣。论彼得改革及其评价 // 史学月刊, 1985年, 第1期, 109–115页。(Ли Сяньжун. О петровских реформах и их оценке // Исторический ежемесячник. 1985. № 1. С. 109–115).
8. 李朋, 谢景芳。彼得一世改革特质与俄国现代化方向 // 求是学刊, 1996年, 第6期, 108–111页。(Ли Пэн, Се Цзинфан. Особенности реформ Петра I и курс на модернизацию России // Журнал «Цзюши». 1996. № 6. С. 108–111).
9. 李俊英。试析彼得一世改革成功的原因 // 河北师范大学学报, 1989年, 第4期, 94–97页。(Ли Цзюньин. Анализ причин успеха реформ Петра I // Вестник Хэбэйского педагогического университета. 1989. № 4. С. 94–97).
10. 孙祥秀, 宋文荣。略论彼得一世的改革 // «思想战线», 1981年, 第1期, 13–19页。(Сунь Сянсю, Сун Вэньжун. Коротко о реформах Петра I // Идеологический фронт. 1981. № 1. С. 13–19).
11. 孙祥秀。浅析彼得一世时期的俄国外交 // «思想战线», 1986年, 第6期, 58–65页。(Сунь Сянсю. Краткий анализ российской дипломатии петровских времен // Идеологический фронт. 1986. № 6. С. 58–65).
12. 徐云霞。彼得一世的改革思想 // 辽宁大学学报, 1991年, 第1期 (总107期), 110–112页。(Сюй Юнься. Реформаторские идеи Петра I // Вестник Ляонинского университета. 1991. № 1 (107). С. 110–112).
13. 夏景才, 姜德昌。俄国彼得一世的改革 // 历史教学, 1960年, 第3期, 22–26页。(Ся Цзинцай, Цзян Дэчан. Реформы российского Петра I // Изучение истории. 1960. С. 22–26).
14. 陶惠芬。论彼得一世在改革中的作用 // 中国社会科学院世界历史研究所, 1981年, 第3期, 53–58页。(Тао Хуэйфэн. О роли Петра I в проведении реформ // Исследовательский институт мировой истории Китайской академии общественных наук. 1981. № 3. С. 53–58).
15. 陶惠芬。彼得一世改革及其实质 // 历史教学, 1982年, 第7期, 31–33页。(Тао Хуэйфэн. Реформы Петра I и их суть // Изучение истории. 1982. № 7. С. 31–33).
16. 陶惠芬。彼得一世的文化教育改革及其作用 // 中国社会科学院世界历史研究所, 1992年, 第5期, 76–85页。(Тао Хуэйфэн. Реформы Петра I в области культуры и образования и их роль // Исследовательский институт мировой истории Китайской академии общественных наук. 1992. № 5. С. 76–85).
17. 符月英。彼得一世的文化革新 // 世界历史, 1984年, 第4期, 20–24页。(Фу Юэин. Реформа Петра I в области культуры // Мировая история. 1984. № 4. С. 20–24).
18. 张桂荣。“彼得一世改革”给世人的启示 // 潍坊教育学院学报, 1997年, 第3期 (总第25期), 14–16页。(Чжан Гуйжун. Открывая современникам «петровские реформы» // Журнал образовательного колледжа Вэйфан. 1997. № 3 (25). С. 14–16).
19. 张太中。俄罗斯的新年 // 俄语学习, 1997年, 第6期, 44页。(Чжан Тайчжун. Российский новый год // Изучение русского языка. 1997. № 6. С. 44).
20. 赵振英。略论彼得一世的经济政策 // 辽宁师范大学学报, 1987年, 第4期, 81–84页。(Чжао Чжэньин. Об экономической политике Петра I // Журнал Ляонинского педагогического университета. 1987. № 4. С. 81–84).
21. 赵士国。彼得一世税制改革论略 // 世界历史, 1996年, 第4期。(Чжао Шиго. О налоговой реформе Петра I // Мировая история. 1996. № 4).
22. 赵士国, 谭建华。彼得一世改革和反腐败的斗争 // 湖南师范大学社会科学学报, 1996年, 第6期, 85–89页。(Чжао Шиго, Тань Цзяньхуа. Реформы Петра I и борьба с коррупцией // Журнал социальных наук Хунаньского педагогического университета. 1996. № 6. С. 85–89).
23. 朱建亮。伪古文尚书研究 // 东京图书, 2017. 174页。(Чжу Цзяньлян. Исследование псевдодревнего Шаншу // Книжный фонд Токио. 2017. С. 174).
24. 陈利今。彼得一世的改革及其局限性 // 湖南师院学报 (哲学社会科学版), 1982年, 第2期, 78–84页。(Чэнь Лицзинь. Реформы Петра I и их ограниченность // Хунаньский вестник (Философия и общественные науки). 1982. № 2. С. 78–84).
25. 陈正光。试论彼得一世思想的形成 // 江西师范大学学报 (哲学社会科学版), 1993年, 第26卷, 第3期, 22–27页。(Чэнь Чжэнгуан. Формирование идей Петра I // Вестник Цзянси́ского педагогического университета (Философия и общественные науки). 1993. Т. 26. № 3. С. 22–27).
26. 贾文华。彼得一世改革与俄国近代化 // 商丘师专学报 (社会科学版), 1987年, 第4版, 44–48页。(Цзя Вэньхуа. Реформы Петра I и модернизация России // Вестник педагогического ВУЗа Шанцю (Общественные науки). 1987. № 4. С. 44–48).

Ekaterina V. Lankova, Assistant Lecturer, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
ms.lankova@mail.ru

EVALUATION OF PETER THE GREAT'S REFORM ACTIVITIES IN THE ARTICLES OF CHINESE HISTORIANS OF THE 1980s AND THE 1990s*

The article aims to study the views of Chinese historians of the 1980s and the 1990s on Peter the Great's reform activities, as well as to identify their value judgments regarding the areas that were affected by the reforms. The research topic is relevant due to the surge of interest in the personality of Peter the Great and his methods of modernizing Russia, which emerged immediately after China began implementing its reform and opening-up policy. The pursuit of this policy encouraged Chinese historians to study Petrine Russia, because under Peter the Great the country managed to overcome its backwardness and became one of the leading European powers. The author of this article classified the available articles of Chinese historians and analyzed their perception of the measures taken by Peter the Great to improve the established way of life in Russia. The overwhelming majority of these measures are assessed positively with critical remarks on certain aspects. The personality of Peter the Great is seen by the Chinese researchers as complex, multifaceted and at the same time majestic. He is credited with the transformation and further rise of Russia.

Keywords: Peter the Great, Peter the Great's reform activities, Chinese researchers, imagology

* The reported study was funded by the Russian Foundation of Basic Research as part of the research project No 20-09-42018 "Peter the Great and East Asian Countries: Sociocultural Interpretation and Adaptation".

Cite this article as: Lankova E. V. Evaluation for Peter the Great's reform activities in the articles of Chinese historians of the 1980s and the 1990s. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 8. P. 23–29. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.546

REFERENCES

1. Maiatskii D. I. Foreign policy of Peter the Great in the articles of Chinese historians of the 1980s and the 1990s. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 6. P. 15–23. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.512 (In Russ.)
2. Samoylov N. A. Image of Peter the Great and ideology of the Reform Movement in China at the end of the XIX century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 4. P. 107–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.489 (In Russ.)
3. 高玉海。试析彼得使团的出访与改革 // 绥化师范专学报, 1989年, 第1期, 60–63页。
4. 杜魁元。彼得一世的军事改革 // 军事历史, 1998年, 第3期, 3–5页。
5. 董继民。俄国扩张原因新论 // 齐齐哈尔师范学院学报 (哲学社会科学版), 1994年, 第04期, 58–66页。
6. 叶同丰。试论彼得一世改革的性质 // 福建师范大学学报 (哲学社会科学版), 1987年, 第8期, 41–47页。
7. 李显荣。论彼得改革及其评价 // 史学月刊, 1985年, 第1期, 109–115页。
8. 李朋, 谢景芳。彼得一世改革特质与俄国现代化方向 // 求是学刊, 1996年, 第6期, 108–111页。
9. 李俊英。试析彼得一世改革成功的原因 // 河北师范大学学报, 1989年, 第4期, 94–97页。
10. 孙祥秀, 宋文荣。略论彼得一世的改革 // 《思想战线》, 1981年, 第1期, 13–19页。
11. 孙祥秀。浅析彼得一世时期的俄国外交 // 《思想战线》, 1986年, 第6期, 58–65页。
12. 徐云霞。彼得一世的改革思想 // 辽宁大学学报, 1991年, 第1期 (总107期), 110–112页。
13. 陶惠芬。论彼得一世在改革中的作用 // 中国社会科学院世界历史研究所, 1981年, 第3期, 53–58页。
14. 夏景才, 姜德昌。俄国彼得一世的改革 // 历史教学, 1960年, 第3期, 22–26页。
15. 陶惠芬。彼得一世改革及其实质 // 历史教学, 1982年, 第7期, 31–33页。
16. 陶惠芬。彼得一世的文化教育改革及其作用 // 中国社会科学院世界历史研究所, 1992年, 第5期, 76–85页。
17. 符月英。彼得一世的文化革新 // 世界历史, 1984年, 第4期, 20–24页。
18. 张桂荣。“彼得一世改革”给世人的启示 // 潍坊教育学院学报, 1997年, 第3期 (总第25期), 14–16页。
19. 张太中。俄罗斯的新年 // 俄语学习, 1997年, 第6期, 44页。
20. 赵振英。略论彼得一世的经济政策 // 辽宁师范大学学报, 1987年, 第4期, 81–84页。
21. 赵士国。彼得一世税制改革论略 // 世界历史, 1996年, 第4期。
22. 赵士国, 谭建华。彼得一世改革和反腐败的斗争 // 湖南师范大学社会科学学报, 1996年, 第6期, 85–89页。
23. 朱建亮。伪古文尚书研究 // 光明日报出版社, 2017. 174页。
24. 陈利今。彼得一世的改革及其局限性 // 湖南师院学报 (哲学社会科学版), 1982年, 第2期, 78–84页。
25. 陈正光。试论彼得一世思想的形成 // 江西师范大学学报 (哲学社会科学版), 1993年, 第26卷, 第3期, 22–27页。
26. 贾文华。彼得一世改革与俄国近代化 // 商丘师专学报 (社会科学版), 1987年, 第4版, 44–48页。

Received: 11 June, 2020

НАТАЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА СМЕРНОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
burlana@mail.ru

ДВИЖЕНИЕ ЗА РЕФОРМЫ В КИТАЕ В КОНЦЕ XIX ВЕКА В ТРУДАХ С. Л. ТИХВИНСКОГО

Анализируются работы всемирно известного востоковеда, академика Сергея Леонидовича Тихвинского по истории движения за реформы в Китае в конце XIX века. Изучение реформаторской оппозиции в советской историографии помогает понять, с какими трудностями пришлось столкнуться китайцев при исследовании данных вопросов. С. Л. Тихвинский изучил идейные взгляды реформаторов и их деятельность в 1895–1898 годах в контексте международной обстановки, впервые в советской историографии показал реформаторское движение не как нечто единое, а как сложное, состоявшее из отдельных течений и групп явление, раскрыл значение реформаторского движения в борьбе за новый Китай. Труды С. Л. Тихвинского были первыми специальными исследованиями по истории движения за реформы в Китае.

Ключевые слова: С. Л. Тихвинский, советская историография, история Китая, движение за реформы в 1895–1898 годах

Для цитирования: Смирнова Н. В. Движение за реформы в Китае в конце XIX века в трудах С. Л. Тихвинского // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 8. С. 30–37. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.547

ВВЕДЕНИЕ

Политика реформ и открытости для внешнего мира, проводимая в Китайской Народной Республике с 1979 года, вызывает интерес к историческому опыту модернизации Китая [16], [17], [18]. В статье основное внимание уделяется оценкам движения за реформы в Китае в конце XIX века [10], [13] в работах всемирно известного востоковеда, академика Сергея Леонидовича Тихвинского (1918–2018) [2], [3], [5]. Анализируя современную китайскую историографию вопроса¹, С. Л. Тихвинский писал о возросшем интересе китайских обществоведов и гуманитариев к первому всекитайскому движению за обновление (вэйсинь) и реформы (гайгэ), развернувшемуся в Китае в период 1895–1898 годов и известному в литературе как «сто дней реформ» 1898 года – года усюй по лунному календарю [14]. Китайские ученые, специалисты по истории цинского Китая, подчеркивают, что движение за обновление положило начало модернизации Китая, повлияло на политическую обстановку в стране, на экономику, образование и культуру.

ДВИЖЕНИЕ ЗА РЕФОРМЫ В КИТАЕ В КОНЦЕ XIX ВЕКА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1920–1930-х ГОДОВ

Первые оценки движению за реформы в Китае в конце XIX века были даны советскими истори-

ками первой трети XX века М. П. Павловичем, В. Н. Кучумовым, Н. В. Кюнером и А. Е. Ходоровым. М. П. Павлович², один из участников социал-демократического и революционного движения в России, называл реформаторов «маленькой кучкой интеллигентов», «наивными оптимистами», которые «мечом бумажных декретов надеялись перерубить железные заржавленные цепи, крепко опутавшие их страну, не дававшие ей двинуться вперед», а «их декреты и воззвания оставались гласом вопиющего в пустыне»³. В. Н. Кучумов⁴ исследовал идеологию и политическую программу раннего китайского либерализма и выступил против мнения М. П. Павловича о «беспочвенности и полной оторванности от жизни руководителей реформ»:

«Либералы 1898 года в Китае, будучи сливками китайского мандарината, его “блестящей молодежью”, усвоившей начатки западноевропейской цивилизации, были идеологами буржуазного развития Китая и представляли своей деятельностью интересы торгового земледелия и промышленной буржуазии... Движением были охвачены в той или иной мере, главным образом области, наиболее интенсивно развивавшегося капитализма»⁵.

Автор показал связь реформаторского движения с развитием капитализма в Китае.

Н. В. Кюнере⁶ дал подробный анализ движению реформаторов и деятельности Кан Ювэя:

«Сами реформаторы своими действиями не только навлекли гибель на многих среди них, но и замедлили на несколько лет дело реформ тем, что бросили вдовствующую императрицу (Цыси) ради самозащиты во враждебный им лагерь реакционного чиновничества. В этом заключалась грубая тактическая ошибка, допущенная ими, и проявился недостаток дальновидности и практической расчетливости, что всегда характеризовало их вождя Кан Ювэя»⁷.

Не приходится сомневаться в справедливости суждений видного историка и китаеведа, но эти оценки либералов-реформаторов, данные Н. В. Кюнером, удивительно совпадали с господствовавшей идеологией и доктриной безусловного прогресса революционного пути исторического развития перед любыми другими перспективами. А. Е. Ходоров⁸ «эпоху 100 дней» сравнил с «бумажным реформизмом»:

«Реформистская интеллигенция Китая выделяет из своей среды историка и публициста Кан Ювэя, который, спасая самый институт монархии, призывает к “реформам”... Эпоха “100 дней” была богата бумажным реформизмом, выявлявшим идеологию нового общественного класса... “Эпоха реформ” по существу означала попытку некоторой части правительства приспособиться к новой социально-политической обстановке и одновременно шла под знаком расправы над революционным движением»⁹.

В середине 1930-х годов М. Д. Кокин¹⁰ уделил внимание реформаторам:

«Движение 1898 года, известное под названием движения реформаторов и связанное с именем Кан Ювэя, было попыткой приспособить путем реформ сверху условия социальной и экономической жизни Китая к тем процессам, которые в этот период только намечались и по сути дела не зашли сколько-нибудь глубоко. Слабость ростков новых капиталистических отношений сыграла едва ли не решающую роль в слабости движения реформаторов, не говоря уже о том, что связь первых представителей нарождающейся китайской буржуазии с феодальными отношениями и закономерный отсюда путь реформ не может привести в обстановке Китая в конце XIX века к чему-нибудь иному, кроме краха»¹¹.

М. Д. Кокин поражение реформаторов в конце XIX века связывал с недостаточным развитием капитализма в стране.

В советской историографии 1920–1930-х годов абсолютизация революций как формы социального развития означала недооценку и даже подчас игнорирование другой его важной формы – эволюции. Изучение реформ, понимаемых как «побочный продукт революционной борьбы», было отодвинуто на второй план. В настоящее время работы М. П. Павловича, В. Н. Кучумова, Н. В. Кюнера, А. Е. Ходорова и М. Д. Кокина

представляют несомненный историографический интерес, поскольку развивавшиеся в них взгляды в свое время получили широкое распространение. Была необходима переориентация большинства исторических исследований в сторону изучения не столько революционных и острых, сколько «мирных», «серых» периодов истории Китая, так как до сих пор преимущественно разрабатывались наиболее «яркие».

ПРОГРАММА РЕФОРМ КАН ЮВЭЯ В РАБОТАХ Г. В. ЕФИМОВА

Г. В. Ефимов¹² был одним из первых, кто в 1940-е годы обратился к изучению реформаторского движения в Китае в конце XIX века¹³, хотя главными направлениями исследовательской работы профессора стали вопросы национально-освободительного и революционного движения китайского народа, история международных отношений на Дальнем Востоке и историография истории Китая. До появления публикаций Г. В. Ефимова в нашей историографии эти сюжеты, по существу, не рассматривались столь фундаментально.

Ученый проанализировал программу реформ Кан Ювэя¹⁴ конца XIX века: изучил первый доклад Кан Ювэя императору (1888), где мыслитель обрисовал угрозу целостности Китая со стороны Японии, России, Англии и Франции, указал, что Китай бессилен в военном отношении, что в стране царят продажность и взяточничество. Выход из тяжелого положения, по мнению Кан Ювэя, заключался в реформах. Он призывал вернуться к строгому соблюдению конфуцианских принципов, что, по его мнению, должно было усилить Китай. В работах Г. В. Ефимова получили отражение и последующие меморандумы Кан Ювэя трону, где содержались еще более сильные, чем раньше, предупреждения об угрозе расчленения Китая. Кан Ювэй выдвигал подробный план реформ, намечавший пути промышленного, торгового, культурного развития страны. В своих выступлениях, в докладных записках он анализировал международное положение Китая и призывал к проведению коренных реформ для упрочения его военно-политической мощи. Г. В. Ефимов считал, что реформаторы не стремились изгнать иностранцев из Китая:

«Реформаторы, стремясь превратить Китай в независимое государство, критиковали правительство за капитулянтскую политику. Но, не имея широкой социальной опоры и боясь народа, они в какой-то степени рассчитывали на помощь со стороны все тех же иностранцев. Оторванность от народа и вела их к тому, что, борясь против империалистической агрессии, они строили беспочвенные планы получить поддержку для

создания нового Китая со стороны все тех же империалистических держав»¹⁵.

Г. В. Ефимов исследовал период «ста дней реформ», на протяжении которых император Гуансюй издал множество указов, получивших в истории название по имени их фактического автора – «реформ Кан Ювэя».

ВКЛАД С. Л. ТИХВИНСКОГО В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ДВИЖЕНИЯ ЗА РЕФОРМЫ

Для более полного изучения истории реформаторского движения требовался анализ китайских источников. Лишь со второй половины 1950-х годов в центр изучения Китая было поставлено систематическое изучение источников, их критическое сравнение и анализ для возможности пересмотра некоторых положений в имеющейся литературе. Вслед за публикацией русских материалов в научный оборот активно были введены и многочисленные китайские источники¹⁶, что нашло отражение в работах ученика Г. В. Ефимова С. Л. Тихвинского. С. Л. Тихвинский анализировал произведения идеологов реформаторского движения Кан Ювэя, Лян Цичао и Тань Сытуна, меморандумы, направлявшиеся в императорский дворец, периодические издания реформаторов, документы китайского правительства. Ученый использовал дипломатическую работу в Китае для выявления, сбора, перевода и изучения малоизвестных либо совсем неизвестных в то время китайских источников¹⁷. В Пекине он познакомился с Кан Тунби, дочерью лидера реформаторов Кан Ювэя, которая предоставила ему копию рукописи «Автобиографии» отца и несколько его писем [1].

С. Л. Тихвинский опубликовал по истории реформаторского движения статьи [6], [7], [8], [9] и монографию «Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ювэй» [10]. В 1962 году монография была переведена на китайский язык и опубликована в Пекине, а в 1980 году издательство «Наука» выпустило второе, дополненное издание этой книги под названием «Движение за реформы в Китае в конце XIX века» [13]. Автор расширил круг источников за счет привлечения в первую очередь материалов Архива внешней политики России МИД СССР, освещавших новые, ранее неизвестные факты и аспекты этого своеобразного явления политической жизни Китая конца XIX века, дополнил круг советской и зарубежной научной литературы.

В промежутке времени, отделявшем эти два издания, С. Л. Тихвинский не прекращал работы по углублению анализа теоретического наследия реформаторов, их программных установок. Ре-

зультаты этих исследований нашли свое отражение в статьях «Два различных подхода к вопросу о целях реформы в Китае в конце XIX века» [11], «Сочинения Кан Ювэя на дворцовых экзаменах в 1895 г.» [12] и главе второй «Движение за реформы 1895–1898 гг.» коллективной монографии «Новая история Китая» [4], вышедшей в 1972 году под редакцией С. Л. Тихвинского¹⁸.

Ученый выделил роль сторонников «самоусиления» Китая в распространении реформаторских идей. Он не идеализировал реформаторов, а вскрыл их непоследовательность, нерешительность. С. Л. Тихвинский впервые в литературе показал реформаторское движение не как нечто единое, а как сложное, состоявшее из отдельных течений и групп явление:

«Движение за реформы было далеко не однородным по политическим взглядам его участников. Если подавляющее большинство реформаторов, в том числе Лян Цичао, Май Мэнхуа, в основном разделяли выдвинутую Кан Ювэем политическую программу – введение в Китае конституционной монархии и осуществление умеренных буржуазных реформ императорской властью, то отдельные руководящие деятели движения, например, Тань Сытун, в своих требованиях шли значительно дальше Кан Ювэя и в своей практической деятельности в период “ста дней” имели серьезные расхождения с ним» [13: 183].

С. Л. Тихвинский выделил центр движения за реформы – это группа реформаторов, руководимая Кан Ювэем, Лян Цичао, Май Мэнхуа и другими, отражавшая интересы как либеральных помещиков Восточного, Центрального и Южного Китая, так и различных кругов китайской национальной и эмигрантской буржуазии. Если Кан Ювэй упрекал Тань Сытуна в спешке, то против него самого также выдвигались аналогичные обвинения со стороны его брата – активного участника движения за реформы Кан Юпу. В свою очередь Кан Юпу рекомендовал Кан Ювэю не вступать в борьбу с консерваторами, немедленно покинуть столицу и даже Китай и заняться пропагандой конфуцианства среди китайцев, побывавших за границей и освоивших западные науки. В отличие от Тань Сытуна, настаивавшего на вооруженном выступлении против консерваторов и устранении Цыси, Кан Юпу еще в августе 1898 года считал дело реформ проигранным и не советовал продолжать борьбу [13: 193–194]. С. Л. Тихвинский подчеркивал, что идеологические разногласия наглядно отражали разнородный состав реформаторов¹⁹.

Ученый анализировал идейные взгляды реформаторов, изложенные в работах Май Мэнхуа, Оу Цзюйцзя, Ван Каньяня, Лян Цичао, Тань Сытуна, Янь Фу и Кан Ювэя. Май Мэнхуа в книге

«О значении народа» указывал, что народ – корень, основа государства и поэтому необходимо ввести народное самоуправление, а император ради блага народа должен проводить реформы [13: 132]. Под «народом» реформаторы в первую очередь подразумевали китайскую буржуазию, помещиков и ученое сословие, брали за образец конституционно-монархическую форму правления Англии и Японии и хотели, чтобы император Цай Тянь, по примеру английского короля и японского императора, лишь царствовал, но не управлял [13: 133]. Реформаторы призывали восстановить утраченные Китаем суверенные права и территории, отобрать у иностранцев все концессии и ликвидировать права так называемой консульской юрисдикции [13: 134]. Лян Цичао призывал китайскую интеллигенцию изучать «западные науки» для усиления Китая, пропагандировал идею о необходимости модернизации Китая по европейскому образцу [13: 140]. Янь Фу предлагал запретить курить опиум и бинтовать ноги девушкам, отменить систему государственных экзаменов, ввести в школах преподавание «западных наук», ликвидировать самодержавие и учредить парламент [13: 141]. Реформаторы разработали программу реформ в области законодательства, финансов, просвещения, сельского хозяйства, торговли, промышленности, горнорудного дела, железных дорог, средств связи, флота и армии; сплотили сторонников преобразований в организации «Ассоциация усиления государства», «Гуандунская научная ассоциация».

Сильной стороной работы ученого является впервые предпринятый в советской историографии анализ идеологических основ взглядов Кан Ювэя. Отмечая прогрессивный характер движения Кан Ювэя и его единомышленников, С. Л. Тихвинский обращает внимание на историческую ограниченность их воззрений. Это было обусловлено прежде всего тем, что они пытались традиционную идеологию соединять с западными концепциями. Подвергнув критике теоретические основы современного общественного и государственного строя, Кан Ювэй утверждал, что главным содержанием учения Конфуция была его теория о реформах государственного строя:

«Записанные в Хронике Чуньцю взгляды о реформе государственного строя по существу означают создание конституции, однако у нас, к сожалению, не было парламента, осуществляющего этот основанный на законах метод управления» [13: 175].

Кан Ювэй, по существу, явился родоначальником своеобразной теории синтеза китайской и западной философии, впоследствии по его стопам пошли Фэн Юлань, Хэ Линь и др. Специ-

альная глава в монографии ученого посвящена изучению утопической социальной теории «Великого Единения» («Датун») Кан Ювэя, которая была подробно изложена мыслителем в «Книге о Великом Единении». Кан Ювэй пытался доказать, что человечество можно избавить от горестей и страданий путем создания идеального общественного строя:

«...началом “эры Великого Единения” явится установление международного правительства, в задачу которого входит укрепление связей между различными государствами, отмена таможенных барьеров, унификация мер и весов, установление законов... Подданные международного правительства будут равноправны, независимо от расы и национальности» [13: 279].

С. Л. Тихвинский характеризовал движение за реформы 1895–1898 годов и период «ста дней реформ» (11 июня – 21 сентября 1898 года) как политику обновления Китая и превращения его в сильное независимое государство. Он создал действительно ценный труд, определяющий историческое место реформаторского движения в борьбе за новый Китай²⁰ [15]. В рецензии Г. В. Ефимов дал высокую оценку «первой советской монографии по истории движения за реформы» [1] и обратил внимание на главный вывод книги, что преобразования реформаторы рассчитывали осуществить мирным путем, без борьбы, опираясь на авторитет императорской власти:

Кан Ювэй стремился «обуздать самодержавие маньчжуров мирным путем – уговорами, меморандумами, петициями и т. д.» [1: 135].

На рубеже XX–XXI веков у С. Л. Тихвинского появился интерес к проблемам анализа движения за реформы в китайской историографии. В публикации 2006 года «Современная китайская историография движения за реформы в Цинском Китае» ученый изучил статьи сборника материалов конференции «Обновление года усюй и современные китайские реформы», организованной Пекинским университетом в 1998 году по случаю столетия драматических событий 1898 года. Пекинский университет был основан в период наивысшего подъема движения за обновление страны и проведение реформ 1895–1898 годов [14]. Китайские ученые исследуют историю зарождения, развития движения за обновление системы управления государством и проведение разносторонних реформ; обращают внимание на тот факт, что реформы были направлены на создание современной промышленности, средств транспорта, модернизацию системы образования и подготовки кадров чиновников, ознакомление страны с передовой наукой, техникой и культу-

рой стран Запада, создание современных вооруженных сил, способных отстоять независимость Китая от иностранных агрессоров.

Статьи освещают разные стороны практической деятельности и теоретических воззрений реформаторов. Юй Хэпин связывает возникновение движения за реформы с появлением в стране первых сведений о современных западных науках и демократических идеях, с которыми общество познакомили побывавшие за границей китайцы. В эти годы в Китае возникают первые современные общественные организации и появляются ростки капиталистической экономики. Ли Шуанби, анализируя причины поражения движения за обновление года усуй, полагает, что реформаторы поставили перед страной слишком большие, недостижимые в тех условиях задачи, недооценили мощь консервативных сил и действовали слишком поспешно (за 103 дня пребывания реформаторов у власти император Гуансюй издал в общей

сложности 184 указа о реформах). Син Мия считает, что движение за реформы 1898 года было начальным этапом конституционного движения первого десятилетия XX века. Ши Гэсинь полагает, что движение за обновление года усуй дало начало культуре Китая нового времени [14: 67].

ВЫВОДЫ

Первым специальным исследованием, посвященным реформаторскому движению с опорой на документальные материалы, произведение китайских мыслителей является монография С. Л. Тихвинского «Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ювэй». Ученый изучил идейные взгляды реформаторов, их деятельность в 1895–1898 годах в контексте международной обстановки и период «ста дней реформ». Труды С. Л. Тихвинского были новаторскими для советского китаеведения и занимают в нем заметное место и сейчас.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Книги и статьи китайских историков, объективно писавших о характере и участниках движения за реформы, его теоретических основах, политической программе, утопической теории «Датун», месте Кан Ювэя в истории и т. д. появились в КНР в начале 80-х годов XX века.
- ² М. П. Павлович стоял у истоков организации советского востоковедения: руководил Всероссийской научной ассоциацией востоковедения, созданной в 1921 году по решению Совнаркома, а с 1923 года работал ректором Института востоковедения.
- ³ Павлович М. П. Накануне свержения маньчжурской династии: революционное движение и политические партии в современном Китае. 1898–1910 // Ходоров А., Павлович М. Китай в борьбе за независимость. М.: Научная ассоциация востоковедения при Ц.И.К. СССР, 1925. С. 7–19.
- ⁴ В. Н. Кучумов преподавал в Коммунистическом университете трудящихся Китая, посетил Китай в составе пропагандистской группы. В 1928–1929 годах был проректором Коммунистического университета трудящихся Китая, а с 1929 года стал заместителем заведующего Дальневосточной секции Восточного секретариата Коминтерна; в 1931–1933 годах – редактор журнала «Коммунистический Интернационал».
- ⁵ Кучумов В. Н. Китайский либерализм конца XIX века (Кан Ювэй и эпоха ста дней) // Революционный Восток. 1927. № 1. С. 86.
- ⁶ Н. В. Кюннер в 1900 году окончил факультет восточных языков Петербургского университета, совершенствовал знания в Китае, Корее и Японии. В 1935 году был удостоен степени доктора исторических наук. Его научная и преподавательская деятельность была связана с Ленинградским государственным университетом, Ленинградским восточным институтом; долгие годы заведовал сектором Восточной и Юго-Восточной Азии Института этнографии АН СССР (1934–1955).
- ⁷ Кюннер Н. В. Очерки новейшей политической истории Китая. Хабаровск; Владивосток: Книжное дело, 1927. С. 96.
- ⁸ А. Е. Ходоров окончил юридический факультет Новороссийского университета; участвовал в революционном студенческом движении. В 1919–1922 годах был на журналистской работе в Китае, где начал писать публицистические и научные работы. С 1923 года преподавал в Московском институте востоковедения, активно участвовал в деятельности Всесоюзной научной ассоциации востоковедения. А. Е. Ходоров писал по политическим, экономическим и историческим проблемам стран Ближнего, Среднего и Дальнего Востока; восточных языков не знал, пользовался источниками на европейских языках. Предметом его особого внимания была история Китая, главным образом, революционного движения. Работы Ходорова не имеют серьезного научного значения, принадлежат скорее к жанру политической и экономической публицистики, однако в 1920-е годы они весьма приветствовались как первые марксистские исследования о странах Востока.
- ⁹ Ходоров А. Е. Первые этапы китайской революции // Новый Восток. 1927. № 18. С. 71–72.
- ¹⁰ М. Д. Кокин с 1925 года учился в Московском институте востоковедения, с третьего курса был переведен в Ленинградский институт живых восточных языков: студент (1927–1929), аспирант (1929–1933), доцент (1933–1937); читал курс истории Китая. С 1935 года стал заведующим кафедрой истории колониальных и зависимых стран и кафедры истории Востока Ленинградского института истории, философии и лингвистики.

- ¹¹ Кокин М. Д. Революция 1911 г. // Пробуждение Азии. 1905 год и революции на Востоке. Л.: Соцэкгиз, 1935. С. 131.
- ¹² Г. В. Ефимов пришел в китаеведение не случайно. Китайская революция 1925–1927 годов оказала влияние на молодого воронежского журналиста. Г. В. Ефимов – один из ведущих советских историков Китая. Автор более 120 научных работ, в том числе 9 книг. Много сил отдавал организации науки и преподавательской деятельности. 35 лет заведовал кафедрой истории стран Дальнего Востока (до 1949 года – кафедра истории стран Востока) Ленинградского университета. В 1949–1952 годах был деканом восточного факультета Ленинградского государственного университета, в 1956–1959 годах – секретарем парткома университета, а с 1961 по январь 1965 года – проректором университета по учебно-воспитательной работе. Инициатор создания и главный редактор крупных учебных пособий «Новая история стран зарубежной Азии и Африки» (1959, 1971) и «Новейшая история стран зарубежной Азии и Африки» (1963). Г. В. Ефимовым был создан семинар по проблемам современного развития стран Востока. Впервые в советском китаеведении ввел в учебный процесс курс «Источниковедение и историография новой и новейшей истории Китая».
- ¹³ Ефимов Г. В. Очерки по новой и новейшей истории Китая. М.: Госполитиздат, 1949. 436 с.; Ефимов Г. В. Очерки по новой и новейшей истории Китая. М.: Госполитиздат, 2-е изд., доп. 1951. 575 с.; Ефимов Г. В. Внешняя политика Китая. 1894–1899 гг. М.: Госполитиздат, 1958. 423 с.; Ефимов Г. В. Революция 1911 года в Китае. М.: Учпедгиз, 1959. 131 с.
- ¹⁴ Исследуя программу реформ Кан Ювэя, Г. В. Ефимов опирался на работы: Мао Цзэдун. О диктатуре народной демократии. М.: Госполитиздат, 1949; Кюннер Н. В. Очерки новейшей политической истории Китая. Хабаровск; Владивосток, 1927; Cameron M. The Reform Movement in China 1898–1912. London, 1931; Ху Шэн. Агрессия империалистических держав в Китае. М., 1951; Тихвинский С. Л. Борьба за реформы в Китае в конце XIX века // Вопросы истории. 1953. № 6. В тексте монографий Г. В. Ефимова есть сноски на вышеперечисленные произведения, автор отсылает читателей к ним для изучения реформаторской деятельности Кан Ювэя.
- ¹⁵ Ефимов Г. В. Внешняя политика Китая. 1894–1899 гг. М.: Госполитиздат, 1958. С. 290.
- ¹⁶ Китаевед Г. Я. Смолин анализировал материалы четырехтомного собрания документов по истории реформ конца XIX века, изданные в КНР в 1953 году: Смолин Г. Я. Реформы 1898 года. Материалы по новой истории Китая. Т. I–IV // Вопросы истории. 1955. № 3. С. 168–172. Во введении, написанном китайским историком Цзянь Боцзанем, указывается, что это движение носило патриотический, прогрессивный для того времени характер. Объективным содержанием программы экономических, политических и культурных преобразований, выдвинутой руководящими деятелями движения, было содействие капиталистическому развитию Китая. В сборнике помещен обширный документальный материал, освещающий историю движения за реформы и его влияние на последующие события.
- ¹⁷ В 1938 году по комсомольской мобилизации студент С. Л. Тихвинский был направлен на работу в Наркомат иностранных дел СССР, а в 1939 году приступил к работе в Китае, где и проработал до 1950 года сначала в должности вице-консула, затем управляющего генеральным консульством, генеральным консулом в Пекине, а после образования КНР – первым временным поверенным в делах СССР в КНР, советником посольства СССР в КНР.
- ¹⁸ В 1960 году С. Л. Тихвинский возглавил Институт китаеведения АН СССР и стал собирать вокруг себя молодых китаеведов для написания новой истории Китая. Ему стоило огромных усилий после необоснованной «реорганизации» китаеведения в 1961 году и закрытия Института китаеведения добиться того, чтобы складывавшийся коллектив не распался, а продолжал начатое дело уже в Отделе Китая Института востоковедения АН СССР.
- ¹⁹ В движении участвовали ученые и педагоги (Кан Ювэй, Сюй Чжицзин), публицисты (Лян Цичао, Май Мэнхуа, Ван Канянь), представители торгово-промышленных кругов Центрального и Южного Китая (Чжан Цянь), эмигрантской буржуазии (Хэ Суйтянь), чиновничье-бюрократической прослойки (Тань Сытун, Ван Чжао, Линь Сюй), высокопоставленные китайские сановники (Ли Дуаньфэнь, Чжан Иньхуань), цензоры (Сун Болу, Ян Ичунь), представители офицерства (Сюй Шичан), побывавшие за границей либеральные китайские помещики и чиновники (Хуан Цзунсянь и Жун Хун) и случайные элементы, примкнувшие к реформаторам из чисто корыстных соображений и дезертировавшие из лагеря сторонников реформ незадолго до дворцового переворота (например, цензоры Ли Шэндо и Вэнь Ти).
- ²⁰ В 2006 году монография ученого о движении за реформы в Китае была переиздана издательством «Наука».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ефимов Г. В. Рецензия на книгу: Тихвинский С. Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ювэй // Вопросы истории. 1962. № 12. С. 134–135.
2. Лузянин С. Г. Восток в мировой истории: Эссе по произведениям академика С. Л. Тихвинского // Раздвигая горизонты науки: К 90-летию академика С. Л. Тихвинского. М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 58–76.
3. Мясников В. С. Академик Сергей Леонидович Тихвинский: к 90-летию со дня рождения // Восточный архив. 2008. № 18. С. 75–78.

4. Новая история Китая / Под ред. С. Л. Тихвинского. М.: Изд-во вост. лит., 1972. 637 с.
5. Самойлов Н. А. Вклад академика С. Л. Тихвинского в изучение эволюции образа России в Китае // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 7 (176). С. 20–26. DOI: 10.15393/uchz.art.2018.224
6. Тихвинский С. Л. Борьба за реформы в Китае в конце XIX века // Вопросы истории. 1945. № 5–6. С. 182–185.
7. Тихвинский С. Л. Китайский утопист Кан Ювэй (Из истории китайской общественной мысли) // Вопросы философии. 1953. № 6. С. 126–139.
8. Тихвинский С. Л. Прогрессивная китайская публицистика конца XIX века // Вопросы истории. 1958. № 8. С. 160–171.
9. Тихвинский С. Л. Тань Сытун – идеолог левого крыла движения за реформы в конце XIX века // Советское китаеведение. 1958. № 3. С. 59–71.
10. Тихвинский С. Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ювэй. М.: Изд-во вост. лит., 1959. 420 с.
11. Тихвинский С. Л. Два различных подхода к вопросу о целях реформы в Китае в конце XIX века // Проблемы востоковедения. 1960. № 3. С. 55–66.
12. Тихвинский С. Л. Сочинения Кан Ювэя на дворцовых экзаменах в 1895 г. // Историко-филологические исследования: Сб. ст. к семидесятилетию Н. И. Конрада. М.: Изд-во вост. лит., 1967. С. 493–498.
13. Тихвинский С. Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX века. М.: Изд-во вост. лит., 1980. 360 с.
14. Тихвинский С. Л. Современная китайская историография движения за реформы в Цинском Китае // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 65–72.
15. Тихвинский С. Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ювэй // Тихвинский С. Л. Избранные произведения: В пяти книгах. Книга первая: История Китая до XX века. М.: Наука, 2006. С. 10–415.
16. Luke S. K. K w o n g. Chinese politics at the crossroads: reflections on the Hundred Days Reform of 1898 // Modern Asian Studies. 2000. Vol. 34. Issue 3. Cambridge University Press. P. 663–695.
17. Nanxiu Qian. Politics, poetics, and gender in late Qing China: Xue Shaohui and the era of reform. Stanford, California: Stanford University Press, 2015. 376 p.
18. Rethinking the 1898 reform period: political and cultural change in late Qing China. (Rebecca E. Karl, Peter Zarrow, Eds). Cambridge (Massachusetts) and London, 2002. 288 p.

Поступила в редакцию 17.03.2020

Natalia V. Smirnova, PhD in History, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
burlana@mail.ru

THE CHINESE REFORM MOVEMENT OF THE 1890s IN SERGEI TIKHVINSKY'S RESEARCH

The article analyzes the works of a world-famous orientalist and academician Sergei Leonidovich Tikhvinsky (1918–2018) on the history of the Chinese reform movement in the late XIX century. The investigation of the reformist opposition of the Qing government in the Soviet historiography helps to understand the difficulties Chinese scholars had to deal with when studying these issues. Tikhvinsky made a great contribution to the study of the reformers' ideological views and activities between 1895 and 1898 in the context of the international situation. He was the first among Soviet sinologists to present the reform movement as a complex phenomenon comprising distinctive groups and movements. He also revealed the importance of the reform movement in the struggle for new China. It should therefore be concluded that Tikhvinsky's research was innovative for Soviet sinology and still takes a prominent place in Chinese studies.

Keywords: Sergei Tikhvinsky, Soviet historiography, Chinese history, reform movement of 1895–1898

Cite this article as: Smirnova N. V. The Chinese reform movement of the 1890s in Sergei Tikhvinsky's research. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 8. P. 30–37. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.547

REFERENCES

1. Efimov G. V. Book review: Tikhvinsky S. L. The reform movement in China at the end of the XIX century and Kang Youwei. *Voprosy istorii*. 1962. No 12. P. 134–135. (In Russ.)
2. Luzyanin S. G. The Orient in world history: essays on the works of academician S. L. Tikhvinsky. *Pushing the horizons of science: Celebrating the 90th anniversary of academician S. L. Tikhvinsky*. Moscow, 2008. P. 58–76. (In Russ.)
3. Myasnikov V. S. Academician Sergey Leonidovich Tikhvinsky: celebrating his 90th birth anniversary. *Oriental Archive*. 2008. No 18. P. 75–78. (In Russ.)
4. Modern Chinese history. Moscow, 1972. 637 p. (In Russ.)

5. Samoylov N. A. Academician Tikhvinsky's contribution to the studies of Russia's image evolution in China. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2018. No 7 (176). P. 20–26. (In Russ.) DOI: 10.15393/uchz.art.2018.224
6. Tikhvinsky S. L. Struggle for reforms in China at the end of the XIX century. *Voprosy istorii*. 1945. No 5–6. P. 182–185. (In Russ.)
7. Tikhvinsky S. L. Chinese utopianist Kang Youwei (from the history of Chinese social thought). *Voprosy filosofii*. 1953. No 6. P. 126–139. (In Russ.)
8. Tikhvinsky S. L. Progressive Chinese journalism at the end of the XIX century. *Voprosy istorii*. 1958. No 8. P. 160–171. (In Russ.)
9. Tikhvinsky S. L. Tan Sitong – a left wing ideologue of the reform movement in the late XIX century. *Soviet Sinology*. 1958. No 3. P. 59–71. (In Russ.)
10. Tikhvinsky S. L. The reform movement in China at the end of the XIX century and Kang Youwei. Moscow, 1959. 420 p. (In Russ.)
11. Tikhvinsky S. L. Two different approaches to the question of reform goals in China at the end of the XIX century. *The Problems of Oriental Studies*. 1960. No 3. P. 55–66. (In Russ.)
12. Tikhvinsky S. L. Kang Youwei's 1895 court examination essays. *Historical and philological research: Collection of articles commemorating the 70th anniversary of N. I. Konrad*. Moscow, 1967. P. 493–498. (In Russ.)
13. Tikhvinsky S. L. The reform movement in China at the end of the XIX century. Moscow, 1980. 360 p. (In Russ.)
14. Tikhvinsky S. L. Contemporary Chinese historiography of the reform movement in Qing China. *Modern and Contemporary History*. 2006. No 1. P. 65–72. (In Russ.)
15. Tikhvinsky S. L. The reform movement in China at the end of the XIX century and Kang Youwei. *Tikhvinsky S. L. Selected works: In five books. Book one: History of China before the XX century*. Moscow, 2006. P. 10–415. (In Russ.)
16. Luke S. K. Wong. Chinese politics at the crossroads: reflections on the Hundred Days Reform of 1898. *Modern Asian Studies*. 2000. Vol. 34. Issue 3. Cambridge University Press. P. 663–695.
17. Nanxiu Qian. Politics, poetics, and gender in late Qing China: Xue Shaohui and the era of reform. Stanford, California: Stanford University Press, 2015. 376 p.
18. Rethinking the 1898 reform period: political and cultural change in late Qing China. (Rebecca E. Karl, Peter Zarrow, Eds.). Cambridge (Massachusetts) and London, 2002. 288 p.

Received: 17 March, 2020

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА ВАВУЛИНСКАЯ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»

(Петрозаводск, Российская Федерация)

ludvav@mail.ru

ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ*

На материалах Карелии проанализирована практика применения Указов Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года и 14 июля 1951 года, предусматривавших уголовную ответственность за нарушение трудовой дисциплины. Эти вопросы еще недостаточно освещены в исторической и юридической литературе. Вместе с тем совершенствование уголовно-исполнительной политики Российского государства невозможно без учета как положительного, так и негативного опыта в этой области. Исследование подготовлено на основе комплексного использования системного, проблемно-хронологического, историко-сравнительного и статистического методов. Основными источниками послужили ранее не публиковавшиеся документы Национального архива Республики Карелия. В статье отмечены многочисленные факты необоснованного привлечения работников к судебной ответственности. Подчеркивается, что наиболее остро проблема нарушений трудовой дисциплины стояла на предприятиях лесной промышленности, испытывавших острый недостаток рабочих кадров и вынужденных использовать труд привлеченных из других регионов страны людей. Около 2/3 осужденных за прогулы и самовольный уход с предприятий лесной промышленности приходилось на прибывших в республику по договорам и оргнабору. Анализ статистических данных показал, что, несмотря на замену судебной ответственности за прогулы мерами дисциплинарного и общественного воздействия, число прогулов в Карелии в начале 1950-х годов выросло. Это послужило поводом для обращения партийного руководства республики в ЦК КПСС с просьбой об отмене Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 июля 1951 года. В статье выявлены причины отмены нормативно-правовых актов в сфере трудовых отношений и подчеркнуто, что практика их применения доказала свою несостоятельность. Эффективными мерами нормализации отношений в сфере труда являлись улучшение его условий, повышение уровня жизни работников, развитие социальной сферы.

Ключевые слова: послевоенные годы, политика государства, трудовая дисциплина, административное и судебное принуждение к труду, прогулы

Для ц и т и р о в а н и я : Вавулинская Л. И. Политика Советского государства в сфере трудовых отношений в промышленности в послевоенное десятилетие // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 8. С. 38–43. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.548

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы политики Советского государства в сфере трудовых отношений в послевоенные годы представляют значительный научный интерес. В 2000-е годы появился ряд новых исследований, рассматривающих вопросы административного и судебного принуждения к труду в СССР, в том числе в послевоенные годы. Проблемы исправительно-трудовой политики изучались преимущественно учеными-юристами¹ [12]. Историки исследовали в основном вопросы борьбы органов правопорядка с уголовной и экономической преступностью, туеядством [1], [2], [3], [11]. Появи-

лись статьи, непосредственно посвященные политике Советского государства в сфере трудовых отношений в послевоенные годы [5], [6], [8], [9], [10]. К вопросу о борьбе с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда в СССР, обращались и зарубежные историки [13].

Однако эти проблемы освещены еще недостаточно, в частности, применение на практике Указов Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учрежде-

ний» и от 14 июля 1951 года «О замене судебной ответственности рабочих и служащих за прогул, кроме случаев неоднократного и длительного прогула, мерами дисциплинарного и общественного воздействия». Между тем эти указы вплоть до середины 1950-х годов являлись нормативной базой для регулирования нарушений в трудовой сфере.

В свете совершенствования уголовно-исполнительной политики Российского государства актуальным является учет как позитивного, так и негативного опыта в этой области. В статье на основе введения в научный оборот ранее не опубликованных документов Национального архива Республики Карелия рассмотрены проблемы применения на практике наиболее репрессивных нормативно-правовых актов в сфере трудовых отношений в промышленности в послевоенные годы. Фонды ЦК Компартии республики и Наркомата лесной промышленности содержат документы, освещающие материально-бытовое положение промышленных рабочих, условия их труда, практику работы административных и судебных органов с нарушителями трудовой дисциплины. Архивные источники позволяют выявить региональные особенности, наглядно отразившие неэффективность внеэкономического принуждения к труду. Исследование подготовлено на основе комплексного использования системного, проблемно-хронологического, историко-сравнительного и статистического методов.

С окончанием войны в сфере трудовых отношений произошли некоторые изменения. Были восстановлены отпуска рабочих и служащих, 8-часовой рабочий день, отменены сверхурочные работы, что способствовало упорядочению условий труда на предприятиях. Однако сохранял силу Указ ПВС СССР от 26 июня 1940 года, согласно которому рабочие и служащие, самовольно ушедшие с предприятий или учреждений, по приговору народного суда подвергались тюремному заключению сроком от 2 до 4 месяцев. За прогул без уважительной причины следовало наказание в виде исправительно-трудовых работ на срок до 6 месяцев с удержанием из заработной платы до 25 %². Установленные Указом уважительные причины увольнения работников (болезнь или инвалидность, выход на пенсию, зачисление в высшее или среднее специальное учебное заведение) зачастую не учитывались руководителями предприятий и учреждений, и необоснованное привлечение работников к судебной ответственности, как свидетельствуют архивные документы, приобрело широкий мас-

штаб. В докладной записке Прокуратуры г. Петрозаводска секретарю горкома партии Ю. Андропову сообщалось о многочисленных фактах подобных нарушений. За 10 месяцев 1945 года из 552 рассмотренных народными судами города уголовных дел 138 дел (25 %) были прекращены и по ним вынесены оправдательные приговоры. Кроме того, до 5 % дел прекращались второй инстанцией Верховного суда³. В 1946 году за самовольное оставление работы в республике было привлечено к судебной ответственности 485 человек, за прогулы – 3327 человек⁴. Наряду с такими причинами прогулов, как пьянство, тунеядство, очевидными были многократные случаи необоснованного привлечения работников к судебной ответственности.

В июне 1948 года коллегия Министерства юстиции Карело-Финской ССР (существовала с 31 марта 1940 года до 16 июля 1956 года, когда вновь была преобразована в Карельскую АССР) рассмотрела вопрос о причинах вынесения оправдательных приговоров судами республики с 1 января по 1 июня 1948 года. В постановлении коллегии подчеркивалось, что руководители учреждений и предприятий, совершенно не проверяя причины прогулов, передают трудящихся суду. Однако, несмотря на указания коллегии Министерства юстиции КФССР о более внимательном рассмотрении дел, связанных с нарушениями трудовой дисциплины, число привлеченных к уголовной ответственности людей продолжало расти, при этом дела по Указу от 26 июня 1940 года составили в 1948 году 63,3 %, в 1949 году 66 %, в 1950 году 63,8 %, в первом квартале 1951 года 69,6 %. В 1948 году по этим делам было осуждено 3678 человек, в 1949 году – 4003, а в 1950 году – 4504 человека⁵. В информации о работе народных судов республики за 1950 год и первый квартал 1951 года отмечалось:

«Установив при рассмотрении дел причины, порождающие прогулы (отсутствие культурно-бытовых условий, задержка выплаты зарплаты и др.), народные суды не принимают мер к устранению этих причин и не ставят вопросы об этом перед руководящими районными организациями»⁶.

Наибольшее число осужденных за прогулы и самовольный уход с работы трудились на предприятиях лесной промышленности. С конца 1940-х годов в эту отрасль, перед которой стояла задача резкого увеличения объемов лесозаготовок, проводилось активное промышленное переселение и организованный набор рабочих. К началу 1950-х годов почти пятую часть рабочих кадров на предприятиях Министерства лесной промышленности республики составляли сезонные рабочие⁷. Между тем правительство ре-

спублики, понесшей в годы войны огромные материальные и людские потери, не могло в короткие сроки обеспечить необходимые жилищные и бытовые условия для прибывавших в Карелию людей. О скученности, которая создавалась с прибытием новых рабочих, говорят, например, такие факты: в Суоярвском леспромпхозе в 1949 году в 12 комнатах по 9 кв. м каждая проживало 32 семьи, насчитывавшие 101 человека [4: 59]. К этому добавлялись несвоевременная выплата зарплаты, отсутствие необходимых промышленных и продовольственных товаров, медицинского обслуживания, тяжелые условия труда с низким уровнем механизации производственных процессов.

Нередко дирекция предприятий задействовала не имевших опыта работы в лесу переселенцев на подсобных лесозаготовительных работах, и их заработки составляли менее 500 руб. в месяц. Среди завербованных для работы в леспромпхозах республики почти 1/3 приходилась на больных и инвалидов⁸. Зачастую людей вербовали на вокзалах, в результате в республику попадали лица, имевшие судимость. Не случайно из 273 человек, осужденных за прогулы и самовольный уход с предприятий лесной промышленности в 4-м квартале 1950 года и январе – феврале 1951 года, 205 (75 % к общему числу осужденных) прибыли в республику по договорам и оргнабору, притом 76,3 % из них – молодежь в возрасте от 18 до 25 лет. Несмотря на это, только народный суд Калевальского района поставил перед райкомом комсомола задачу улучшения воспитательной работы среди молодежи⁹.

В 1950 году Министерство юстиции республики проанализировало судебную практику народных судов по рассмотрению дел, предусмотренных Указом ПВС СССР от 26 июня 1940 года, в системе лесной промышленности. Изучение 410 уголовных дел, поступивших из 16 районов, показало, что народными судами было оправдано 29,5 % к общему числу вынесенных приговоров и в отношении 17 человек дела прекращены производством¹⁰. Так, директор Деревянского леспромпхоза передал в суд материал о прогуле по неуважительным причинам на пятерых рабочих. При проверке было установлено, что все они находились на работе и прогула не совершали¹¹. Отдельные начальники лесопунктов без согласия рабочих переводили их на работу по другой квалификации, а при отказе передавали материалы в суд¹². Нередко администрация предприятий в целях закрепления кадров применяла незаконные методы, выдавая аванс зарплаты в обмен на залог в виде воинских или иных документов¹³.

14 июля 1951 года ПВС СССР принял Указ «О замене судебной ответственности рабочих

и служащих за прогул, кроме случаев неоднократного и длительного прогула, мерами дисциплинарного и общественного воздействия». В республике были организованы выборы товарищеских судов на предприятиях и в учреждениях. Кандидатуры в их состав предварительно, до выдвижения их на общих собраниях, рассматривались в первичных партийных организациях предприятий и учреждений, а председателей судов и их заместителей – в горкомах и райкомах партии. К осени 1951 года в Петрозаводске было создано 29 товарищеских судов, однако лишь 15 из них приступили к работе¹⁴. На большинстве предприятий, как свидетельствуют архивные документы, товарищеские суды работали формально, а администрация часто не принимала во внимание их решения.

Смягчение наказаний для нарушителей трудовой дисциплины привело к росту числа прогулов в начале 1950-х годов. Во втором полугодии 1952 года по предприятиям лесной промышленности республики совершили прогулы 9248 рабочих (25,4 % от среднесписочного числа), а в первом полугодии 1953 года – 13 003 рабочих (31,5 % от среднесписочного числа). К ним были применены следующие меры наказания: дисциплинарное взыскание наложено на 3867 человек, 236 уволены с работы, 1287 лишены права на получение процентной надбавки на срок до 3 месяцев, дела на 508 человек были переданы в товарищеский суд, а на 738 – в народные суды¹⁵. В целом по республике в 1953 – первом квартале 1954 года народными судами осуждено 7414 человек, из них третья часть за прогулы и самовольный уход с работы. Из числа осужденных за прогулы работников 35 % трудились в системе Министерства лесной промышленности, причем большую их часть составляла молодежь в возрасте до 25 лет¹⁶.

В справке о работе народных судов республики в ЦК КП КФССР от 6 июля 1954 года министр юстиции М. Горбачев причинами высокого числа прогулов справедливо назвал отсутствие должной заботы о создании необходимых жилищно-бытовых условий для рабочих, слабую массово-политическую работу, особенно среди вновь прибывших рабочих из других областей¹⁷.

1 сентября 1955 года секретарь ЦК Компартии республики Л. Лубенников обратился в ЦК КПСС с письмом о необходимости отмены Указа ПВС СССР от 14 июля 1951 года. В письме отмечалось, что Указ не сыграл положительной роли в укреплении трудовой дисциплины и ликвидации самовольного ухода рабочих с производства. Если число рабочих, совершивших прогулы в промышленности и строительстве республики, к среднесписочному составу рабочих в 1950 году

составило 7 %, то в 1951 году – 12 %, 1952 году – 22,9 %, 1954 году – 27,9 %, в первой половине 1955 года – 15,3 %. Число потерянных рабочих дней за счет прогулов в лесной промышленности республики увеличилось за 5 лет в 1,8 раза, на Онежском машиностроительном заводе – в 2 раза. В целом за 1951 – первую половину 1955 года в народные суды республики поступило 25 482 дела, связанных с нарушением трудовой дисциплины и самовольным уходом с производства. Из числа дел, связанных с самовольным уходом с производства (15 703), народными судами было рассмотрено только 4116, или 26 %, остальные остались нерассмотренными ввиду выбытия нарушителей за пределы республики. Были оправданы 2042 человека, или 16,5 %. Партийное руководство республики предложило отменить указ, а в числе действенных мер по укреплению трудовой дисциплины, наряду с улучшением условий жизни и труда и усилением общественного воздействия на дезорганизаторов производства, использовать оказание широкой помощи в индивидуальном строительстве, выделение кредитов на покупку скота, установление во всех отраслях надбавок за выслугу лет и лишение права на получение надбавок тех, кто допустил самовольный уход с производства¹⁸. Представляется, что подобные письма с объективным анализом ситуации поступали в руководящий партийный орган страны и из других регионов. Указом ПВС СССР от 25 апреля 1956 года судебная ответственность рабочих и слу-

жащих за самовольный уход с предприятий и из учреждений и за прогул без уважительной причины была отменена.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отмена рассматриваемого Указа во многом объяснялась начавшимися в стране в середине 1950-х годов процессами либерализации общественной жизни, совершенствования уголовного и процессуального законодательства, нормализации отношений в сфере труда. К 1956 году абсолютное большинство лесозаготовительных предприятий республики имело постоянные рабочие кадры [7: 33], что выдвигало на первый план задачи развития социальной сферы, повышения уровня жизни работников, улучшения условий их труда.

Таким образом, практика применения Указов ПВС СССР от 26 июня 1940 года и от 14 июля 1951 года в послевоенные годы показала неэффективность судебного и административного принуждения к труду. Жесткие меры не могли решить проблему укрепления производственной дисциплины, что свидетельствовало о необходимости поиска эффективных стимулов к труду. В Карелии эти процессы усугублялись высоким удельным весом ручного труда в промышленности, большой текучестью промышленных кадров, обусловленной широким использованием сезонной рабочей силы, а также суровыми природными условиями, низким уровнем социальной инфраструктуры, неустроенностью быта.

* Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания Карельского научного центра РАН (0225-2018-0011) «Карелия в условиях мира и войны (от Средневековья до наших дней)».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Виноградов А. С. Правовые основы организации и деятельности органов внутренних дел по борьбе с преступностью в Карело-Финской ССР (1940–1956 гг.) (историко-правовой аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 23 с.; Лебедева А. Д. Исправительно-трудовая политика Советского государства в послевоенный период (1945–1970-гг.): содержание и организационно-правовые основы реализации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. 32 с.

² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4252.htm (дата обращения 20.03.2020).

³ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. П-1230. Оп. 24. Д. 18. Л. 27.

⁴ Там же. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 2672. Л. 44.

⁵ Карельский государственный архив новейшей истории (КГАНИ, в настоящее время – в составе НА РК. Сохранена нумерация дел архива КГАНИ, так как при объединении с архивом НА РК документы были рассортированы по разным делам и изменили свою нумерацию). Ф. 8. Оп. 82. Д. 162. Л. 89.

⁶ Там же.

⁷ НА РК. Ф. Р-2716. Оп. 10. Д. 35/244. Л. 20, 21.

⁸ Там же. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 3762. Л. 15–16.

⁹ КГАНИ. Ф. 8. Оп. 82. Д. 162. Л. 9.

¹⁰ Там же. Оп. 69. Д. 67. Л. 17.

¹¹ НА РК. Ф. Р-2716. Оп. 17. Д. 7/52. Л. 59.

¹² Там же. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 4035. Л. 13–14.

- ¹³ Там же. Ф. Р-2716. Оп. 17. Д. 7/51. Л. 19.
¹⁴ Там же. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 4759. Л. 108.
¹⁵ Там же. Ф. Р-2716. Оп. 10. Д. 35/245. Л. 85.
¹⁶ Там же. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 6022. Л. 54–55.
¹⁷ Там же. Л. 57.
¹⁸ КГАНИ. Ф. 8. Оп. 100. Д. 54. Л. 63–64.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданов С. В. «Теневая» грань советской повседневности первых послевоенных лет: власть, общество, уголовная преступность // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. Вып. 103. С. 7–15.
2. Говоров И. В. Преступность и борьба с ней в послевоенном Ленинграде (1945–1955): Опыт исторического анализа. СПб., 2004. 501 с.
3. Жаркой М. Э. Милиция Ленинграда в механизме реализации карательной политики послевоенных лет (1945–1957 гг.). Исторические уроки деятельности. СПб., 2004. 249 с.
4. Жербин А. С. Промышленные рабочие Карелии. 1946–1958 гг. Петрозаводск, 1971. 107 с.
5. Клинова М. А. Закрепление кадров в советской индустрии второй половины 1940-х гг.: административное принуждение и (или) материальное стимулирование // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2 (74). С. 24–30.
6. Коваленко С. Г. Парадоксы времени: трудовая активность и проблемы дисциплины на послевоенном производстве 1945 – середина 50-х гг. // История освоения Россией Приамурья и современное социально-экономическое состояние стран АТР: Материалы междунар. науч.-практ. конф.: В 2 ч. Ч. 1. Комсомольск-на-Амуре. 4–5 октября 2007 г. Комсомольск-на-Амуре, 2007. С. 442–447.
7. Макуров В. Г. Развитие лесной промышленности Европейского Севера СССР в послевоенный период (1946–1955). Петрозаводск, 1979. 80 с.
8. Мамяченков В. Н. Политика советского государства в сфере трудовых отношений в 1940-х – начале 1950-х гг.: как заставить людей работать? (на материалах Свердловской области) // Научный диалог. 2017. № 4. С. 168–187.
9. Папков С. А. Сталинизм послевоенной эпохи. Принуждение к труду и чрезвычайное законодательство // Азиатская Россия и сопредельные государства: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2013. С. 293–304.
10. Прибыткова К. П. Принудительные способы воздействия на трудовое поведение рабочих кадров в промышленности Алтайского края в 1940-х – первой половине 1950-х гг. // Актуальные вопросы истории Алтая: Сб. науч. ст. Барнаул, 2017. С. 136–141.
11. Соколов А. К. Проблемы мотивации труда на советских предприятиях // Труды Института российской истории. Вып. 9. М.; Тула, 2010. С. 174–224.
12. Чекулаев С. Ю. Особенности исправительно-трудовой политики советского государства в 40-х и первой половине 50-х годов XX века // Право и образование. 2009. № 6. С. 168–174.
13. Фицпатрик Ш. «Паразиты общества»: как бродяги, молодые бездельники и частные предприниматели мешали коммунизму в СССР // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985 / Под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. М., 2008. С. 219–254.

Поступила в редакцию 20.08.2020

Ludmila I. Vavulinskaya, PhD in History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ludvav@mail.ru

INDUSTRIAL LABOUR RELATIONS POLICY OF THE SOVIET STATE DURING THE FIRST DECADE AFTER WORLD WAR II*

The article analyses Karelian practices of applying the decrees of the Presidium of the USSR Supreme Soviet of June 26, 1940 and July 14, 1951, which imposed criminal liability for violating workplace discipline. These matters have so far been little covered by either legal or historical literature. On the other hand, the penal enforcement policy of the Russian state cannot be improved unless both positive and negative experiences in this sphere are taken into account. The main sources for the analysis were previously unpublished documents kept at the National Archives of the Republic of Karelia. The paper mentions numerous cases of unwarranted judicial responsibility for employees. It is emphasized that the workplace discipline issue was the most acute in the republic's forest industry, which was short of labour power and had to extensively use workforce from other regions. Approximately two thirds of those sentenced for unauthorised absence and abandonment of forest industry enterprises were people who had come to the Republic to work under contract or under organised recruitment arrangements. On some occasions, the management resorted to illegal methods to retain the workforce. Analysis of the archived statistical data demonstrated that although judicial punishment for unauthorised absence was replaced with disciplinary actions and community-based correction measures, the number of such violations in the republic in the early 1950s increased. In view of this, the Republic's party leaders submitted a request to the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union (CPSU) to annul the Decree of the Presidium of the USSR Supreme Soviet of July 14, 1951. The article explains the reasons for annulling the laws and

regulations in the labour relations sphere after World War II, and emphasizes that in practice their application was a failure. The actions that worked well for ordering and stabilizing labour relations were enhancement of the work environment and the living standard of employees, as well as the social sphere development.

Keywords: post-war years, state policy, workplace discipline, administrative and judicial compulsion to labour, unauthorised absence

* Financial support for the research was provided from the federal budget for the implementation of the state project 0225-2018-0011 “Karelia in peace and war (from the Middle Ages to the present day)” assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

Cite this article as: Vavulinskaya L. I. Industrial labour relations policy of the Soviet state during the first decade after World War II. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 8. P. 38–43. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.548

REFERENCES

1. Bogdanov S. V. Criminality in the life of Soviet postwar society: reaction of the upper and lower classes. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2009. Issue 103. P. 7–15. (In Russ.)
2. Govorov I. V. Crime and the fight against it in post-war Leningrad (1945–1955): Historical analysis. St. Petersburg, 2004. 501 p. (In Russ.)
3. Zharkoy M. E. Leningrad militia in the mechanism of implementing the punitive policy of the post-war years (1945–1957). Historical lessons of activity. St. Petersburg, 2004. 249 p. (In Russ.)
4. Zherbin A. S. Industrial workers of Karelia. 1946–1958. Petrozavodsk, 1971. 107 p. (In Russ.)
5. Klinova M. A. Personnel retention in the Soviet industry in the mid-to-late 1940s: administrative enforcement and/or material incentives. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2018. No 2 (74). P. 24–30. (In Russ.)
6. Kovalenko S. G. Paradoxes of time: labor activity and discipline issues in post-war industry between 1945 and the mid-50s. *The history of Russia's development of the Amur region and the current socio-economic state of the APR countries. Proceedings of the international research and practice conference: In 2 parts. October 4–5, 2007. Part 1. Komsomolsk-on-Amur*, 2007. P. 442–447. (In Russ.)
7. Makurov V. G. Development of the forest industry in the European North of the USSR in the post-war period (1946–1955). Petrozavodsk, 1979. 80 p. (In Russ.)
8. Mamyachenkov V. N. Policy of Soviet state in the field of labor relations in 1940s – early 1950s: how to get people work? (on materials of Sverdlovsk region). *Nauchnyi dialog (Scientific Dialogue)*. 2017. No 4. P. 168–187. (In Russ.)
9. Papkov S. A. Stalinism of the post-war era. Forced labor and emergency legislation. *Asian Russia and neighboring states: Collection of research papers*. Novosibirsk, 2013. P. 293–304. (In Russ.)
10. Pribytkova K. P. Forced methods of influencing the labor behavior of industrial workers in Altai territory during the 1940s and the first half of the 1950s. *Current issues of Altai history: Collection of research papers*. Barnaul, 2017. P. 136–141. (In Russ.)
11. Sokolov A. K. Problems of labor motivation in Soviet enterprises. *Proceedings of the Institute of Russian History*. Issue 9. Moscow, Tula, 2010. P. 174–224. (In Russ.)
12. Chekulayev S. Yu. Features of correctional labor policy of the Soviet state in the 1940s and the first half of the 1950s. *Law and Education*. 2009. No 6. P. 168–174. (In Russ.)
13. Fitzpatrick Sh. “Parasites of society”: how vagabonds, young idlers and private entrepreneurs interfered with communism in the USSR. *Soviet social policy: scenes and actors, 1940–1985*. Moscow, 2008. P. 219–254. (In Russ.)

Received: 20 August, 2020

ИВАН ВАЛЕРЬЕВИЧ ЗЫКИН

кандидат исторических наук, доцент
Технологический институт – филиал Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ»
(Лесной, Российская Федерация)
zivverh@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА СССР В СТРАТЕГИИ ПЕРВОГО ПЯТИЛЕТНЕГО ПЛАНА

Период «социалистической индустриализации» конца 1920-х – начала 1940-х годов в истории Советского Союза, приведший к кардинальным трансформациям в экономике Европейского Севера, привлекает многих исследователей грандиозными проектами и степенью их реализации, в том числе в лесной промышленности, ставшей ведущей отраслью макрорегиона. Несмотря на наличие серьезных исследований по истории отрасли, регионов, место лесной промышленности Европейского Севера в стратегии первого пятилетнего плана (1928–1932 годы), который задал основные векторы развития отрасли и макрорегиона, изучено недостаточно. Актуальным представляется исследование проблемы с позиции концепции модернизации. Автором впервые предпринят анализ показателей первого пятилетнего плана и статистических сведений, выделены модели развития региональных лесопромышленных комплексов Европейского Севера. Рассмотрены особенности реализации первой пятилетки в отрасли. Сделаны выводы о планировании развития лесной промышленности Европейского Севера в направлении освоения новых лесных массивов, комбинирования сфер механической обработки и глубокой переработки древесины, увеличения экспорта лесных ресурсов и материалов. В результате реализации первого пятилетнего плана произошла корректировка моделей региональных лесопромышленных комплексов в сторону развития заготовки и механической обработки леса, отклонения ряда проектов комбинированных производств.

Ключевые слова: лесопромышленный комплекс, Европейский Север, Карелия, Северный край, Коми автономная область, первый пятилетний план, модели развития

Для цитирования: Зыкин И. В. Региональные лесопромышленные комплексы Европейского Севера СССР в стратегии первого пятилетнего плана // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 8. С. 44–53. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.549

ВВЕДЕНИЕ

Северные территории Восточно-Европейской равнины, или Европейский Север [7]¹, играли важную роль в истории России, Советского Союза и занимают значимое место в современной экономике и геополитике страны, обладая уникальным географическим расположением и ресурсным потенциалом. В истории освоения этого макрорегиона решающей стала «социалистическая индустриализация» конца 1920-х – начала 1940-х годов. Одним из приоритетных направлений развития Европейского Севера, обладавшего значительными запасами лесных ресурсов, сплавными путями, портами, в этот период стал лесопромышленный комплекс. В годы подготовки и реализации первого пятилетнего плана (1928–1932 годы) были заданы основные тренды развития отрасли: масштабное освоение лесных массивов, комплексная переработка древесины, экспорт лесных ресурсов и материалов. Сопутствующими факторами стали репрессивная по-

литика Советского государства и административно-территориальная реформа, в результате которой макрорегион включал Карельскую автономную республику и Северный край (включая Коми автономную область). Эти три субъекта имели также свои особенности развития экономики, в том числе лесопромышленного комплекса. Хотя в материалах первого пятилетнего плана Карелия включена в состав Северо-Западного района, намеченные проекты в сфере транспорта свидетельствовали о тесной связи автономии и Северного края.

В основных городах региона сложились сильные научные учреждения и школы по исследованию истории Европейского Севера и отдельных территорий в период реализации первых пятилетних планов. В советский период исследователи рассматривали развитие территорий Европейского Севера в первой пятилетке в позитивном ключе, отмечая успехи партийно-государственных органов и хозяйственных ведомств.

Научный анализ проблем планирования и реализации пятилетнего плана, в том числе в лесопромышленном комплексе, не предпринимался. К числу основных работ следует отнести публикацию И. В. Первозванского [15], диссертацию В. П. Пятовского² и научный отчет, подготовленный в 1960-х годах научными сотрудниками отдела истории Коми филиала Академии наук СССР по итогам изучения истории индустриализации региона в 1926–1937 годах, опубликованный только в 2018 году [6].

На современном этапе отмечается повышение интереса к истории Европейского Севера в период «социалистической индустриализации». У исследователей появились возможности работы с ранее недоступными архивными материалами, использования разнообразного методологического инструментария. Были изданы научные, научно-популярные труды по истории лесной промышленности [22], ее отдельных компонентов [8] и регионов Европейского Севера [10], [18], где рассматривается также период конца 1920-х – начала 1930-х годов. Среди работ по истории регионов следует отметить монографии Ю. М. Килина [9], С. И. Шубина [23], статьи А. А. Нисковского [12], [13], Л. А. Максимовой [11], С. Н. Филимончик [20], по истории спецссылки и исправительно-трудовых лагерей на Европейском Севере – статьи Н. М. Игнатовой [4], Е. В. Хатанзейской [21], М. В. Шульгиной [24].

Однако до сих пор не сформировано концептуальное представление о ключевых направлениях и особенностях развития региональных лесопромышленных комплексов Европейского Севера Советского Союза в стратегии первого пятилетнего плана, то есть на начальном этапе «социалистической индустриализации». Базовой теорией исследования является концепция модернизации [1]. В. В. Алексеев и Е. В. Алексеева указывали, что Советское государство шло

«по пути модернизации в русле мирового прогресса... другое дело, что модернизация насаждалась сверху железной диктатурой, ее темпы форсировались в ущерб качеству процесса и здоровья нации» [2: 33, 34].

По проблемам модернизации регионов Европейского Севера в последние годы состоялись научные мероприятия, изданы сборники научных трудов [3], [5], [16]. В частности, С. Н. Филимончик отмечала быструю трансформацию региона в «индустриальный район с преобладанием очагов крупной промышленности всесоюзного значения» в конце 1920-х – начале 1940-х годов, осуществленную с использованием разнообразных методов принуждения. Вывод исследовательницы – в формировании экономической

модели, «позволяющей решать краткосрочные задачи, но неэффективной в расчете на перспективу» [20: 185].

Большое значение имеет разработка методологии исследования истории региональных лесопромышленных комплексов. О. И. Кулагин рассмотрел развитие лесопромышленного комплекса Карелии с позиций концепций «новой экономической географии». Он отмечал, что

«факторы “первой природы” (богатство природных ресурсов, выгодное географическое положение, снижающее транспортные издержки) стали главными условиями формирования “наезженной колеи” развития Карелии в XX веке»,

но в 1930-х годах

«были нивелированы скачкообразными темпами индустриализации, не позволявшими выделять дополнительные средства центром региону на социально-культурное освоение данных территорий, а также пограничным характером республики» [10: 147, 151].

Выводы исследователя могут быть перенесены и на ряд других регионов с развитой лесной отраслью. Автор данной статьи проанализировал особенности лесопромышленного комплекса Уральского региона в рамках системного подхода³.

Основой исследования являются материалы первого и второго пятилетних планов, серии статистических сборников «Социалистическое строительство СССР», сборников документов «История сталинского ГУЛАГа», «Холодный дом России: документы, исследования, размышления о региональных приоритетах Европейского Севера», «Советская лесная экономика. Москва-Север. 1917–1941». Автором впервые предпринят анализ показателей пятилетнего плана и статистических сведений, выделены модели развития региональных лесопромышленных комплексов Европейского Севера. Ключевые акценты сделаны на изучении направлений развития и финансирования отрасли в первой пятилетке, результатов ее реализации. Обращение к проблеме места лесной промышленности Европейского Севера в стратегии первой пятилетки актуально в связи с сохранением на современном этапе значимости отрасли в экономике макрорегиона, но в то же время ее тяжелым положением, вызванным в том числе трудностями освоения лесных массивов, привлечения трудовых ресурсов, закрытием предприятий.

ПЛАНИРОВАНИЕ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ И ФИНАНСИРОВАНИЯ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ КАРЕЛИИ И СЕВЕРНОГО КРАЯ

На Европейском Севере большие объемы лесных насаждений, возможность дешевого способа

транспорта древесины – сплавом по многим рекам и озерам, наличие лесопильных предприятий и портов привлекали внимание государственных и региональных органов власти и способствовали повышению удельного веса лесопромышленного комплекса в экономике территории в конце XIX – первой четверти XX века. В ходе дискуссии, развернувшейся в конце 1920-х годов по вопросу будущего административного устройства северных губерний и вектора их экономического развития, столкнулись позиции регионов и центра. Местные политические элиты отстаивали комплексное развитие территории, ее постепенную колонизацию, интеграцию в экономику страны, причем с учетом традиций местного населения. Позиция центра предполагала формирование моноотраслевой экономики, основанной на активной лесозаготовке и идее превращения региона в «валютный цех страны».

Губернии Европейского Севера пытались протолкнуть в высшие органы власти проекты административного устройства и экономического развития территорий. Привлекательные идеи получения валютных средств за счет продажи за границу древесины, модернизации сфер заготовки, механической обработки и глубокой переработки леса, продвигавшиеся руководством Архангельской губернии и поддержанные высшими партийно-государственными органами, взяли верх. В результате был создан Северный край, объединивший территории Архангельской, Вологодской, Северо-Двинской губерний и Коми области. Альтернативные проекты и «оппозиция» были устранены. Основной экономической задачей этого административного субъекта стали увеличение объемов лесопромышленной деятельности и экспорта лесных товаров. Планами предусматривался рост заготовки лесных ресурсов в регионе с 21 млн м³ в 1931 году до 43 млн м³ в 1934 году⁴ [23: 134, 135, 138, 139, 140, 141, 142, 150–151, 313].

По первому пятилетнему плану в Северный край направлялись 273,2 млн руб. (22,4 % от инвестиций в лесопромышленный комплекс Советского Союза) – наибольшая сумма среди регионов РСФСР. В новое строительство в лесохимии направлялось 5,1 млн руб. (из 76,9 млн по стране), в лесопилении – 62,1 млн руб. (из 243,2 млн), в деревообработке – 9,3 млн руб. (из 89,1 млн), в целлюлозно-бумажной отрасли – 80,2 млн руб. (из 317 млн). Для Карелии объем вложений составлял 35,6 млн руб., в том числе 16,1 млн – в новое строительство. В Северном крае отмечался наибольший удельный вес вложений в лесную промышленность в структуре инвестиций в промышленность Высшего совета народ-

ного хозяйства – 91,1 %. В Карелии, где имелись значительные запасы лесных ресурсов, выгодное географическое положение, лесная промышленность становилась ведущей отраслью, даже при внешне небольших инвестициях. В лесную, деревообрабатывающую и бумажную отрасли направлялось 73,3 % вложений в промышленность⁵.

В Северном крае предполагалось построить 32 основных объекта стоимостью 174,4 млн руб., в Карелии – 8 объектов на сумму 21,3 млн руб. Основные средства планировалось потратить на возведение трех лесопильных заводов в Архангельске общей стоимостью 32,4 млн руб., двух лесопильных предприятий в Мезени (по 5,8 млн каждое), лесопильного и шпалорезного завода в Усть-Пинеге (6 млн), целлюлозных заводов в Архангельске (30 млн), Усть-Сысольске (30 млн, рассматривались еще два варианта размещения объекта), бумажного комбината в Котласе (30 млн). В Карелии крупными стройками являлись бумажная фабрика и сульфатно-целлюлозный завод в Кондопоге стоимостью 14,4 млн руб.⁶

Развитию лесопромышленного комплекса Северного края уделялось большое внимание в первом пятилетнем плане. Его разработчики рассматривали экономику региона как «огромный лесотранспортный комбинат». Наличие портов на Белом и Северном морях, сплавных рек (Северная Двина, Печора, Мезень, Онега), в бассейнах которых были сосредоточены крупные запасы древесины, выдвигало задачу развития лесной промышленности в северной части края. Помимо этого предполагалось активизировать заготовку древесины, строить предприятия по ее механической обработке и глубокой переработке (в том числе используя «нетоварный» лес и древесные отходы, создавая комбинированные производства). Тем более что потребности в лесных и бумажных товарах в Советском Союзе возрастали. В железнодорожном строительстве акцент делался на сооружение линий, которые позволили бы освоить отдаленные массивы и ориентировать лесную промышленность на внутренний рынок (Усть-Сысольск – Котлас – Галич или Усть-Сысольск – Пинюг – Галич). В перспективе было решение транспортной проблемы в Печорском крае: устройство водного соединения рек Печора и Кама либо строительство железной дороги. Проекты создания широтных магистралей (Сорока – Котлас, Архангельск – Мезень (Усть-Вашка) с продолжением до р. Обь) признавались нецелесообразными ввиду продолжительной окупаемости.

Объем производства пиломатериалов в Северном крае в 1926/27 году равнялся 1650 тыс. м³, из

которых 1330 тыс. экспортировались, 1155 тыс. м³ производились в Архангельске. Слабо были развиты деревообработка (одно предприятие в Архангельске и два – в Северо-Двинской губернии) и глубокая переработка леса (Сухонская фабрика в Вологодской губернии мощностью 14 тыс. т бумаги и 21 тыс. т. целлюлозы и небольшая Лальская фабрика). Фактический отпуск древесины в крае должен был возрасти с 16,7 млн м³ в 1927/28 году до 40,5 млн в 1932/33 году, в том числе делового леса – с 9,8 до 29,4 млн м³. Производство пиломатериалов к концу первой пятилетки планировалось в объеме 6,5 млн м³, из них 3 млн, в основном для экспорта, должно было изготавливаться в Архангельске. Еще одним крупным центром лесопиления становился Котлас, но для удовлетворения нужд внутреннего рынка. В Архангельске концентрировались мощности по выпуску целлюлозы (100 тыс. т). Другими важными центрами по глубокой переработке древесины становились Сухонский завод, который подвергался реконструкции, и Котлас, в котором намечалось строительство целлюлозно-бумажной фабрики. Целлюлозное производство в Коми области, по задумкам разработчиков плана, должно было развиваться только в связи с сооружением железной дороги. Лесохимия сосредоточивалась в Архангельске, Котласе, Усть-Сысольске и других поселениях Коми области⁷.

В Коми области, согласно генеральному плану развития народного хозяйства региона на 1925/26–1940/41 годы, основные производственные фонды промышленности должны были вырасти более чем в 163 раза. В 1940/41 году 86,6 % фондов должно было приходиться на лесную отрасль, в том числе 79,4 % – на целлюлозно-бумажную [6: 76, 79]. Впечатляют фантастические цифры индустриального развития (пусть отсчитываемые от относительно низких показателей), сохранение моноотраслевого характера экономики и мощное развитие сферы глубокой переработки древесины. Хотя неопределенные еще характер и направления индустриализации, возможность проводить все-сторонние обсуждения планов на региональном уровне стимулировали областные органы власти намечать значительное развитие тех отраслей, от которых зависели доходы бюджета.

В марте 1929 года на IX областной партийной конференции, обсуждавшей пятилетний план, предполагалось объем заготовки лесных ресурсов увеличить до 3,8 млн м³ в 1932/1933 году (в 1928 году – около 1 млн м³). Ввод в строй предприятия по глубокой переработке древесины позволил бы перейти к сплошным рубкам в лесных массивах и довести объем заготовки леса до 7,3 млн м³ [6: 81, 92]. В 1929 году Цен-

тральный комитет ВКП(б) своим постановлением по докладу Коми краевого комитета установил размер лесозаготовок в регионе на 1932/33 год в 21 млн м³. В планах звучали предложения направить в лесопромышленный комплекс Коми области 95 % всех вложений по линии промышленности. В финальном варианте первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Коми области определялось строительство лесопильного, ящично-клепочного, фанерно-лыжного, экстракционно-канифольного и других заводов, возведение Сыктывкарского целлюлозно-бумажного комбината без объяснения причин было отложено [13: 183, 184, 185]. В связи с направлением большого числа спецпереселенцев в лесопромышленный комплекс Коми автономной области плановые показатели заготовки лесных ресурсов значительно возросли. Уже на 1930 год планировалось заготовить в Северном крае 65 млн м³ древесины, принимая во внимание то, что на территории Коми области находилось более 50 % лесных массивов [6: 82].

Развитие лесопромышленного комплекса Карелии в 1920-х годах, связанное как с лесоустройством, освоением лесных массивов, реконструкцией предприятий по механической обработке древесины, так и со строительством целлюлозно-бумажных производств, стало значимым заданием для следующего десятилетия. Однако в конце 1920-х – первой половине 1930-х годов развивался конфликт интересов между региональными властями, выступавшими за сохранение управления лесопромышленными предприятиями и развитие механической обработки и глубокой переработки древесины, и центральными партийно-государственными органами, стремившимися нарастить объемы экспорта круглого леса и пиломатериалов, передать производства союзным хозяйственным ведомствам для облегчения реализации этой задачи.

Значительные объемы заготовки лесных ресурсов в регионах, перспективных с точки зрения близости к рынкам сбыта, индустриальным центрам, размещения предприятий, еще в конце 1920-х годов вызвали дискуссию плановых и партийно-государственных органов о размере отпуска леса. В частности, в 1929 году Госплан Карельской республики в докладе VIII Всекарельскому съезду советов указывал на необходимость увеличения отпуска древесины только до 4970 тыс. м³ в 1932 году по сравнению с 4275 тыс. м³ в 1927/28 году из-за дефицита сырья в ряде районов. Данные расчеты основывались на принципе равномерного и неистощительного лесопользования. Однако, как отмечал И. В. Первозванский, в 1930–1940-х годах основным фак-

тором развития лесной промышленности в регионе стало «максимальное и наиболее легкое удовлетворение потребностей народного хозяйства в древесине». Отсюда возник принципиально другой вариант Госплана СССР – увеличить объем заготовки лесных ресурсов к концу второго пятилетнего плана до 35 млн м³ в год [14: 41]. Такая версия могла исходить только из общего представления плановых органов о наличии запасов древесины в Карелии, но не учитывала размеры и направления капитальных вложений.

В титульном списке первого пятилетнего плана значились следующие объекты: лыжная и фанерная фабрики в Петрозаводске, лесопильные заводы в Кондопоге и Кемии, фабрика строительных деталей в Сороке. К концу пятилетки должно было целиком завершиться возведение Кондопожского целлюлозно-бумажного комбината. Объем заготовки лесных ресурсов в 1932 году планировалось увеличить до 8,2 млн м³, в том числе деловой древесины – 4,4 млн. В 1929 году Центральный комитет ВКП(б) поставил ряд важных задач по развитию лесопромышленного комплекса региона. Речь шла об увеличении объемов заготовки лесных ресурсов, реконструкции и механизации лесозаготовительных работ, которые должны были осуществляться круглогодично, создании постоянных кадров рабочих, системы их подготовки, развитии комплексной переработки древесного сырья [15: 46, 47]. Очевиден стандартный набор задач, характерный и для других осваивавшихся лесных территорий. На первом месте стояла реорганизация работы сферы заготовки лесных ресурсов, следствием чего могло стать формирование экономики сырьевой направленности. И только затем указывалось на необходимость развития предприятий по механической обработке и глубокой переработке древесины.

Итак, на Европейском Севере природные условия, наличие портов и близость к европейским рынкам способствовали становлению лесопромышленного комплекса в качестве регионообразующей отрасли, развивавшейся на основе густой сети рек и озер, позволявшей сплачивать большие объемы лесных ресурсов потребителям. Первым пятилетним планом были заложены модели развития региональных лесопромышленных комплексов. В качестве оснований для их выделения и важнейших характеристик следует отметить степень комплексности лесопользования (комбинированный, полуконбинированный, сырьевой компоненты модели), ориентацию на внутренний или внешний рынок (экспортный, экспортно-внутренний и внутренний компоненты). Планом предусматривалось создание на Европейском Се-

вере комбинированной, экспортно-внутренней модели.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПЕРВОГО ПЯТИЛЕТНЕГО ПЛАНА

За 1927/28–1929/30 годы регионы, вошедшие в состав Северного края, существенно увеличили свой потенциал в плане развития лесной промышленности. Объем заготовки древесины увеличился с 7,6 до 20,3 млн м³, лесопиления – с 370 до 670 тыс. стандартов, производства целлюлозы – с 40 до 54 тыс. т, бумаги – с 21 до 42 тыс. т [23: 43]. С 1927 по 1932 год число лесозаводов на территории Северного края выросло с 51 до 75. В конце 1931 года начал работать крупный лесопильный завод № 16–17 [17: 46].

Масштабные планы по освоению лесных массивов Европейского Севера и строительству предприятий лесопромышленного комплекса при дефиците финансовых ресурсов, материальных, трудовых и организационных проблемах не могли не вызывать беспокойства руководителей партийно-государственных органов страны и РСФСР по поводу реализации данных проектов. В конце 1929 году с серьезной критикой в адрес руководства Северного края и лесных трестов выступил С. И. Сырцов, председатель Совета народных комиссаров РСФСР. Его основные претензии сводились к тому, что было невозможно в короткие сроки хозяйственно освоить леса Европейской Севера, к тому же денежных средств выделялось недостаточно⁸.

С. И. Шубин вполне уместно обозначил лесопромышленную деятельность Северного края как «кочевнический подход», который

«способствовал наращиванию темпов заготовки леса без развития соответствующих технологий заготовки, вывозки и переработки древесины» [23: 198].

Относительно стабильный лесной экспорт не стал залогом усиления роли Архангельска в качестве ведущего экономического центра на Европейском Севере. Если фактические показатели заготовки древесины в сезоны 1930/31–1931/32 годов ненамного опережали плановые задания, то далее начинается их хроническое отставание. К середине 1930-х годов наличие единого административного субъекта на Европейском Севере, лесопромышленный комплекс которого в основном переориентировался на удовлетворение потребностей других территорий страны, считалось нецелесообразным. В августе 1933 года Совет народных комиссаров СССР в постановлении «О работе лесной промышленности Северного края» указывал, по сути, на неудачи экономической политики по развитию лесной отрасли в регионе [23: 310, 311, 313, 315].

В Коми области во второй половине 1920-х – 1930-х годах роль лесопромышленного комплекса в стоимости валовой продукции региона существенно возросла – его удельный вес увеличился с 26 % в 1925 году до 51,2 % в 1932 году [6: 103, 117]. За 1929–1932 годы в Коми области было заготовлено 16 млн м³ леса, в том числе 8,4 млн – на экспорт [13: 186]. В начале 1931 года в специальном постановлении по докладу Коми областного исполнительного комитета на IX Областном съезде Советов президиум Центрального исполнительного комитета в качестве основного достижения в регионе назвал развитие лесопромышленного комплекса (рост объемов заготовки древесины с 726 тыс. м³ в 1913 году до 4442 тыс. в 1930–1931 годах и экспорта леса). Наряду с этим констатировались проблемы: слабая механизация лесозаготовительных работ, низкие темпы подготовки кадров из числа коренных жителей [12: 164]. Было реализовано строительство только нескольких лесозаводов.

В Карелии лесопромышленный комплекс получил серьезное развитие в сфере заготовки (что связано с близостью республики к рынкам сбыта) и глубокой переработки лесных ресурсов (во второй половине 1920-х годов здесь был построен Кондопожский целлюлозно-бумажный комбинат, расширение которого продолжилось в последующие годы). Освоению новых лесных массивов на западе автономии способствовала государственная и региональная политика развития приграничной полосы, имевшая стратегическую цель [9: 41]. Однако с началом индустриализации карельский лес, как и национальное своеобразие автономии, стал разменной монетой в политике союзных партийно-государственных органов, стремившихся к централизации управления экономикой и использования природных ресурсов.

За годы первого пятилетнего плана в республике было заготовлено 26,2 млн м³ древесины, тогда как за 1923/24–1927/28 годы – 13,6 млн [15: 47]. Рост очевиден, но он оказался ниже плановых показателей. В 1928/29 году объем заготовки древесины в регионе достиг 4,72 млн м³, в 1932 году было вывезено 6,7 млн фестметров⁹. В октябре 1930 года основные предприятия автономии были приравнены к объектам общесоюзного значения и переданы в ведение союзных хозяйственных ведомств [10: 150]. Это было серьезным ударом по позициям республиканских властей в экономической политике.

В годы первой пятилетки укреплялся потенциал предприятий по механической обработке лесных ресурсов, и в частности по выпуску готовых изделий из дерева. Помимо замены устаревшего оборудования дополнительные рамы

установили на ряде лесопильных заводов. В конце 1931 года начала функционировать Петрозаводская лыжная фабрика с проектной мощностью 150 тыс. пар лыж в год [15: 50, 51, 52]. Достигнутые результаты не следует преувеличивать. Как отмечал Ю. М. Килин, план первой пятилетки по строительству предприятий (пять лесопильных заводов на 28 рам, пять целлюлозно-бумажных предприятий мощностью 200 тыс. т бумаги, четыре лесохимических завода) не был реализован целиком. Развитие сфер механической обработки и глубокой переработки древесины свелось в основном к реконструкции производств. Причину такого положения исследователь видел в незаинтересованности народных комиссариатов союзного значения в освоении северной территории, требовавшей более серьезных инвестиций, а также в срыве планов железнодорожного строительства. Поэтому активная лесозаготовка осуществлялась в южных районах Карелии [9: 63–64, 66, 72].

Важным фактором развития лесной промышленности на Европейском Севере стала репрессивная политика Советского государства, осуществлявшаяся в двух ключевых направлениях: «раскулачивание» с последующим переселением «кулаков» в специальные поселки в северных и восточных районах страны и создание исправительно-трудовых лагерей для заключенных. В частности, в результате первой волны «раскулачивания» в 1930 году в Северный край было вселено 230 тыс. человек¹⁰. По данным ОГПУ по Северному краю, в 1930–1931 годах к лесным трестам были «приписаны» 120 тыс. человек (из 132,9 тыс.) [21: 100]. Однако из-за неудовлетворительных условий проживания, снабжения, высоких норм выработки, приведших к смертности и побегам, в последующие годы происходило сокращение числа спецпереселенцев.

На Европейском Севере первые исправительно-трудовые лагеря, начавшие осуществлять лесопромышленную деятельность, образовались в течение 1920-х годов. К ним относятся Соловецкие лагеря особого назначения в Карелии (действовали с 1923 по 1933 год), Северные лагеря в Северном крае (с 1929 по 1931 год) [19]. Регионы страны, в которых дислоцировались исправительно-трудовые лагеря, пытались активнее вовлекать их в хозяйственную деятельность. Если на каком-либо участке лесопромышленной деятельности возникала чрезвычайная ситуация, одним из мобилизационных мероприятий являлась отправка туда заключенных. Такая ситуация произошла, к примеру, в Архангельском порту во второй половине 1929 года, когда по просьбе бюро Северного края на работы по раз-

делке сплавлявшегося по Северной Двине леса и погрузочные работы были срочно отправлены заключенные¹¹. В 1930 году полномочный представитель Объединенного главного политического управления по Северному краю Р. И. Аустрин предлагал передать лагерям региона работы по механизации вывозки древесины, эксплуатации лесопильного завода № 48 треста «Северолес», одного из крупнейших построенных в эти годы, организации лесозаготовок по южному и восточному побережью Белого моря. Оказалось, что Управление Северными лагерями особого назначения обладало достаточным количеством рабочих и специалистов в отличие от лесопромышленных предприятий, что позволяло выполнять производственные задания¹². Несмотря на данный оптимизм, отмечались многие проблемные обстоятельства, сопутствовавшие лесопромышленной деятельности¹³. К тому же имелись примеры неудовлетворительной работы лагерей ГУЛАГа¹⁴.

РОЛЬ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА В ЛЕСНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СТРАНЫ

В масштабах Советского Союза итоги развития лесной промышленности на Европейском Севере выглядели впечатляющими, несмотря на невыполнение большинства показателей первой пятилетки. В 1928/29 году на Северный край приходилось 10,4 % заготовленной в стране древесины (четвертое место после Уральской, Ленинградской областей, Горьковского края), Карелию – 5,3 %. В 1932 году доля Северного края в общем объеме заготовки лесных ресурсов повысилась до 12 % (второе место после Уральской области), Карелии – снизилась до 4,2 %. За 1928/29–1932 годы удельный вес Северного края в заготовке деловой древесины в Советском Союзе увеличился с 14,3 до 15,9 %, Карелии – уменьшился с 6,7 до 5,3 %. В 1932 году Северный край занимал второе место среди регионов РСФСР в вывозке древесины (после Уральской области) с результатом 21 млн фестметров (12,75 % от показателя по стране), первое – в вывозке делового леса (16,07 млн)¹⁵.

В 1928/29 году среди регионов Советского Союза наибольшие объемы пиломатериалов выпускались в Северном крае – 2179 тыс. м³, 14,2 % от показателя по стране (на Европейском Севере – 3115 тыс.). В 1932 году лидером оставался Северный край. Здесь за четыре года зафиксированы рост объемов производства на 1,3 млн м³ и удельного веса до 16,2 %. Среди экономических районов в лидеры вышел Европейский Север (за 1928/29–1932 годы рост объемов с 3415 до 4575 тыс. м³, удельного веса – с 20,3 до 21,3 %)¹⁶, оправдывая в эти годы по-

литику партийно-государственных органов по превращению региона во «всесоюзную лесопилку». В 1932 году среди экономических районов РСФСР по производству бумаги лидировали Северо-Запад (включая Карелию) (195,5 тыс. т, 41,5 % от всего объема), Центральная Россия (107 тыс. т, 22,7 %) и Европейский Север (72,6 тыс. т, 15,4 %)¹⁷. Лесопромышленный комплекс стал ведущей отраслью экономики Европейского Севера. Так, в 1934 году только лесозаготовки и лесосплав давали 47,4 % стоимости валовой продукции Карелии, 38,1 % – Северного края¹⁸.

Активное освоение лесных массивов, создание предприятий по механической обработке и глубокой переработке древесины в районе Архангельска, наличие портов способствовали удержанию за Северным краем ведущей роли в лесном экспорте. Вывоз лесных ресурсов и материалов из портов региона составлял в 1927/28 году 2236 тыс. м³, доля северных губерний в общесоюзном экспорте древесины равнялась 39 %. В 1930 году он возрос до 3646 тыс. м³, но спустя два года снизился до 2712 тыс. Положительным явлением следует считать рост экспорта пиломатериалов (за 1929–1935 годы с 1724 до 2545 тыс. м³), удельный вес которых в лесном экспорте региона колебался в разные годы от 60 до 70 %. В 1935 году на Северный край приходилось 31,2 % экспорта леса из СССР, пиломатериалов – 44,2 % [17: 46], [23: 43, 408].

За годы первой пятилетки возросла роль Карелии в лесном экспорте Советского Союза. Если в 1927 году из Карелии за границу вывозилось 193 тыс. м³ древесины, то в 1932 году – 538 тыс. плюс 221 тыс. шпал [15: 52]. Перемены в промышленной и экспортной политике Советского государства по отношению к Карелии вызывались близостью республики, располагавшей существенными лесными ресурсами, к рынкам сбыта, а также дефицитом финансовых средств для строительства мощных предприятий по глубокой переработке древесины, транспортной инфраструктуры. О. И. Кулагин отмечал, что увеличение объемов заготовки лесных ресурсов не соответствовало экономическим интересам региона, поскольку из-за высокой себестоимости карельского леса конкурировать со Швецией и Финляндией было сложно [10: 150].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За период с конца 1920-х по начало 1930-х годов Европейский Север Советского Союза (Северный край и Карельская автономная республика) существенно увеличил объемы лесопромышленной деятельности, став одним из лидеров среди макрорегионов страны, наряду с Уралом

и Сибирью. В то же время политика партийно-государственных органов по отношению к лесной промышленности, в том числе на Европейском Севере, выразившаяся в реформировании отрасли, корректировке плана, усилении экспорта лесных ресурсов и материалов, репрессиях, привела к трансформации моделей региональных лесопромышленных комплексов в сторону сокращения финансирования сфер механической обработки и глубокой переработки древесины. Не случайно в перечне основных объектов строительства Народного комиссариата лесной промышленности СССР на Европейском Севере на вторую пятилетку встречаются предприятия, сооружение которых началось в конце 1920-х – на-

чале 1930-х годов и которые не были реализованы (в первую очередь целлюлозно-бумажные производства в Архангельске, Котласе, Сыктывкаре). По итогам первого пятилетнего плана в Карелии и Северном крае формировались полукombинированные, экспортно-внутренние модели лесопромышленных комплексов. За счет развития сфер механической обработки и глубокой переработки древесины была сделана попытка (не реализованная полностью) преодолеть сырьевую ориентацию этих регионов, усилив экспортную составляющую лесопромышленной деятельности. В Коми области модель лесопромышленного комплекса характеризовалась преимущественно сырьевой и внутренней ориентацией.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Европейский Север включает территории современных Архангельской, Вологодской и Мурманской областей, республик Коми и Карелии, Ненецкого автономного округа. См., напр.: Истомина Э. Г. Европейский Север: региональный подход // Российская история. 2009. № 3.
- ² Пятковский В. П. Осуществление ленинской программы развития производительных сил Европейского Севера СССР (1917–1941 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1974.
- ³ Зыкин И. В. Лесопромышленный комплекс Уральского региона (конец 1929 г. – первая половина 1941 г.): Дис. ... канд. ист. наук. Нижний Тагил, 2014. С. 33–43.
- ⁴ Холодный дом России: документы, исследования, размышления о региональных приоритетах Европейского Севера. Архангельск: Изд-во Поморского пед. ун-та им. М. В. Ломоносова, 1996. С. 125, 126, 127, 128, 129, 134, 147, 148, 150.
- ⁵ Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 3. Районный разрез плана. Изд. 3-е. М., 1930. С. 568–571, 575, 577, 579, 581.
- ⁶ Объекты нового строительства государственной промышленности на пятилетие (1928/29–1932/33 гг.). Приложение к III тому пятилетнего плана народнохозяйственного строительства СССР. М., 1929. С. 20, 69, 70.
- ⁷ Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 3... С. 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531.
- ⁸ Холодный дом России... С. 178, 179, 180.
- ⁹ Советская лесная экономика. Москва-Север. 1917–1941 гг.: Сборник документов и материалов. Петрозаводск, 2005. С. 345.
- ¹⁰ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 томах. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. М., 2004. С. 116, 117.
- ¹¹ История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 томах. Т. 2. Карательная система: структура и кадры. М., 2004. С. 76.
- ¹² История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 томах. Т. 3. Экономика Гулага. М., 2004. С. 64–65.
- ¹³ Там же. С. 59–60.
- ¹⁴ Там же. С. 60–62.
- ¹⁵ Социалистическое строительство СССР: Статистический ежегодник. М., 1934. С. 132.
- ¹⁶ Там же. С. 127.
- ¹⁷ Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.): Стат. сб. М.; Л., 1939. С. 72.
- ¹⁸ Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1936. С. 60–63.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В. В. Введение // Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: Монография. М.: Наука, 2000. С. 3–9.
2. Алексеев В. В., Алексеева Е. В. Модернизация России: назад в будущее? Екатеринбург: Академкнига, 2000. 40 с.
3. Вклад репрессированных в освоение европейского Севера России и Приуралья: Материалы регионального научного симпозиума. Сыктывкар: Ин-т языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2004. 192 с.
4. Игнатова Н. М. Принудительный труд спецпереселенцев как системный фактор индустриального освоения северных регионов в 1930–1950-е гг. // История сталинизма: Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память: Материалы междунар. науч. конф. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2013. С. 433–449.
5. Индустриализация Европейского Северо-Востока России: предпосылки, способы осуществления и влияние на социально-экономическое, политическое, этнодемографическое и культурное развитие региона. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 72.) Сыктывкар, 2013. 284 с.

6. Индустриализация Коми автономной области: историографический и источниковедческий анализ и публикация архивной рукописи. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2018. 271 с.
7. Истомина Э. Г. Европейский Север: региональный подход // Российская история. 2009. № 3. С. 15–27.
8. История целлюлозно-бумажной промышленности России. Архангельск: РАО «Бумпром»: ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Правда Севера», 2009. 232 с.
9. Килин Ю. М. Пограничная окраина великой державы: Советская Карелия в 1923–1938 гг. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. 143 с.
10. Кулагин О. И. «Эффект колеи» зависимости в лесной промышленности Карелии как фактор социально-экономического развития региона в конце XIX – XX вв. // Региональные исследования. 2015. № 1 (47). С. 145–152.
11. Максимова Л. А. Последствия индустриальной модернизации на Европейском Северо-Востоке СССР // Известия Коми научного центра УрО РАН. № 1 (33). Сыктывкар, 2018. С. 94–102.
12. Нисковский А. А. Документы областных съездов советов как источник по истории промышленного развития Коми автономной области в 1921–1936 годах // Индустриализация Европейского Северо-Востока России: предпосылки, способы осуществления и влияние на социально-экономическое, политическое, этнодемографическое и культурное развитие региона. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 72.) Сыктывкар, 2013. С. 160–166.
13. Нисковский А. А. Подготовка и реализация первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР в Коми крае // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв.: Материалы XI Всерос. науч. конф.: В 2 т. Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2013. Т. 2. С. 181–187.
14. Первозванский И. В. О возможном размере главного пользования в лесах К-ФССР // Известия Карело-финского филиала Академии наук СССР. 1951. № 1. Петрозаводск, 1951. С. 40–57.
15. Первозванский И. В. Очерки по развитию лесного хозяйства и лесной промышленности Карелии // Труды Карельского филиала Академии наук СССР. Вып. XIX. Вопросы рационального использования лесов Карелии. Петрозаводск, 1959. С. 5–75.
16. Региональная политика и проблемы развития Европейского Севера: взгляд из XX в XXI век. Архангельск, 1999. 244 с.
17. Санников Л. И. Краевое районирование и таможенная реформа конца 1920-х гг. Северный край во внешней торговле СССР // Европейский Север: проблемы территориального управления и развития: Сб. науч. ст. Архангельск: Поморский университет, 2010. С. 43–47.
18. Северный лес на все времена. Сыктывкар: Издательская группа ООО «Коми республиканская типография», 2011. 431 с.
19. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник. М.: Звенья, 1998 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://old.memo.ru/history/NKVD/GULAG/index.htm> (дата обращения 14.08.2019).
20. Филимончик С. Н. Процессы модернизации на Европейском Севере России в 1920–1930-х годах: социально-экономические аспекты // Российская история. 2009. № 3. С. 185–194.
21. Хатанзейская Е. В. Архангельск в системе спецколонизации Северного края в 1929–1936 гг. // Новейшая история России. 2016. № 3 (17). С. 93–104. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2016.306
22. Шегельман И. Р. Лесные трансформации (XV–XXI вв.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 240 с.
23. Шубин С. И. Северный край в истории России. Проблемы региональной и национальной политики в 1920–1930-е годы: Монография. Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2000. 463 с.
24. Шулгина М. В. Соловецкие лагеря особого назначения и лесная промышленность Европейского Севера России (1923–1933 годы) // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. Т. 12 (34). № 2. С. 129–134.

Поступила в редакцию 13.04.2020

Ivan V. Zykina, PhD in History, Institute of Technology – Branch of National Research Nuclear University “MEPhI”
(Lesnoy, Russian Federation)
zivverh@mail.ru

REGIONAL TIMBER PROCESSING COMPLEXES OF THE EUROPEAN NORTH OF THE USSR IN THE FIRST FIVE-YEAR PLAN STRATEGY

The period of “socialist industrialization” of the late 1920s and the early 1940s in the history of the Soviet Union, which led to radical transformations in the economy of the European North, attracts many researchers with its grandiose projects and the degree of their implementation in various spheres, including the timber industry, which became the leading industry of the macro-region. Despite the existence of serious studies on the history of the industry and the regions, the place of the timber industry of the European North in the strategy of the first five-year plan (1928–1932), which set the main vectors for the development of the industry and the macro-region, has not been sufficiently studied. The study of the problem from the perspective of the modernization concept seems relevant. The author performed the first-of-its-kind analysis of the first five-year plan indicators and statistical data, and identified models of development of the timber processing complexes of the European North regions. The article examines the peculiarities of the first five-year plan implementation in the studied industry. Conclusions are drawn regarding the European North timber industry planning oriented towards the development of new forest areas, the combination of mechanical processing and deep processing of wood, and the increase in exports of forest resources and materials. The first five-year plan

implementation resulted in the adjustment of the development models designed for the regional timber industry complexes towards the development of logging and mechanical processing, as well as the rejection of a number of combined production projects.

Keywords: timber processing complex, European North, Karelia, Northern region, Komi Autonomous Region, first five-year plan, development models

Cite this article as: Zykin I. V. Regional timber processing complexes of the European North of the USSR in the first five-year plan strategy. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 8. P. 44–53. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.549

REFERENCES

1. Alekseev V. V. Introduction. *Russian modernization between the XVIII and the XX centuries: Monograph*. Moscow, 2000. P. 3–9. (In Russ.)
2. Alekseev V. V., Alekseeva E. V. Modernization of Russia: back to the future? Yekaterinburg, 2000. 40 p. (In Russ.)
3. Contribution of the repressed to the development of the European North of Russia and the Cis-Urals: Proceedings of the regional research symposium. Syktyvkar, 2004. 192 p. (In Russ.)
4. Ignatova N. M. Forced labor of displaced people as a systemic factor of industrial development of northern regions between the 1930s and the 1950s. *History of Stalinism: Forced labor in the USSR. Economics, politics, memory: Proceedings of the international research conference*. Moscow, 2013. P. 433–449. (In Russ.)
5. Industrialization of the European North-East of Russia: prerequisites, ways of implementation and influence on the socio-economic, political, ethnodemographic and cultural development of the region. (Proceedings of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Issue 72.) Syktyvkar, 2013. 284 p. (In Russ.)
6. Industrialization of the Komi Autonomous Region: historical and source analysis and publication of the archival manuscript. Syktyvkar, 2018. 271 p. (In Russ.)
7. Istomina E. G. European North: regional approach. *Russian History*. 2009. No 3. P. 15–27. (In Russ.)
8. History of the pulp and paper industry in Russia. Arkhangelsk, 2009. 232 p. (In Russ.)
9. Kilin Yu. M. Border edge of the great power: Soviet Karelia in 1923–1938. Petrozavodsk, 2012. 143 p. (In Russ.)
10. Kulagin O. I. The effect of path dependence in timber industry of Karelia as a factor of social and economic development of the region in the end of XIX – XX centuries. *Regional Studies*. 2015. No 1 (47). P. 145–152. (In Russ.)
11. Maksimova L. A. Consequences of industrial modernization in the European North-East of the USSR. *Proceedings of the Komi Scientific Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. No 1 (33). Syktyvkar, 2018. P. 94–102. (In Russ.)
12. Niskovsky A. A. Documents of regional Congresses of Soviets as a source of historical information about the industrial development of the Komi Autonomous Region in 1921–1936. *Industrialization of the European North-East of Russia: prerequisites, ways of implementation and influence on socio-economic, political, ethnodemographic and cultural development of the region. (Proceedings of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. No 72.) Syktyvkar, 2013. P. 160–166. (In Russ.)
13. Niskovsky A. A. Preparation and implementation of the first five-year plan for the development of the USSR national economy in the Komi region. *Ural Industrial: Bakunin Readings: Industrial Modernization of the Urals Between the XVIII and the XXI Centuries. Proceedings of the XI all-Russian research conference*. In 2 vols. Yekaterinburg, 2013. Vol. 2. P. 181–187. (In Russ.)
14. Pervozvanskiy I. V. The possible scale of the principle forest exploitation of K-FSSR. *Proceedings of the Karelo-Finnish Branch of the Academy of Sciences of the USSR*. 1951. No 1. Petrozavodsk, 1951. P. 40–57. (In Russ.)
15. Pervozvanskiy I. V. Essays on the development of forestry and timber industry of Karelia. *Proceedings of the Karelian Branch of the Academy of Sciences of the USSR. Issue XIX. Issues of sustainable forest management in Karelia*. Petrozavodsk, 1959. P. 5–75. (In Russ.)
16. Regional policy and development challenges of the European North: a view from the XX to the XXI century. Arkhangelsk, 1999. 244 p. (In Russ.)
17. Sannikov L. I. Regional zoning and customs reform of the late 1920s. Northern region in the USSR foreign trade. *European North: problems of territorial management and development: Collection of research articles*. Arkhangelsk, 2010. P. 43–47. (In Russ.)
18. Northern forest for all time. Syktyvkar, 2011. 431 p. (In Russ.)
19. System of corrective labor camps in the USSR, 1923–1960. Reference book. Moscow, 1998. Available at: <http://old.memo.ru/history/NKVD/GULAG/index.htm> (accessed 12.08.2018). (In Russ.)
20. Filimonchik S. N. Modernization processes in the European North of Russia in the 1920s and the 1930s: socio-economic aspects. *Russian History*. 2009. No 3. P. 185–194. (In Russ.)
21. Hatanzeyskaya E. V. Arkhangelsk in the system of special colonization of Northern region in 1929–1936. *Modern History of Russia*. 2016. No 3 (17). P. 93–104. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2016.306 (In Russ.)
22. Shegelman I. R. Forest transformations (XV–XXI centuries). Petrozavodsk, 2008. 240 p. (In Russ.)
23. Shubin S. I. Northern region in the history of Russia. Problems of regional and national policies in the 1920s and the 1930s: Monograph. Arkhangelsk, 2000. 463 p. (In Russ.)
24. Shulgina M. V. Special purpose camps of the Solovetsky Islands and timber industry of the European North of Russia (1923–1933). *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2010. Vol. 12 (34). No 2. P. 129–134. (In Russ.)

Received: 13 April, 2020

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ КРАВЧУК

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории
Крымский инженерно-педагогический университет имени
Февзи Якубова
старший научный сотрудник Музея истории КФУ имени
В. И. Вернадского
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
(Симферополь, Российская Федерация)
alexkravchuk7@gmail.com

КРЫМ В ПРОЕКТАХ КОЛЛЕЖСКОГО СОВЕТНИКА Н. АНАСТАСЬЕВА И ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ГОРДЛЕВСКОГО

Проведен анализ двух ранее неизвестных проектов по обустройству Крыма (начало XIX века), обнаруженных в фондах Российского государственного исторического архива. Документы были подготовлены коллежским советником Н. Анастасьевым, генерал-майором Гордлевским и поступили в Комитет по устройству Новороссийской губернии, где рассматривались одним из ближайших сподвижников Александра I Н. Н. Новосильцевым. Сведения, содержащиеся в документах, иллюстрируют общее положение дел в регионе, затрагивают наиболее болезненные проблемы местного администрирования. Данные проекты являются видением частных лиц на пути развития полуострова, при этом они отражают общие тенденции и подходы, существовавшие в рассматриваемый период. Наибольшее внимание авторы обращали на заселение полуострова, снижение таможенных пошлин и экономическое развитие. В документах описаны преимущества региона, при этом не учтены его минусы. Реализовывать задуманное планировалось за счет казны, что в условиях начала XIX века было крайне сложным – страна участвовала в ряде крупных военных кампаний. Несмотря на все трудности, некоторые из предложенных положений нашли практическое применение.

Ключевые слова: Новороссийский край, Таврическая губерния, Таврида, Крым, Комитет по устройству Новороссийской губернии, проекты развития Крыма, Н. Н. Новосильцев, Н. Анастасьев, генерал-майор Гордлевский

Для цитирования: Кравчук А. С. Крым в проектах коллежского советника Н. Анастасьева и генерал-майора Гордлевского // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 8. С. 54–61. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.550

ВВЕДЕНИЕ

Начало царствования Александра I породило небывалый энтузиазм среди населения Российской империи, ожидавшего от молодого императора всеобъемлющих преобразований. Действия его окружения и общественное настроение послужили причиной массового составления различных проектов по реформированию разнообразных сфер общественной жизни. Не обошли своим вниманием составители проектов Новороссийский край и Крым. Данный регион и ранее становился объектом различных преобразовательных замыслов, однако проекты, подготовленные в начале XIX века, отличаются широтой и многообразием предложений, ряд из которых нашли практическую реализацию.

В современной историографии отсутствуют труды, в которых рассматривается данная проблематика, более того, нет работ, посвященных комплексному анализу развития экономики Крыма в последней четверти XVIII – начале XIX

века. В двухтомной обобщающей монографии «История Крыма» экономическое развитие региона освещено крайне слабо и фрагментарно [7]. Среди трудов, в которых рассматриваются проекты развития Крыма конца XVIII – начала XIX века, выделяется статья Ю. И. Головки, посвященная анализу замыслов по развитию черноморской торговли [2]. Отдельные аспекты затронутой проблематики получили освещение в работах Д. В. Конкина [8], [9], а также в ряде наших публикаций [10], [11]. В этой связи изучение разнообразных проектов по преобразованию Крыма видится важным по ряду причин. Во-первых, данные документы позволяют восстановить общую ситуацию в регионе, так как их авторы обращали внимание на наиболее важные, по их мнению, сферы жизни. Во-вторых, можно предположить, что в правящих кругах и не планировали реализовывать какой-то конкретный проект, скорее всего, на их основе пытались составить общее представление о ситуации и уже

на этой базе вырабатывать конкретный план действий.

Итак, в центре внимания настоящей статьи – два проекта развития Крымского полуострова, их содержательная сторона, обстоятельства, в которых они создавались, и попытки практической реализации отдельных положений данных документов.

* * *

Пристальное внимание к региону было вызвано идеей о перспективности его развития, а также в связи с тяжелой ситуацией, сложившейся там в последние годы царствования Екатерины II и Павла I¹. Обилие поступавших на высочайшее рассмотрение программ по преобразованию края подтолкнуло правящие круги 24 ноября 1801 года открыть Комитет по устройству Новороссийской губернии². Учреждение должно было заниматься вопросами, связанными с наделением земель, развитием торговли и промышленности, административным устройством. Одним из членов Комитета являлся ближайший сподвижник Александра I Николай Николаевич Новосильцев. Именно на его рассмотрение поступили проекты коллежского советника Николая Анастасьева и генерал-майора Гордлевского. Первый носил название «Проект каким образом привести Крым в лучшее состояние нежели он поныне есть» и датируется 10 декабря 1801 года, второй – «О заселении полуострова Крымского ландмилицкими полками...» поступил на рассмотрение 14 ноября 1801 года³. Николай Анастасьев (урожденный Николо Анастасио) – грек по происхождению, в 1785 году стал консулом Российской империи на турецких островах Эгейского моря [6: 71–72]. В 1800 году переселяется в Крым, где получает земли в Евпаторийском уезде [6: 72]. О личности генерал-майора Гордлевского нам ничего не известно. При этом авторы были представителями дворянских кругов, участвующих в коммерческой деятельности, и являлись выразителями общественного мнения, к которым прислушивались в правящих кругах [13: 696–697]. Н. Н. Новосильцев представлял эти документы императору, однако одобрения они не получили. Тем не менее отдельные положения проектов были воплощены в жизнь.

Оба документа начинаются с описания преимуществ, которые имел Крымский полуостров по сравнению с другими регионами Российской империи: географического положения (между Европой и Азией); наличия удобных гаваней и свободных земель; благоприятного и уникального для России климата. Из этих описаний следует, что авторы были хорошо знакомы с местными

реалиями. Подобная манера изложения была традиционна в рассматриваемый период и использовалась ранее в трудах К. И. Габлица⁴, В. Ф. Зуева⁵, П. С. Палласа⁶. Как правило, составители проектов, не преминув упомянуть о преимуществах, нередко забывали указать факторы, которые их нивелировали. Например, политическую ситуацию, сложности в использовании черноморских проливов, слабую развитость логистики и хозяйства в Новороссийском крае, многочисленные земельные конфликты между старыми и новыми собственниками, непривычный климат, требующий своеобразных подходов в ведении хозяйства.

Одной из важнейших проблем Крыма было его заселение. Отток местных жителей, начавшийся в последние годы существования Крымского ханства, не удавалось остановить [1: 86]. Переселение отечественных и иностранных колонистов в первые десятилетия российского господства на полуострове носило несистемный характер. Среди новых жителей было много случайных людей и даже авантюристов. Неудивительно, что именно этот вопрос занимал центральное место в предложенных Н. Н. Новосильцеву проектах. Так Н. Анастасьев считал, что в первую очередь необходимо административными рычагами остановить эмиграцию крымских татар, «которые, почитая вольность за первейшее благо, всем жертвуют ради оной»⁷. Также он настаивал на необходимости проведения ревизии земель, принадлежавших татарской знати. Эта мера была необходима для выявления незаконно захваченных участков, которые впоследствии следовало «отобрать в казну для отдачи желающим иностранцам переселиться на жительство в Крым»⁸.

Заселять полуостров Н. Анастасьев планировал преимущественно своими земляками – греками, которые, по его мнению, и без рекрутской повинности встанут на защиту Отечества:

«...в случае войны в окрестностях по объявлению Высочайшего манифеста готовы все они до единого вооружаться. Богатые на свой кошт, а неимущие за счет короны. Равным образом в нужное время не откажут помочь проходящим российским войскам, только бы о сем военачальник предварительно просил их. Следует при этом строжайше запретить войскам делать какое-либо насилие или притеснение, так как в таковом случае неминуемо надлежит ожидать мятежа»⁹.

Также автор проекта считал, что прибывающих иностранцев не следует вынуждать вступать в российское подданство. Данная мера, по его мнению, позволила бы избавиться от «нерадивых» переселенцев, которые не принесут блага краю. Помимо этого, он предлагал продавать землю иностранцам независимо от того, дворянского

они происхождения или нет: «...имущие своим иждивением, а неимущие получаемую от короны ссудою денег покупать землю и недвижимость в Крыму должны иметь право»¹⁰. Кроме того, он рекомендовал сохранить возможность переселенцам покинуть полуостров после уплаты соответствующей пени с продажи имения и в случае отсутствия долгов перед казной.

Для поощрения переселения колонистов Н. Анастасьев предлагал ряд мер. Во-первых, он считал важным сделать понятным для иностранцев налогообложение, так как действующая система «заставляла их думать, что вольность нарушается и они становятся пленниками»¹¹. С этой целью советовал заменить традиционные названия налогов и повинностей. Во-вторых, он высказывался за освобождение всех переселяющихся от уплаты поземельного сбора на 10 лет¹². Что касается повинностей, то одной из тяжелейших, лежавших на населении Крыма в рассматриваемый период, было обеспечение войск топливом. Для этих целей использовали не дрова, так как на полуострове действовал запрет на вырубку лесов, а кизяк и камыш. Учитывая значительную численность войск в Тавриде, а также пребывание там Черноморского флота, данное обязательство было настоящим бременем для обывателей¹³. Н. Анастасьев считал необходимым возложить добычу и доставку топлива исключительно на крымских татар¹⁴.

Для облегчения переселения также предполагалось не облагать таможенными платежами имущество, перевозимое для личного пользования, и сделать беспошлинным ввоз «парчевых и шелковых материй, платьев и шалей» стоимостью до 1000 руб.¹⁵ Помимо этого, автор рекомендовал открыть в Козлове (Евпатории) греческую гимназию, чтобы

«дети их обучались разным знаниям, а паче военному искусству. Сим способом переселится в Крым еще большое количество греков из Анатолии, Морей¹⁶ и Архипелагских островов, которые принесут с собой разные художества, ремесла и промыслы»¹⁷.

Оригинальную идею заселения Тавриды ландмилицкими полками¹⁸ выдвинул в своем проекте генерал-майор Гордлевский. Он планировал организовать полки по подобию тех, которые были учреждены Петром I на Украинской линии [15]. Подобная мера должна была сократить расходы на квартирующие в регионе воинские формирования, организовать пограничную стражу, которая почти полностью находилась бы на самообеспечении. Как и Н. Анастасьев, он осознавал необходимость пополнения земельного фонда для раздачи земель переселенцам. С этой целью

генерал-майор предлагал ряд радикальных мер. Для начала автор проекта призывал ликвидировать Комиссию для разбора поземельных споров в Крыму, созданную в 1798 году¹⁹. Результаты деятельности учреждения носили сомнительный характер и не имели практической пользы²⁰. Вместо проведения расследований, тянувшихся годами, Гордлевский предлагал назначить срок в два-три года, за который собственники на землях, полученных от казны, должны были «сделать хозяйственные заведения». После чего,

«у кого земли по городам и уездам окажутся не обзаведены, таковые под казенное распоряжения поступить должны с удовлетворением употребленных денег на покупку тех земель»²¹.

При этом немедленной конфискации подлежали участки с садами и виноградниками в случае, если собственники не сумели привести их в надлежащее состояние.

Необходимость организации из переселенцев ландмилицких полков, по мнению автора, заключалась в следующем:

«1) будут они способствовать многолюдности и хлебопашеству; 2) для надежнейшей береговой стражи и препятствия всякому злу; 3) для вернейшего внутренней полиции наблюдения; 4) для защиты от обид, живущих там татар; 5) полки сии завести выгодно будет и дешево для казны. Когда они сформируются, то часть казачьих и полевых полков оттолкнуть вывести можно...»²².

Формировать ландмилицкие полки автор проекта предлагал в основном из молдаван и валлахов, а также греков. Кроме них в воинские подразделения должны были войти «бегущие с Прусского кордона в немалом количестве литовские мужики»²³; отставные солдаты, находящиеся в Крыму; бедные представители польской шляхты; однодворцы из российских регионов, в которых ощущался дефицит земли. Для привлечения знати вышеназванных народов предлагалось учредить училища и католические приходы. Расселять их Гордлевский предлагал за счет казны рядом с крупными дорогами и почтовыми станциями по десять семей.

Идея переселения греков, болгар и представителей других народов в Крым была не нова [4: 58–62]. В историографии известны и куда более сомнительные предложения, например, колонизировать полуостров при помощи преступников-каторжан из Англии²⁴. В регионе ощущался острый дефицит рабочей силы, а потому данная проблема была одним из ключевых препятствий развития экономики. Осознавая всю сложность ситуации, высшие сановники в 1804 году подготовили ряд распоряжений, на основании которых начался новый виток колонизации края в XIX

веке: 20 февраля увидел свет указ «О правилах для принятия и водворения иностранных колонистов»²⁵, 23 февраля – «О местах для поселения иностранцев»²⁶, 1 марта – «О позволении иностранным колонистам покупать земли в Новороссийских губерниях»²⁷. В данных законодательных актах нашли отражение идеи, выдвинутые в рассматриваемых нами проектах. Например, об освобождении переселенцев от уплаты податей в течение 10 лет, разрешении на беспопышный провоз личного имущества, беспрепятственное возвращение на родину²⁸, предоставление права на покупку земель²⁹.

Одной из важнейших проблем в первые годы царствования Александра I являлся вопрос о необходимости пересмотра таможенной политики, препятствующий развитию торговли [12: 53]. Многие современники отмечали упадок коммерции в Новороссии в годы царствования Павла I. Особенно пагубно на развитии хозяйства Тавриды сказался запрет на вывоз шерсти и кож, спроса на которые внутри государства не было, так как отсутствовали предприятия по их обработке. Член Непременного совета Гавриил Петрович Гагарин по этому поводу писал:

«...запрещение о выпуске за границу [из Крыма] и самых первых и богатых плодов от скотоводства и от происходящих остановок вывоза оттуда хлеба мало-помалу довели страну сию до окончательного оскудения...» [5: 93].

Выгоднее стало просто заниматься обменом валют, а не торговлей [2: 97]. Не обошел вниманием данный вопрос и Н. Анастасьев. Высказанные им предложение в целом не расходились с идеями тогдашнего министра коммерции Н. П. Румянцева, высказывающегося за отмену высоких таможенных пошлин³⁰.

В начале XIX века уплата таможенных сборов производилась голландскими червонцами³¹ [3: 268], при этом официальный курс был почти в два раза ниже реально существовавшего. Вызывал дополнительные сложности и тот факт, что в годы царствования Павла I золотая монета не чеканилась. Столь высокие пошлины, по мнению Н. Анастасьева, привели к упадку торговли между Крымом, Анатолией и Константинополем:

«Из Анатолии приезжают купцы, но с товарами весьма маловажными, а из Константинополя хотя корабли и приходят, но пустые для загрузки пшеницею»³².

В этой связи автор проекта предлагал заменить уплату пошлин голландскими червонцами на «ходячую российскую монету». Сохранив прежнюю систему только для торговцев вином, «дабы защитить крымских помещиков, выращивающих виноградные лозы»³³. Составитель проекта в этом вопросе, по всей видимости, был

выразителем мнения, господствовавшего в среде как торговцев, так и чиновников. Вскоре состоялся пересмотр таможенных тарифов в сторону их снижения, при этом важнейшее влияние на таможенные сборы оказывала внешнеполитическая ситуация [12: 73].

С целью стимулирования развития торговли и промышленности Н. Анастасьев предлагал начать сооружение в карантинах «магазинов для выветривания товаров, дабы оные не были подвержены порче»³⁴, а также учредить на полуострове Заемный банк с капиталом в 200–500 тыс. рублей. Его создание было необходимо для выдачи ссуд прибывающим торговцам и переселенцам, которые,

«приехав в Крым, имеют великий недостаток в наличных деньгах, первые для обзаведения торговых построек, а другие на платеж пошлин за товары, хранящиеся в пакгаузах»³⁵. Наличные деньги в Крыму занять весьма трудно и не ниже 30 процентов. Из сего выходит зло двойное: переселившиеся получают землю или пустое место в городе, не будучи в состоянии выстроиться и обработать участки свои, начинают шататься и празднично проводить время, затем продают свое имущество и бегут из Крыма. Приехавшие купцы с товарами спешат возвратиться в дом свой по строгому взысканию российской таможенной пошлины. Они продают свои товары за бесценок и отъезжают с великою своего капитала потерей и с твердым намерением никогда не приезжать в Тавриду»³⁶.

Помимо этого, по мнению составителя проекта, предполагаемый банк мог выдавать ссуды переселенцам под залог имущества на строительство домов, фабрик, шелковичных заводов и других заведений. Причем займы должны были предоставляться на льготных условиях сроком на 10 лет: первые 5 лет без процентов, а затем с «платежом 5 процентов», торговцам под 7 процентов с залогом имущества, хранящегося в пакгаузах. Уже проживающим в Крыму иностранцам следовало выдавать ссуды для расширения производств «со строгим от казны присмотром, на то ли они употребляют заемные деньги»³⁷. По замыслу составителя проекта данный банк не должен был работать с российскими помещиками, для которых уже существовал Государственный заемный банк. Н. Анастасьев понимал, что в регионе банк с большим уставным капиталом не мог быть создан в реалиях, существовавших в начале XIX века. При этом указанные суммы в масштабах Крыма при выдаче долгосрочных займов не могли кардинально изменить ситуацию.

Невысокого мнения Н. Анастасьев был о местной судебной системе, устроенной на основании «Учреждения для управления губерний» 1775 года. Он предлагал вывести иностранных переселенцев и купцов из-под их юрисдикции,

«так как сей суд производится медлительно, что торговому делу наносит великий вред и помешательство»³⁸. Вместо этого он предлагал учредить Магистрат, сформированный из переселенцев, дела в котором должны были решаться «скоротечно». Затронутая составителем проекта проблема впоследствии обсуждалась в Комитете по устройству Новороссийской губернии, где ярким сторонником создания коммерческих судов был приближенный к Александру I Николай Семенович Мордвинов. Однако в силу различных обстоятельств задумка так и не была реализована в полной мере³⁹. При этом идея жила в умах законодателей. Так, в указе от 9 мая 1803 года Магистрат «или всякую другую Расправу, для дел коммерческих» предлагалось организовать таганрогскому военному губернатору и градоначальнику Аполлону Андреевичу Дашкову⁴⁰.

В отличие от Н. Анастасьева генерал-майор Гордлевский вторую часть своего проекта посвятил вопросам развития промышленности на полуострове:

«Поелику в Крыму дешевы кожи, шерсть, хлопчатая бумага, селитра, шелк и отменной доброты пшеница арнаутка, следует завести фабрики: кожевенную, сукон солдатских, шляпную, пороховой завод, шелковых мастеров, макаронную»⁴¹.

Для создания этих производств предлагалось пригласить богатых промышленников и купцов и поощрить их выделением по 40 десятин земли в пожизненное пользование. Помимо этого, следовало развивать шелководство и «малыми наградами или чинами окружить помещиков и жителей, кои шелковичные заведения создавать будут»⁴². Предлагаемые Гордлевским шаги соответствовали новому общегосударственному курсу, одним из выразителей которого являлся министр внутренних дел В. П. Кочубей. Министр по этому поводу писал:

«...малые фабрики, нежели большие, полезны государству. <...> Некоторое поощрение должно касаться тех заведений, кои основаны на обработке собственных наших первых произведений и кои наиболее для государства нужны»⁴³.

В первой четверти XIX века при поддержке государства в Крыму возник ряд предприятий, при этом темпы роста промышленности в регионе были ничтожны [14].

В области развития сельского хозяйства в проекте генерал-майора Гордлевского предлагались весьма оригинальные идеи. В отличие от большинства его современников, считавших необходимым в первую очередь развивать предгорные районы Крыма, он высказывался за переселение двух-трех тысяч семей на Чонгарский

полуостров, Арабатскую стрелку и по берегам Азовского и Черного морей от Перекопа до Козлова и от крепости Арабат до Керчи и Феодосии. Расселение на этих пространствах должно было позволить колонистам заниматься рыболовством, пока сельское хозяйство не начнет давать должную прибыль, а затем облегчит им сбыт товаров морскими путями⁴⁴.

Не обошел вниманием Гордлевский необходимость развития виноградарства и виноделия. Он прекрасно осознавал, что для этих целей нужно приглашать иностранных специалистов:

«...для порядочного винограда содержания и виноделия, для чего выделить суммы из капиталов вольного экономического общества. За эти средства пригласить виноградарей и бочаров. Чрез несколько лет многочисленное количество крымских вин появится»⁴⁵.

Особого попечения, по его мнению, требовали крымские леса, «кои порядочно содержать нужно и тогда на все мелкие постройки для местных обитателей изобильными леса станут»⁴⁶. Для развития животноводства и усовершенствования коневодства он предлагал завести на полуостров как минимум двадцать жеребцов «хороших пород», и тогда «в изобилии местные хорошие лошади появятся как для жителей, так и для кавалерийских полков»⁴⁷. Кроме того, следовало начать разведение на полуострове ангорских коз и испанских баранов, которые давали бы шерсть для изготовления обмундирования солдатам, матросам и офицерам. Благодаря этому не пришлось бы тратить значительные средства на доставку экипировки армии. В области хозяйственного развития предложения генерал-майора Гордлевского представляются весьма поверхностными, в них не учитывалась местная специфика.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, рассмотренные проекты являются важными историческими источниками, отражающими различные аспекты развития региона. С одной стороны, их составители преследовали сугубо личные цели – в случае одобрения поданных на рассмотрение императора документов их авторы могли получить не только монаршее благоволение, но и поучаствовать в реализации выдвинутых ими инициатив, что сулило финансовые выгоды. С другой – данные проекты являются своеобразным обращением местных элит к Александру I и приближенным к нему чиновникам. Н. Анастасьев и генерал-майор Гордлевский обратили внимание не те проблемы, которые беспокоили нарождающееся в Тавриде сословие христиан-землевладельцев. Основной посыл проектов – стремление ини-

цировать широкомасштабные преобразования в крае. Центральные власти, в свою очередь, вступив в диалог с местными элитами, получили информацию о состоянии края в обход местного чиновничества, а также ряд идей по освоению региона, которые нашли практическую реализацию. Тем не менее данные проекты грешат теми же недостатками, что и другие подобные документы. Их авторы гиперболизировали преимущества полуострова и возможные выгоды. При этом часто не принимались во внимание трудности, с которыми пришлось бы столкнуться при реализации изложенного на бумаге. Даже в тех

ситуациях, когда государство выделяло необходимые средства, как, например, при создании Крымского виноградно-училища в Судаке или овцеводческих хозяйств французского негоданта Вильгельмином Рувье, задуманное сложно было реализовать в полной мере. Этому препятствовали незнание климатических условий края, слабое развитие логистики, земельные конфликты, которые могли послужить причиной конфискации имущества, и т. д. Кроме того, в казне не хватало денег для реализации масштабных программ – государство стояло на пороге крупных военных кампаний начала XIX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1341. Оп. 1. Д. 218. Л. 1–4.
- ² РГИА. Ф. 1307. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–3.
- ³ РГИА. Ф. 1374. Оп. 4. Д. 305.
- ⁴ Габлиц К. И. Физическое описание Таврической области, по ея местоположению и по всем трем царствам природы. СПб.: Имп. типография у Ивана Вейтбрехта, 1785. 200 с.
- ⁵ Зуев В. Ф. Выписка из путешественных записок Василия Зуева, касающихся до полуострова Крыма, 1782 года // Собрание сочинений, выбранных из Месяцесловов на разные годы. СПб.: Императорская Академия наук, 1790. Ч. 5. С. 265–303; Он же. О российской торговле по Черному морю // Месяцеслов исторический и географический на 1784 год. СПб.: Императорская Академия наук, [1783]. С. 9–33.
- ⁶ Паллас П. С. Краткое физическое и топографическое описание Таврической области / Пер. Ив. Рижского. СПб.: Императ. типография, 1795. 72 с.
- ⁷ РГИА. Ф. 1307. Оп. 1. Д. 17. Л. 4.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. Л. 5.
- ¹⁰ Там же. Л. 4.
- ¹¹ Там же. Л. 5.
- ¹² Там же.
- ¹³ РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 218. Л. 12–13.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 1307. Оп. 1. Д. 17. Л. 8 об.–9.
- ¹⁵ Там же. Л. 8.
- ¹⁶ Средневековое название Пелопонесского полуострова.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 1307. Оп. 1. Д. 17. Л. 8 об.
- ¹⁸ Род поселенных войск, основной задачей которых была охрана границ.
- ¹⁹ Лашков Ф. Ф. Исторический очерк крымскотатарского землевладения: продолжение // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1896. № 24. С. 65.
- ²⁰ Там же. С. 70–71.
- ²¹ РГИА. Ф. 1374. Оп. 4. Д. 305. Л. 1.
- ²² Там же. Л. 1 об.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Рябинин Д. Д. Биография графа С. Р. Воронцова: глава II (1785–1796) // Русский архив. 1879. Т. 38. Ч. 2. С. 185.
- ²⁵ Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗРИ): Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года: В 48 т. СПб.: Тип. П Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 28. С. 137–140.
- ²⁶ Там же. С. 154–155.
- ²⁷ Там же. С. 177.
- ²⁸ Там же. С. 139.
- ²⁹ Там же. С. 177.
- ³⁰ Миллер П. И. Торговля и промышленность // Министерство финансов. 1802–1902: В 2 ч. Ч. 1. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1902. С. 126–153.
- ³¹ Золотая монета, которая чеканилась в Российской империи с перерывами с 1735 по 1867 год.
- ³² РГИА. Ф. 1307. Оп. 1. Д. 17. Л. 7.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же. Л. 8.
- ³⁵ Складское помещение в карантине.
- ³⁶ РГИА. Ф. 1307. Оп. 1. Д. 17. Л. 5 об.–6.
- ³⁷ Там же. Л. 6 об.
- ³⁸ Там же. Л. 8.

- ³⁹ Иконников В. С. Граф Н. С. Мордвинов: историческая монография, составленная по печатным и рукописным источникам. СПб.: Тип. и лит. А. Траншея, 1873. С. 47–49.
- ⁴⁰ ПСЗРИ. Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года: В 48 т. СПб.: Тип. П. Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 27. С. 596–597.
- ⁴¹ РГИА. Ф. 1374. Оп. 4. Д. 305. Л. 2.
- ⁴² Там же. Л. 2 об.
- ⁴³ [Кочубей В. П.] Записка графа Кочубея. Представлена Е. И. В. марта 27-го 1803 г. // Архив князя Воронцова. Кн. 11. М.: Тип. Грачева, 1877. С. 458–459.
- ⁴⁴ РГИА. Ф. 1374. Оп. 4. Д. 305. Л. 2 об.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Водарский Я. Е., Елисеева О. И., Кабузан В. М. Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков: (Численность, размещение, этнический состав). М.: ИРИ РАН, 2003. 130 с.
2. Головки Ю. И. Проекты развития черноморской торговли (последняя четверть XVIII – начало XIX в.) // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2014. № 17. С. 83–107.
3. Даль В. И. Лоб // Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. А. Н. Филиппова. М.: РИПОЛ классик, 2006. Т. 2: И–О. 784 с.
4. Дружинина Е. И. Северное Причерноморье в 1775–1800. М.: Изд-во Акад. наук ССР, 1959. 279 с.
5. Злотников М. Ф. Континентальная блокада и Россия. М.; Л.: Наука, 1966. 360 с.
6. Иванов Е., Коронелли Дж. Кто вы, капитан Анастасиев? // Коронель: Сборник избранных статей и исследований. М.: ТриолетЪ, 2015. С. 67–77.
7. История Крыма: В 2 т. / Отв. ред. А. В. Юрасов. М.: Кучково поле, 2018. Т. 2. 792 с.
8. Конкин Д. В. Российские помещики в Крыму (конец XVIII – начало XIX вв.): новые люди со старыми взглядами // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2018. № 23. С. 756–768.
9. Конкин Д. В. «Экономика и жизнь»: хозяйственная и торговая практика в Крыму в первые десятилетия после присоединения к Российской империи // Боспорские исследования. 2018. № 37. С. 166–186.
10. Кравчук А. С. Вильгельмин (Гильом) Рувье и его проект развития Крыма // Пространство и время. 2017. Т. 14. Вып. 1: Крымоведение: пространство и время Крыма [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://j-spacetime.com/actual%20content/t14v1/PDF/2227-9490e-aprov_e-ast14-1.2017.23.pdf (дата обращения 09.04.2020).
11. Кравчук А. С. К истории Крымского виноградного училища (1804–1841) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Сер. Исторические науки. 2018. Т. 4 (70). № 1. С. 20–32.
12. Лобас Е. В., Савченко М. М. Внешнеторговая и таможенная политика Российской империи начала XIX в. М.: РИО Российской таможенной академии, 2017. 182 с.
13. Мионов Б. Н. Российская империя от традиции к модерну: В 3 т. Т. 2. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. 912 с.
14. Непомнящий А. А., Кравчук А. С. Крым в начале преобразований: на обочине Империи // Крым: проблемы истории: Сб. статей / Отв. ред. А. В. Юрасов. М.: Индрик, 2016. С. 142–155.
15. Пенской В. В. Украинский ландмилицкий корпус в XVIII веке // Вопросы истории. 2000. № 10. С. 147–153.

Поступила в редакцию 13.04.2020

Alexander S. Kravchuk, PhD in History, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation)
alexkravchuk7@gmail.com

CRIMEA IN THE PROJECTS OF COLLEGIATE COUNCILOR N. ANASTASIEV AND MAJOR GENERAL GORDLEVSKY

This article reconstructs two previously unknown projects for the Crimea development drafted by Collegiate Councilor N. Anastasiev and Major General Gordlevsky, which were discovered in the Russian State Historical Archive. This documents were submitted to the Committee on the Novorossiia Province Development and were reviewed by N. N. Novosiltsev, one of the closest associates of Alexander I. The information contained in the papers illustrates the state of affairs in the region and mentions the most painful problems of local administration. The studied projects reflected their authors' vision of the Crimean Peninsula development, as well as general attitudes and approaches of the time. The authors paid most attention to the settlement of the peninsula, reduction of customs duties, and economic development. They described the advantages of the region, but did not say anything about the disadvantages of farming

there. In addition, Collegiate Councilor N. Anastasiev and Major General Gordlevsky planned to have their projects implemented at the expense of the Treasury, which was very unlikely under the circumstances of the early XIX century, because the Russian Empire was fighting several wars. Despite all the difficulties, some of the proposals were soon implemented.

Keywords: Novorossiia, Taurida Province, Taurida, Crimea, Committee of the Novorossiia Province Development, N. N. Novosiltsev, N. Anastasiev, Major General Gordlevsky

Cite this article as: Kravchuk A. S. Crimea in the projects of Collegiate Councilor N. Anastasiev and Major General Gordlevsky. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 8. P. 54–61. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.550

REFERENCES

1. Vodarskiy Ya. E., Eliseeva O. I., Kabuzan V. M. Population of the Crimea in the late XVIII – late XX centuries: size, location, ethnic composition. Moscow, 2003. 130 p. (In Russ.)
2. Golovko Yu. I. The projects of development of the Black Sea commerce (the last quarter of 18th – beginning of 19th centuries). *Proceedings of Petersburg State University Faculty of History*. 2014. No 17. P. 83–107. (In Russ.)
3. Dal' V. I. Lob (forehead). *The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*. Moscow, 2006. Vol. 2: И–О. 784 p. (In Russ.)
4. Druzhinina E. I. The northern Black Sea region in 1775–1800. Moscow, 1959. 279 p. (In Russ.)
5. Zlotnikov M. F. Continental blockade of Russia. Moscow, Leningrad, 1966. 360 p. (In Russ.)
6. Ivanov E., Koronelli J. Who are you, captain Anastasiev? *Koronel: Collection of selected articles and research papers*. Moscow, 2015. P. 67–77. (In Russ.)
7. The history of Crimea: In 2 vols. (A. V. Yurasov, Ed.). Moscow, 2018. Vol. 2. 792 p. (In Russ.)
8. Konkin D. V. Russian landowners in the Crimea (late eighteenth and early nineteenth century): new persons sharing old views. *Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria*. 2018. No 23. P. 756–768. (In Russ.)
9. Konkin D. V. “Economics and life”: industrial and trading practices in the Crimea during the first decades after its reunification with Russia. *Bosporos Studies*. 2018. No 37. P. 166–186. (In Russ.)
10. Kravchuk A. S. Guillaume Rouvier and his project for development of the Crimea. *Space and Time*. 2017. Vol. 14. Issue 1: Crimean Regional Studies: Space and Time of Crimea. Available at: http://j-spacetime.com/actual%20content/t14v1/PDF/2227-9490e-aprov_r_e-ast14-1.2017.23.pdf (accessed 9.04.2020). (In Russ.)
11. Kravchuk A. S. From the history of Crimean grape school (1804–1841). *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical Sciences*. 2018. Vol. 4 (70). No 1. P. 20–32. (In Russ.)
12. Lobas E. V., Savchenko M. M. Foreign trade and customs policy of the Russian Empire at the beginning of the XIX century. Moscow, 2017. 182 p. (In Russ.)
13. Mironov B. N. Russian Empire: from tradition to modern: In 3 vols. Vol. 2. St. Petersburg, 2015. 912 p. (In Russ.)
14. Nepomnyashchiy A. A., Kravchuk A. S. Crimea at the beginning of transformations: on the sidelines of the Empire. *Crimea: problems of history: Collection of articles*. (A. V. Yurasov, Ed.). Moscow, 2016. P. 142–155. (In Russ.)
15. Penskoj V. V. Ukrainian land militia regiments in the XVIII century. *Voprosy istorii*. 2000. No 10. P. 147–153. (In Russ.)

Received: 13 April, 2020

АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ КРИВОНОЖЕНКО

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник
Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение на-
уки Федеральный исследовательский центр «Карельский
научный центр Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)
krivfed@yandex.ru

БЕЖЕНЦЫ В КАРЕЛИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

В XX веке этническая ситуация в Карелии неоднократно подвергалась изменению в результате внутренней и внешней миграции. Первым существенным притоком иноэтничного населения в край стало прибытие летом – осенью 1915 года беженцев из оккупированных неприятелем западных губерний. Переселенческие практики советского времени и внутренняя миграция в Карелию в 1990-х годах нашли отражение в научной литературе. В то же время пребывание беженцев на территории Карелии во время Первой мировой войны является малоизученной научной проблемой, что определяет ее новизну. Архивные и опубликованные источники проанализированы в статье посредством как общеисторических, так и статистических методов. Установлено, что численность беженцев в Карелии не превышала 550 человек, что составляло 0,1 % от численности населения края накануне войны. Несмотря на разнообразное этническое происхождение переселенцев, они не могли повлиять на национально-религиозный состав населения Карелии. Кроме того, в силу ряда факторов беженцы не внесли видимого вклада в экономику региона, хотя местные земства выступали за более активное участие переселенцев в хозяйственной жизни Карелии.

Ключевые слова: беженцы, Первая мировая война, Карелия, крестьянство, Кемский уезд, Олонецкая губерния

Для цитирования: Кривоноженко А. Ф. Беженцы в Карелии во время Первой мировой войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 8. С. 62–71. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.551

ВВЕДЕНИЕ

Изучение проблемы беженства в России во время Первой мировой войны является заметным направлением в отечественной историографии. Подробный анализ работ на эту тему представлен в статье Н. В. Суржиковой, Н. А. Михалева и С. А. Пьянкова [9]. Анализу отечественной и зарубежной историографии изучаемой проблемы посвящена статья И. Б. Беловой [2].

Одной из главных характеристик отечественной историографии беженства в России в период Первой мировой войны является ее ориентирование на региональный ракурс изучения [9: 140]. Основное внимание при этом уделяется регионам, присутствие беженцев в которых было наиболее ощутимым. Однако нет специальных исследований, посвященных положению беженцев на территории Олонецкой губернии и Кемского уезда Архангельской губернии во время Первой мировой войны. В нескольких работах эта проблема затронута в контексте анализа социально-экономического положения Олонецкой губернии в период войны. Это монография Е. Ю. Дубровской и Н. А. Кораблева «Карелия

в годы Первой мировой войны: 1914–1918» [3] и их совместная статья [6]. Об организации помощи беженцам в Олонецкой губернии речь идет в статье Е. С. Намятовой [7], а также еще в одной работе Н. А. Кораблева [5]. В соответствующей главе фундаментального труда «История Карелии с древнейших времен до наших дней» тема беженцев не отражена [4].

В отношении северной части современной Карелии, входившей в качестве Кемского уезда в состав Архангельской губернии, эта проблема не затрагивалась историками вообще. Наиболее близкой к этой теме стала обстоятельная монография Т. И. Трошиной «Великая война и Северный край: Европейский Север России в годы Первой мировой войны», в которой рассмотрению проблемы беженцев в регионе отведен отдельный параграф [10: 199–212]. Вместе с тем в фокусе внимания историка оказывается в основном ситуация в Архангельске, а также дается общая информация по Архангельской губернии.

Таким образом, результат анализа имеющихся работ говорит о том, что проблема беженства в Карелии в период Первой мировой войны раз-

работана в историографии слабо. Цель данной статьи заключается в ликвидации этого пробела. Для ее достижения необходимо решить несколько задач: во-первых, изучить порядок организации в Карелии различных видов помощи беженцам; во-вторых, установить их численность, национальный состав и районы проживания до войны; в-третьих, выяснить, насколько сильным было этнокультурное и экономическое влияние появления беженцев в Карелии.

Источниковую базу исследования составили документы Национального архива Республики Карелия (далее – НАРК) и Государственного архива Архангельской области (далее – ГААО). Некоторые архивные документы были опубликованы в сборнике «Карелия в годы Первой мировой войны»¹. Немногочисленной группой источников являются материалы местных периодических изданий.

Хронологические рамки исследования – 1915–1917 годы. Географические рамки охватывают территорию Кемского уезда Архангельской губернии, а также Олонецкую губернию. Ввиду отсутствия у нас данных поуездной статистики, мы вынуждены использовать все сведения, касающиеся пребывания беженцев в Олонецкой губернии.

РУКОВОДСТВО ОРГАНИЗАЦИЕЙ ПОМОЩИ БЕЖЕНЦАМ

Общая координация работы по устройству беженцев в Олонецкой губернии была возложена на губернатора М. И. Зубовского. Согласно закону «Об обеспечении нужд беженцев» от 30 августа 1915 года², он возглавлял специально созданный на уровне губернии орган для выработки и принятия решений по признанию беженцев – губернское совещание³. М. И. Зубовский вплоть до конца своего губернаторства в ноябре 1916 года последовательно сообщал центральным властям о том, что губерния не в состоянии принять значительное число переселенцев. Свое мнение чиновник подкреплял сведениями о тяжелом продовольственном кризисе в Карелии, который усугублялся нахождением на ее территории десятков тысяч вольнонаемных и военнопленных, строивших железную дорогу⁴. Кроме того, М. И. Зубовский указывал на недостаточную площадь пахотных земель для выделения наделов новым хозяйствам. Наконец, труднодоступность Карелии из-за отсутствия железной дороги делала организацию массового прибытия беженцев затратной⁵.

В Олонецкой губернии к обеспечению беженцев необходимой помощью активно подключились земство и городские самоуправления, кото-

рые объединили свои ресурсы и усилия⁶. К этому времени петрозаводский городской комитет Всероссийского Союза городов уже накопил большой опыт организационной работы такого рода благодаря решению проблем, связанных с принятием и размещением в Олонецкой губернии раненых с фронта [5: 132]. В конце августа 1915 года этот комитет организовал сбор средств и вещей в пользу беженцев, к массовому прибытию которых готовилось городское самоуправление. Поскольку основным средством сообщения Карелии с остальной страной к началу XX века оставался водный транспорт, предполагалось, что беженцы будут поступать в Олонецкую губернию пароходами из Петрограда. В связи с этим одним из мест их размещения в Петрозаводске предполагалось сделать помещение спасательной станции на берегу Онежского озера. Для этих же целей планировалось использовать здание не работавшего уже год пивоваренного завода. Среди других важных мер были организация детских приютов, открытие «Бюро труда», содействие в оказании медицинской помощи, а также организация при городской управе справочного бюро для розыска потерявшихся, которое одновременно осуществляло регистрацию беженцев [5: 382], [7: 132].

В целом олонекое земство и городские самоуправления признавали, что полностью осуществить все запланированные мероприятия не удалось из-за оторванности Петрозаводска (как и всего карельского края) от «культурных центров»⁷. Кроме того, земства не имели полной свободы оперативных действий в вопросе признания беженцев. Закон «Об обеспечении нужд беженцев» подразумевал согласование их деятельности в этом направлении с местным губернатором [1: 25]. Финансирование деятельности земств шло по составленным губернскими управами сметам, которые рассматривались губернским совещанием. Таким образом, земские и городские органы самоуправления по своему функционалу обладали необходимым опытом и техническими возможностями успешно организовать размещение беженцев и активно инкорпорировать их в местную экономику. Однако эффективность этой работы напрямую зависела от финансовой поддержки государства и ослабления административного контроля.

«Татьянинский комитет»⁸ (далее – Комитет) также участвовал в обеспечении беженцев в Карелии. Эта благотворительная организация пользовалась поддержкой императорской фамилии. Не случайно в Олонецкой губернии председателем губернского совета по сбору пожертвований

для Комитета был вице-губернатор А. Ф. Шидловский⁹. Во многих губерниях земские деятели крайне сдержанно оценивали работу Комитета, болезненно реагируя на любые попытки Министерства внутренних дел передать трудовые ресурсы земств под руководство Комитета¹⁰. На материалах Карелии этого противостояния не прослеживается. На наш взгляд, отсутствие таких противоречий связано с малочисленностью беженцев.

ЧИСЛЕННОСТЬ, НАЦИОНАЛЬНЫЙ И ПОЛОВОЗРАСТНОЙ СОСТАВ БЕЖЕНЦЕВ

Несмотря на то что численность беженцев в регионе была невысокой, существуют определенные трудности с подсчетом их общего числа. Сложность учета была вызвана прежде всего тем, что значительное число беженцев, прибывающих в Карелию, работало на строительстве Мурманской железной дороги. Развернувшаяся стройка находилась вне ведения администраций Олонецкой и Архангельской губерний, а потому губернаторы доподлинно не обладали информацией о численности этой категории беженцев. Запрашиваемая у соответствующих подразделений Строительного управления Мурманской железной дороги статистическая информация поступала не оперативно¹¹. Также не всегда понятно, учитывались ли запрошенные со строительства железной дороги сведения о числе беженцев при подготовке ответов на запросы Министерства внутренних дел. В ряде случаев это оговаривалось особо. Так, М. И. Zubовский сообщал в апреле 1916 года, что на территории Олонецкой губернии находятся 400 беженцев, однако, сколько при этом работает на полосе отчуждения строящейся железной дороги, ему не известно¹². Из этой оговорки можно сделать вывод, что все другие имеющиеся сведения о численности вынужденных переселенцев в губернии (приводимые цифры были меньше 400) представлялись также без учета сведений о работающих на стройке. В то же время можно предположить, что в имеющейся поуездной статистике по Архангельской губернии учтены и беженцы, работающие на сооружении железной дороги. Это предположение основано на анализе числа зафиксированных беженцев в Александровском уезде, который занимал территорию Кольского полуострова. Здесь к началу февраля 1916 года числилось 153 беженца. В то время как на территории Мезенского и Печерского уездов, природные условия в некоторых волостях которых позволяли, в отличие от Александровского уезда, ограниченно заниматься сельским хозяйством, не было ни одного. Сопоставляя эти данные, можно

прийти к выводу, что в поуездной статистике количества беженцев в Архангельской губернии, в том числе и по Кемскому уезду, были учтены данные со строящейся железной дороги.

Другой проблемой в установлении численности беженцев в Карелии является состояние источников. Сведения собирались нерегулярно и, видимо, лишь по запросу центральных органов. Отсутствие регулярно составляемой статистической картины можно объяснить немногочисленностью беженцев. Сами данные, особенно по Олонецкой губернии, в документах зачастую носят приблизительный характер, о чем свидетельствуют формулировки «человек 50» или вопросительные знаки рядом с числом. Такую неточность в целом ряде случаев можно объяснить отсутствием у губернской администрации актуальной информации.

Наконец, источниковая база не позволяет проследить за динамикой изменения количества вынужденных переселенцев в рамках всего региона. Данные, которыми мы располагаем по Кемскому уезду, хронологически не совпадают с немногочисленными сведениями, имеющимися по Олонецкой губернии.

Первые беженцы начали появляться в Карелии в конце июля 1915 года. 23 июля из Петрограда в Петрозаводск прибыли несколько семей с детьми, которые бежали из Гродненской губернии. В местной печати этот приезд назвали «первыми ласточками суровой действительности», ожидая массового появления беженцев¹³. Как и светские власти губернии, духовенство готовилось к принятию большого количества «духовных беженцев». В одном только Александро-Свирском монастыре планировалось разместить 100 семей. Всего же в монастырях, церковно-приходских школах, а также зданиях, принадлежащих духовенству в Петрозаводске, планировалось принять до 140 семей священников из западных губерний¹⁴.

На протяжении второй половины 1915 года численность беженцев в Карелии действительно росла, но не так активно, как предполагалось. По сообщению олонецкого губернатора, 8 сентября в пределах губернии находилось около 50 человек¹⁵. К концу декабря, когда губернии предоставляли сведения в Комитет для составления общеимперской статистической картины беженства, в губернии насчитывалось 328 переселенцев [7: 132]. Таким образом, их количество за 4 месяца выросло в 6,5 раза, но в абсолютном выражении оно было не столь большим, как к тому готовились власти. В начале 1916 года

число переселенцев в Олонецкой губернии стабилизировалось и далее варьировалось от 400¹⁶ человек, зафиксированных 26 апреля 1916 года, до 277 человек на 9 сентября этого же года¹⁷.

В Кемском уезде Архангельской губернии к 27 декабря 1915 года числилось 9 беженцев, однако в их число не вошли те, которые уже прибыли на работы по постройке железной дороги. Было лишь известно, что к началу 1916 года на одном из участков прокладываемой в пределах Кемского уезда дистанции пути работали 54 мужчины-беженца¹⁸. К концу января 1916 года власти все еще не располагали сведениями о количестве переселенцев, работающих на постройке железной дороги. Количество не участвующих в этих работах увеличилось и составило уже 18 человек. Наконец, всего через неделю, 5 февраля 1916 года, кемский уездный исправник Голенищев отправил архангельскому губернатору С. Д. Бибикову обновленные и значительно увеличившиеся цифры – 135 человек¹⁹. Такой резкий рост численности в течение нескольких дней можно объяснить лишь тем, что до исправника дошли запрашиваемые сведения со всех участков строящейся железной дороги на территории уезда. На этом количество беженцев стабилизировалось и составляло от 160 человек к 1 мая 1916 года (из них только 14 проживали в Кемии) до 155 человек осенью 1916 года²⁰.

Таким образом, суммарная численность беженцев в Олонецкой губернии и Кемском уезде составляла 500–550 человек, то есть 0,1 % от населения этой территории в 1913 году.

В половозрастном составе беженцев в Карелии отмечались разные тенденции. Если в Кемском уезде было зафиксировано лишь двое детей в возрасте до 15 лет (2 % от численности всех беженцев уезда), то в пределах Олонецкой губернии детей насчитывалось 145 (43 %). Аналогичная ситуация сложилась и с женщинами. В Кемском уезде их было лишь 9 (6 %), а в Олонецкой губернии – 123 (37 %). Ситуация с беженцами мужского пола в северной Карелии отличалась от таковой в южной Карелии. В Кемском уезде 92 % беженцев были мужского пола и почти все (за исключением одного мальчика) – работоспособного возраста. В Олонецкой губернии мужчин было лишь 20 % от численности всех беженцев²¹. Такой половозрастной состав свидетельствует о том, что в Олонецкую губернию в эвакуацию отправлялись в основном женщины с детьми. В то же время в Северную Карелию прибывали беженцы-мужчины трудоспособного возраста без семей. Их главная цель заключалась в заработках

на строящейся железной дороге. В пределах Олонецкой губернии также находилось некоторое количество переселенцев, устроившихся на эту стройку, но об этом можно судить лишь по косвенным свидетельствам²².

Во время войны в Карелии были зарегистрированы беженцы из 16 губерний России, а также из Галиции. Среди них – все губернии Северо-Западного края, шесть губерний Царства Польского (Варшавская, Люблинская, Сувалкская, Холмская, Калишская, Келецкая), две из трех Остзейских губерний (Курляндская и Лифляндская), а также Волынская и Херсонская губернии. Представителей многих губерний из этого списка были единицы: например, зафиксировано лишь по два человека из Калишской, Могилевской и Сувалкской губерний, по одному из Люблинской, Келецкой и Херсонской губерний. На рис. 1 представлена информация о тех губерниях, из которых в Карелию прибыло наибольшее число беженцев.

Значительная часть беженцев прибыла в Карелию из Гродненской губернии. Затем идут Ковенская и Витебская губернии. Статистика также фиксирует заметное присутствие в Кемском уезде выходцев из Виленской губернии. Наконец, среди польских губерний наибольшее количество беженцев прибыло в Карелию из Холмской губернии.

Перед анализом этнического состава вынужденных переселенцев, прибывших в край, необходимо в общих чертах охарактеризовать существовавшую в начале XX века в Карелии этно-конфессиональную картину. Поуездная статистика, которая ложилась в основу ежегодных обзоров губерний, является важным, но недостаточно емким источником. Мы используем ее как дополнение к материалам всероссийской переписи населения 1897 года. В Олонецкой губернии численно преобладали русские (78,2 %) и карелы (16,3 %). В Кемском уезде доля карелов была выше (54,4 %), чем русских (45 %). Помимо этих народов, на исследуемой территории проживали вепсы, а также некоторое количество финнов. С учетом этих народов суммарный удельный вес русских, карелов, вепсов и финнов как в Олонецкой губернии, так и в Кемском уезде стремился к 100 %. Доля представителей других национальностей составляла в крае лишь 0,2–0,4 % [8: 18]. Так, украинцев насчитывалось 63 человека, белорусов – 42 (при этом в Кемском уезде – лишь один украинец и ни одного белоруса). Литовцев и латышей в общей сложности – лишь 32 человека. На этом фоне несколько большей была численность поляков – 308 и евреев – 438 человек²³. Почти все они жили в Олонецкой губернии.

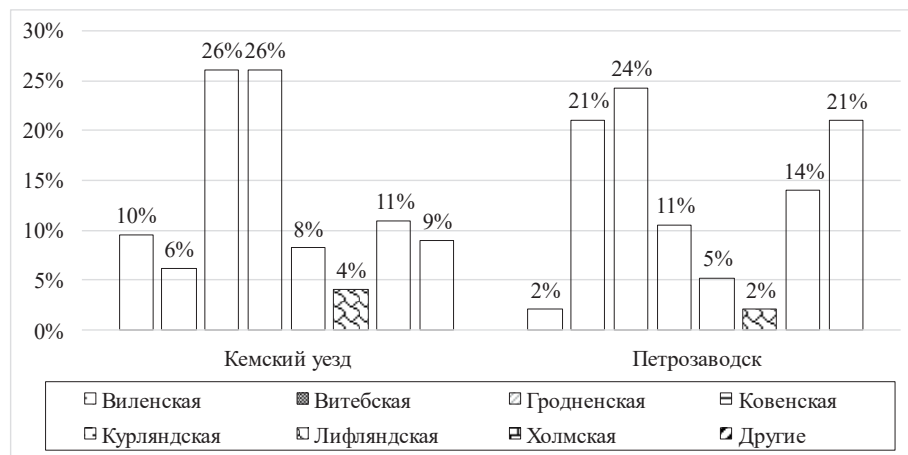

Рис. 1. Распределение беженцев по месту жительства до войны
Figure 1. Distribution of refugees by place of residence before the war

Конфессиональная принадлежность местного населения отличалась еще большей однородностью. Так, в 1897 году 98,3 % населения причисляли себя к православным и 0,8 % к старообрядцам. Аналогичная ситуация сложилась и в Кемском уезде, но здесь гораздо больше людей принадлежало к старообрядцам – 6,32 %, а 93,2 % были приверженцами официального православия. Католики и лютеране были крайне немногочисленны и проживали в основном в городах. Доля первых варьировалась от 0,1 % в Олонецкой губернии до 0,03 % в Кемском уезде. Численность лютеран была несколько больше за счет финнов: 0,7 % в Олонецкой губернии и 0,36 % в Кемском уезде Архангельской губернии²⁴.

Все губернии, из которых в Карелию приехали беженцы, к Первой мировой войне являлись

густонаселенными территориями с многонациональным и многоконфессиональным населением. Анализ национального состава беженцев в Карелии представлен на рис. 2 (использованы сведения по Кемскому уезду на 1 мая 1916 года и по Олонецкой губернии на 1 января 1916 года). Эти документы – самые хронологически близкие из тех, где содержится информация о национальности вынужденных переселенцев. Для сравнения представлены сведения по Петрозаводску (мы располагаем данными лишь за 1917 год).

Прежде всего нужно отметить, что под термином «русские» в дореволюционной традиции подразумевались не только русские, но также белорусы и украинцы. В дальнейшем мы будем использовать это обобщающее для нескольких этносов название.

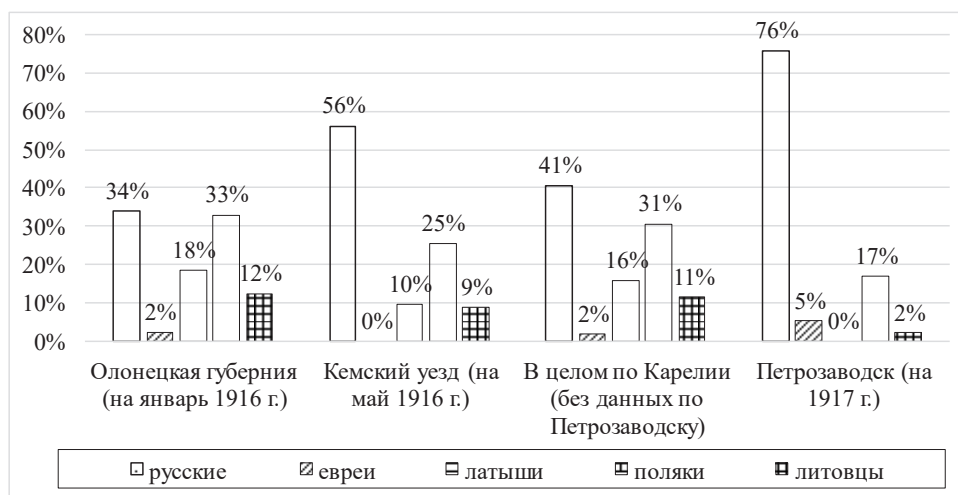

Рис. 2. Распределение беженцев по национальному составу
Figure 2. Distribution of refugees by ethnic origin

Национальный состав беженцев в Карелии определялся этнической картиной тех территорий, которые были оккупированы врагом в 1915 году. Все четыре диаграммы указывают на преобладание русских в национальной структуре беженства. На наш взгляд, речь идет в первую очередь о белорусах, которые численно или преобладали, или являлись одним из доминирующих этносов в таких губерниях, как Виленская, Гродненская и Витебская²⁵. Согласно рис. 1, численность в Карелии беженцев из этих губерний была существенной. Меньше среди переселенцев, записанных в качестве русских, было украинцев, которые составляли до четверти довоенного населения Гродненской и Холмской губерний. Удельный вес собственно русских в категории «русские» не мог быть высоким, поскольку численность русскоязычного населения на оккупированных территориях была несравненно меньше численности белорусов и украинцев. Второй по численности этнической группой являлись поляки, которые проживали не только в польских губерниях, но также играли заметную роль в формировании этнической картины в Северо-Западном крае. Польские и северо-западные губернии были одними из главных центров проживания еврейского населения в России. В большинстве губерний, отмеченных на рис. 1, доля евреев превышала 10 % от численности местного населения. В связи с этим статистика зафиксировала беженцев этой национальности в Карелии.

РАЗМЕЩЕНИЕ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЖЕНЦЕВ. ОТНОШЕНИЕ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ

Олонецкая губерния и Кемский уезд были отдаленными, труднодоступными территориями, с гораздо более суровым климатом и менее плодородными землями, чем в Польше и Белорусии. Тем не менее многие беженцы попадали сюда не только в поисках заработка на постройке железной дороги или по воле случая. Документы свидетельствуют о том, что женщины (с детьми или уже пожилого возраста), а в некоторых случаях и мужчины приезжали в Карелию к родственникам. При этом и сами родственники зачастую не являлись коренным населением: это были или рабочие на строительстве железной дороги, или политические ссыльные. Численность последних в Олонецкой губернии во время войны снизилась в сравнении с предшествующим десятилетием и составляла 150–170 человек [11: 121]. Например, из Волынской губернии прибыли две крестьянки с детьми для проезда к своим мужьям, высланным под надзор полиции в Повенецкий уезд Олонецкой губернии²⁶. 55-летний крестьянин

Сувалкской губернии С. О. Мочульский направлялся в октябре 1915 года в село Реболы, где он отбывал ссылку в 1900–1903 годах²⁷. Крестьянин Ковенской губернии Ф. Г. Рутковский прибыл с женой в Олонецкий уезд и проживал в доме родственника – местного земского фельдшера Шушкевича. Крестьянка Виленской губернии А. И. Сперова приехала с двумя детьми в родовой дом своего мужа – крестьянина Пудожского уезда С. Я. Сперова. В течение 15 лет до войны он работал каменщиком в Вильно, но с началом военных действий был мобилизован²⁸. О том, что большинство беженцев нашли приют в семьях родственников, указывал в своих отчетах и губернатор М. И. Зубовский²⁹.

В силу объективных причин (возраст, болезни, дети, отсутствие родственников) многие беженцы в первые месяцы после прибытия на новое место жительства находились в непростом финансовом положении. Женщины с детьми, чьи мужья были мобилизованы на фронт, имели небольшой, но стабильный источник дохода: они по-прежнему получали пособия на себя и детей³⁰. Разовую помощь в размере от 5 до 30 руб. выплачивали беженцам местные органы самоуправления. Однако денежный фонд на эти нужды был исчерпан уже в 1916 году, а круг получателей включал лишь 17 человек³¹. Другим источником пособий стал денежный фонд, который формировался из пожертвований жителей Олонецкой губернии. Фонд находился в оперативном управлении губернатора, а пособия из него выдавались адресно, после рассмотрения обращения.

В нашем распоряжении нет статистических данных относительно конфессионального состава беженцев. Однако то, что переселенцы прибыли из польских и северо-западных губерний, косвенно говорит о том, что среди них было значительное количество католиков. Отдельные свидетельства о беженцах-католиках встречаются и в архивных делах³². Несмотря на то что их общая численность не могла превышать несколько сотен человек, администрация Олонецкой губернии внимательно относилась к их религиозным нуждам. М. И. Зубовский обратился в 1916 году в Департамент духовных дел иностранных исповеданий о выделении пособия для капеллана по Олонецкой губернии Грасса, поскольку после прибытия беженцев-католиков количество его поездок резко увеличилось³³.

В источниках недостаточно сведений, которые могли бы пролить свет на отношение местных жителей к беженцам. Вице-губернатор А. Ф. Шидловский, обращаясь осенью 1915 года

к крестьянам, призывал жертвовать в их пользу одежду, обувь, средства из мирских капиталов и даже продавать дефицитный в Карелии хлеб³⁴. В отдельных случаях население оказывало адресную помощь семьям беженцев. Так, жители Няндомы собрали для 25-летней беженки П. С. Козорезовой с двумя малолетним детьми средства для проезда к брату в Кенозерскую волость³⁵. Жители края также жертвовали средства в указанный выше фонд, однако его размеры были малы. Общественная помощь переселенцам в Карелии была невелика. Это связано с тем, что их прибытие во второй половине 1915 года проходило уже не на фоне патриотического подъема, как в 1914 году, а на фоне нарастающего кризиса, вызванного затянувшейся войной. Кроме того, многие беженцы жили у родственников, а люди трудоспособного возраста старались самостоятельно найти средства к существованию. Учитывая малочисленность (особенно на фоне десятков тысяч военнопленных и наемных рабочих из других губерний и стран, которые работали во время войны в Карелии) беженцев и экономическую необременительность их проживания, местные сохраняли лояльное отношение к этой небольшой группе иноязычного и неправославного населения.

УЧАСТИЕ БЕЖЕНЦЕВ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ КАРЕЛИИ

В документах неоднократно указывается на то, что сразу же после прибытия в Карелию работоспособные беженцы старались найти себе заработок. Как уже было сказано, значительная часть мужчин устраивалась на работы по сооружению железной дороги.

Кемский уезд являлся одним из центров лесопильной промышленности. К началу XX века здесь работало несколько крупных лесозаводов. Некоторые из беженцев нашли рабочие места на них. Так, в селе Кереть работали две беженки-католички, получавшие жалование в размере 30 рублей каждая. На лесозаводе в Ковде работали три мужчины-беженца³⁶. В единичных случаях переселенцы получали место, аналогичное тому, на котором они работали до переезда. Прежде всего речь идет об эвакуированных с семьями служащих различных ведомств. Служащий лесничества из Курляндской губернии Н. А. Станишевский был эвакуирован вместе с семьей из Риги в июле 1915 года и работал в одном из лесничеств Олонецкой губернии, получая жалование в размере 1600 руб. в год³⁷. Однако этот случай был исключением. По мнению М. И. Зу-

бовского, работу в Карелии (кроме строительства железной дороги, на которую принимали физически крепких мужчин) могли бы найти себе лишь слесари, мастера, печники, кожевники и сапожники³⁸.

Использовать наемный труд беженцев планировалось на Александровском заводе. Для расширения его производственных мощностей в Петрограде в начале августа 1915 года планировалось завербовать до 100 человек, обладающих необходимой квалификацией³⁹. В нашем распоряжении нет свидетельств о том, сколько именно переселенцев было привлечено на работу на завод. Можно предположить, что это были единицы: во-первых, в Петрозаводске к 1917 году проживало только 95 беженцев; во-вторых, значительная часть квалифицированных рабочих с негосударственных предприятий была мобилизована в начале войны на фронт⁴⁰.

Государство создавало условия для участия беженцев в сельскохозяйственных работах на новом месте жительства. Для таких работ разрешалось формировать группы по возможности с однородным этнорелигиозным составом. Кроме того, в отличие от других видов заработка, работающие в сельском хозяйстве переселенцы сохраняли за собой казенный продовольственный паек и пособие на жилье⁴¹. Земства Олонецкой губернии возлагали на них большие надежды для преодоления кризиса рабочей силы в карельской деревне. По данным на 1917 год, 51,8 % крестьян работоспособного возраста в губернии были мобилизованы⁴². Часть мужчин ушли на заработки на строительство железной дороги. Стоимость наемного труда резко возросла. Того количества беженцев, которое находилось в Олонецкой губернии, не хватало для ликвидации дефицита рабочих рук в сельском хозяйстве. По мнению М. И. Зубовского, из 100 беженцев трудоспособного возраста лишь некоторые были готовы к полевым работам⁴³. Земство Каргопольского уезда весной 1916 года отправило губернатору несколько запросов с просьбой организовать доставку в уезд 24 жатвенных машин, а также приезд беженцев для сельскохозяйственных работ. Планировалось привлечь 250 мужчин и 250 женщин и подростков. При условии питания за счет работодателя работнику полагался 1 руб. в день для мужчин, 60 коп. для женщин и 30 коп. подросткам до 17 лет. Местный взрослый наемный работник получал на тех же условиях 1 руб. 33 коп. в день⁴⁴. В мае 1916 года губернатор передал первую часть просьбы в Министерство земледелия, но привлечение переселенцев посчитал

затруднительным «ввиду отдаленности этого уезда». М. И. Зубовский по-прежнему считал, что губерния не готова к приезду большого числа беженцев. По его мнению, собственных ресурсов, а также частичной механизации труда должно было хватить для полевых работ в 1916 году. Таким образом, участие беженцев в экономической жизни Карелии оказалось минимальным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ имеющихся источников позволяет говорить о том, что в Карелии, как и в других тыловых губерниях, помощь в организации приема и обеспечения беженцев осуществлялась одновременно с нескольких сторон. Прежде всего важную роль играли администрации губерний. Известную помощь оказывали «Татьянинский комитет», земства и городские самоуправления Олонецкой губернии. При этом, если во многих земских губерниях земства, Комитет и губернские администрации дублировали свои функции и даже конкурировали между собой, то на материалах Олонецкой губернии такие противоречия не были ярко выраженными, хотя и фиксировались. В частности, губернатор М. И. Зубовский последовательно выступал против прибытия новых партий беженцев, а земства настаивали на их привлечении для участия в сельскохозяйственных работах.

Непростой является задача определения численности переселенцев в Карелии во время войны. Согласно нашим подсчетам, их общее чис-

ло в Карелии (с учетом всех уездов Олонецкой губернии) не превышало 550 человек. По сравнению с центральными губерниями это количество было невелико. Несмотря на сравнительную малочисленность, среди беженцев были представители 16 губерний, а также Галиции. Наиболее многочисленными были группы из Гродненской, Ковенской и Витебской губерний. Большинство беженцев по национальности были белорусами, значительным было также число поляков, литовцев, латышей. Важно отметить, что до войны представители этих народов в Карелии почти не фиксировались (за исключением немногочисленной группы поляков). Благодаря малочисленности беженцев их присутствие не создавало межэтнических или межконфессиональных конфликтов с местным населением. Эта группа дополнительного для Карелии населения терялась на фоне многотысячного многонационального контингента строителей железной дороги. Аналогичный вывод сделан и об участии беженцев в экономике региона. Малочисленность, значительное количество женщин и детей, а также позиция губернской администрации затрудняли привлечение переселенцев к полевым работам.

За рамками задач статьи остается проблема эвакуации беженцев с территории Карелии, которая началась летом 1918 года. Во многом она тесно связана с организацией возвращения в свои страны военнопленных. Эти проблемы нужно решать комплексно в рамках отдельной статьи.

* Статья подготовлена в рамках выполнения плановой темы «Карелия в условиях мира и войны (от Средневековья до наших дней)». Номер госрегистрации: АААА-А18-118030190093-9.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Карелия в годы Первой мировой войны: Сборник документов и материалов. Петрозаводск, 2014. 494 с.

² Закон об обеспечении нужд беженцев // Сборник важнейших законоположений и распоряжений, действующих с 1 июля 1914 года по 1 января 1916 года, вызванных обстоятельствами военного времени. Пг., 1916. С. 494–498.

³ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 123/11. Л. 67.

⁴ НАРК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 18/732. Л. 26–26 об.

⁵ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 123/11. Л. 24.

⁶ Отчет Петрозаводского губернского комитета Всероссийского Союза городов с 3 мая по 1 ноября 1915 г. // Известия Общества Изучения Олонецкой губернии. 1916. Т. 7, № 1–2. С. 67.

⁷ Там же. С. 71.

⁸ Благотворительная организация под патронатом императорской фамилии, созданная для оказания помощи беженцам.

⁹ Обращение олонекского вице-губернатора А. Ф. Шидловского к крестьянам Олонецкой губернии об оказании помощи беженцам // Олонецкие епархиальные ведомости. 1915. № 28. С. 528.

¹⁰ Щепкин М. М. Беженцы и организация помощи им в связи с работами Особого совещания. [М.], 1916. С. 42.

¹¹ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 2675. Л. 318.

¹² НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 123/11. Л. 95.

¹³ Карелия в годы... С. 313.

¹⁴ Там же. С. 314.

- ¹⁵ Там же. С. 315.
- ¹⁶ Вероятно, это завышенное и округленное число. Об этом свидетельствует то, что уже через несколько дней в черновом варианте ответной телеграммы в МВД рядом с числом 400 стоял знак вопроса и указано «менее 300» (НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 123/11. Л. 95, 100). Вместе с тем, возможно, это предположительное число с учетом беженцев, работающих на сооружении железной дороги в пределах Олонецкой губернии.
- ¹⁷ Карелия в годы... С. 320.
- ¹⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 2675. Л. 289, 318.
- ¹⁹ Там же. Л. 392, 429.
- ²⁰ ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5. Д. 1478. Л. 195, 195 об.; Оп. 8. Т. 1. Д. 2684. Л. 35.
- ²¹ Там же. Оп. 4. Т. 5. Д. 1478. Л. 195 об.; Карелия в годы... С. 317.
- ²² НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 123/31. Л. 33.
- ²³ Первая всеобщая перепись Российской Империи 1897 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=0> (дата обращения 30.04.2020).
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ НАРК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 18/732. Л. 175.
- ²⁷ Там же. Л. 105.
- ²⁸ Там же. Л. 103.
- ²⁹ Карелия в годы... С. 317.
- ³⁰ НАРК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 18/732. Л. 103 об.
- ³¹ Карелия в годы... С. 320.
- ³² НАРК. Ф. 2. Оп. 15. Д. 34/516; ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 2675. Л. 329.
- ³³ Карелия в годы... С. 329.
- ³⁴ Обращение олонеккого вице-губернатора... С. 528.
- ³⁵ НАРК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 18/732. Л. 73.
- ³⁶ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 2675. Л. 329, 392.
- ³⁷ Карелия в годы... С. 319.
- ³⁸ НАРК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 18 / 732. Л. 26–26 об.
- ³⁹ Карелия в годы... С. 142.
- ⁴⁰ Головин Н. Н. Россия в Первой мировой войне. М., 2014. С. 137.
- ⁴¹ Руководящие положения по устройству беженцев. Пг., 1916. С. 9, 11.
- ⁴² Головин Н. Н. Россия в Первой мировой войне. С. 143.
- ⁴³ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 123/11. Л. 100.
- ⁴⁴ Там же. Л. 56 об., 81 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баженова К. Е. Деятельность организаций Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов Пермской губернии по оказанию помощи беженцам в годы Первой мировой войны // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 12. История. Вып. 45. С. 21–27.
2. Белова И. Б. Основные проблемы российского беженства 1915–1925 гг. в отечественной и зарубежной историографии // Вопросы истории. 2017. № 11. С. 156–164.
3. Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А. Карелия в годы Первой мировой войны: 1914–1918. СПб.: Нестор-История, 2017. 425 с.
4. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 944 с.
5. Кораблев Н. А. Общественное движение помощи фронту и жертвам боевых действий в Карелии в годы Первой мировой войны // Первая мировая война и Европейский Север России. Архангельск: САФУ, 2014. С. 377–385.
6. Кораблев Н. А., Дубровская Е. Ю. Влияние Первой мировой войны на социально-экономическую жизнь населения Карелии // Труды Карельского научного центра РАН. 2015. № 8. С. 28–38.
7. Намятова Е. С. Благотворители Олонецкой губернии в годы Первой мировой войны // Человек в истории: героическое и обыденное. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2012. С. 129–133.
8. Покровская И. П. Население Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1978. 192 с.
9. Суржикова Н. В., Михалев Н. А., Пьянков С. А. Российское беженство 1914–1922 годов в контекстах новейших отечественной и зарубежной историографии // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 3. С. 140–152.
10. Трошина Т. И. Великая война и Северный край: Европейский Север России в годы Первой мировой войны. Архангельск: САФУ, 2014. 344 с.
11. Шумилов М. И. За счастье народное. Петрозаводск: Карельское книжное издательство, 1967. 147 с.

Поступила в редакцию 21.05.2020

Alexander F. Krivonozhenko, PhD in History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russian Federation)
krivfed@yandex.ru

REFUGEES IN KARELIA DURING THE FIRST WORLD WAR*

In the twentieth century, the ethnic situation in Karelia repeatedly changed because of internal and external migration. The first significant influx of non-ethnic population into the region was the arrival of refugees from the enemy-occupied western provinces in the summer and autumn of 1915. Migration practices of the Soviet era and internal migration to Karelia in the 1990s were reflected in the research literature. At the same time, the presence of refugees in Karelia during the First World War is a little-studied issue, which determines the novelty of the article. The author analyzes archival and published sources using both general historical and statistical methods. It was established that the number of refugees in Karelia did not exceed 550 people, which was 0.1 % of the region's population on the eve of the war. Despite the diverse ethnic origin of the immigrants, they could not significantly affect the ethnic and religious composition of the population of Karelia. In addition, it was found that due to a number of factors the refugees did not make any visible contribution to the economy of the region, although local zemstvos wanted to see more active participation of migrants in the economic life of Karelia.

Keywords: refugees, World War I, Karelia, peasantry, Kem uезд, Olonets province

* The study was conducted as part of the project No AAAA-A18-118030190093-9 of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

Cite this article as: Krivonozhenko A. F. Refugees in Karelia during the First World War. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 8. P. 62–71. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.551

REFERENCES

1. Bazhenova K. E. Activities of the All-Russian Zemstvo Union and the All-Russian Union of the Perm Province Cities aimed at assisting refugees during the First World War. *Chelyabinsk State University Bulletin*. 2011. No 12. History Science. Issue 45. P. 21–27. (In Russ.)
2. Belova I. B. The main problems of Russian refugee 1915–1925 in domestic and foreign historiography. *Voprosy istorii*. 2017. No 11. P. 156–164. (In Russ.)
3. Dubrovskaya E. Yu., Korablev N. A. Karelia during the First World War. 1914–1918. St. Petersburg, 2017. 425 p. (In Russ.)
4. History of Karelia from ancient times to the present day. Petrozavodsk, 2001. 944 p. (In Russ.)
5. Korablev N. A. Public movement to help the front and victims of combat in Karelia during the First World War. *World War I and the European North of Russia*. Arkhangelsk, 2014. P. 377–385. (In Russ.)
6. Korablev N. A., Dubrovskaya E. Yu. The effects of World War I on socioeconomic life of the population of Karelia. *Proceedings of Karelian Research Centre of the Russian Academy of Science*. 2015. No 8. P. 28–38. (In Russ.)
7. Namyatova E. S. Philanthropists of Olonets province during the First World War. *People in history: the heroic and the ordinary*. Petrozavodsk, 2012. P. 129–133. (In Russ.)
8. Pokrovskaya I. P. Population of Karelia. Petrozavodsk, 1978. 192 p. (In Russ.)
9. Surzhikova N. V., Mikhalev N. A., P'yankov S. A. Russian refugeedom of 1914–1922 in the contexts of the latest native and foreign historiographies. *Perm University Herald. History*. 2012. Issue 3. P. 140–152. (In Russ.)
10. Troshina T. I. Great war and northern region. European North of Russia during the First World War. Arkhangelsk, 2014. 344 p. (In Russ.)
11. Shumilov M. I. For the happiness of people. Petrozavodsk, 1967. 147 p. (In Russ.)

Received: 21 May, 2020

ИРИНА ВИКТОРОВНА ШОРОХОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

ivikshor@yandex.ru

ВАЛЕНТИНА ВЛАДИМИРОВНА ВОЛОХОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

vavolokhova@yandex.ru

СОВЕТСКИЙ ЮБИЛЕЙ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ

(на примере празднования годовщин государственности Карелии)

Юбилеи государственности Карелии рассматриваются как информационный повод для появления целой серии публикаций по истории края на страницах главной республиканской газеты «Ленинская правда». Подготовка к праздничным торжествам позволяла местным властям на страницах печатных СМИ воспроизводить образ прошлого, являвшийся обоснованием легитимности существующей власти. Через репрезентацию прошлого в юбилейных публикациях история государственности Карелии в 1940–1980-е годы была «вписана» в историческую традицию становления и развития Советского государства. Кризис взаимоотношений республики и союзного центра в 1990-е годы, экономические трудности и нарастающие национальные противоречия привели к попыткам использования властями Карелии прошлого для обоснования нового политического курса.

Ключевые слова: политика памяти, праздничная культура, советские массовые праздники, культурная память, история Карелии, коммеморация исторического события

Для цитирования: Шорохова И. В., Волохова В. В. Советский юбилей как инструмент политики памяти (на примере празднования годовщин государственности Карелии) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 8. С. 72–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.552

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня практически общепринятым является утверждение о коллективной памяти как о социальном конструкте [23: 64]. Коллективные представления о прошлом формируются под воздействием многих факторов, среди которых важную роль играет деятельность политических элит, направленная на использование представлений о прошлом для решения современных задач. Память, таким образом, не является чем-то застывшим, она «не размещена в определенном месте или полностью содержится в ком-то; вместо этого она реализует себя через ее применение» [29].

В науке существует разнообразный арсенал терминов, описывающих использование различных форм понимания прошлого. Характеризуя деятельность политических элит, конструирующих образ прошлого, можно говорить о политике памяти. Политолог О. Ю. Малинова предлагает понимать под политикой памяти

коллективному прошлому и формированию поддерживающих их культурной инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях – еще и законодательного регулирования» [16: 291].

Продвигая или поддерживая определенные интерпретации коллективного прошлого, политические элиты стремятся легитимировать собственную власть, оправдать принимаемые решения, приобрести материальные и организационные ресурсы и пр. [16: 291]. О. Ю. Малинова отмечает:

«Когда речь идет о легитимации и делегитимации существующего режима, политическом целеполагании, мобилизации поддержки, критике оппонентов и прочем, отсылки к “коллективной памяти” оказываются весомыми аргументами. Предполагается, что они подкрепляют нормативные и причинные утверждения “эмпирическим” опытом предков» [15: 225].

Политика памяти в СССР отличалась определенной монолитностью. Образ прошлого формировался под воздействием самых разных коммеморативных практик, контролируемых го-

«деятельность государства и других акторов, направленную на утверждение тех или иных представлений о

сударством, и позволял обосновывать легитимность существовавшей власти. Государственные праздники СССР в общем процессе формирования коллективных представлений о прошлом играли немаловажную роль [28]. Традиция праздновать юбилеи карельской государственности сложилась в советский период. Именно тогда была определена начальная точка, от которой отсчитывается и 100-летие Республики Карелия, отмечаемое в 2020 году.

С приближением юбилейных торжеств неизбежно становится актуальным изучение истории появления самого предмета празднования. 100-летие государственности Карелии в научных кругах поставило вопрос о том, какое событие положило начало ее вековому существованию. История празднования годовщин государственности края выявляет разночтения в трактовке истоков события. Если в советский период точкой исторического отсчета была Октябрьская революция, то в современной коммеморативной модели ключевое событие истории однозначно не определено. В результате в современных российских «национальных» республиках политика памяти выстраивается по-разному. Это нашло отражение в названиях праздничных дней республик, их статусе (рабочий – нерабочий день), а также в определении начальных точек развития государственности регионов (1990 год – для Татарстана, 1920 год – для Удмуртии) [20]. Разобренный исторический опыт в условиях несформированности и неукоренности исторической модели рождает проблемы с сохранением культурной памяти в региональном сообществе. Сегодня в ней утрачена историческая и культурная преемственность между прошлым, настоящим и будущим. Последнее из-за постоянной изменчивости настоящего становится все более неопределенным и непрогнозируемым [21]. Исследования и опыт работы со студенческой аудиторией позволяют говорить о том, что молодое поколение жителей Карелии, выросшее в условиях идеологической индифферентности и отсутствия современной государственной модели истории, мало знает о предстоящем юбилее и не понимает значение праздника [22: 112–113]. Сегодня подготовка к празднованию проходит на фоне малой вовлеченности в события жителей Карелии. Республиканские власти используют юбилей как средство обратить внимание федеральных властей на насущные проблемы дотационного региона [26]. Это позволяет ставить вопрос об эффективности современной политики памяти и месте в ней государственных праздников.

В преддверии векового юбилея Карелии историки ведут дискуссии о правовом статусе края на разных этапах его развития в XX столетии¹. В данной статье речь пойдет об интерпретации истории Карелии, которая была представлена на страницах главной газеты республики в связи с описанием юбилейных торжеств. Основным источником исследования является газета «Ленинская правда» (в 1940–1955 годах – «Ленинское знамя»). Издание являлось официальным органом печати Карельского областного комитета РКП(б)/КПСС и государственных органов Карелии. Говоря об особенностях политики памяти, О. Ю. Малинова подчеркивает, что она работает не со всем спектром знания о прошлом, а с его актуализированной версией, то есть «репертуаром исторических событий, фигур и символов, которые наделяются смыслами, в той или иной мере значимыми для современных политических и культурных практик» [16: 290–291].

При анализе юбилейных публикаций «Ленинской правды», посвященных подготовке, организации и проведению торжеств по случаю годовщин государственности Карелии, было выделено несколько ключевых позиций, которые позволяют увидеть трансформацию коммеморативного содержания юбилеев республики. К таким позициям мы отнесли: понимание связи прошлое – настоящее – будущее в истории Карелии; выявление круга лиц, определивших ключевые события в прошлом республики; определение важных вех в истории края.

Нижняя граница исследования, посвященного празднованию юбилеев государственности Карелии в 1948–1990 годах, интересна тем, что это был единственный юбилей края, отпразднованный им в качестве союзной республики. В 1990 году был отмечен последний юбилей Советской Карелии и начал оформляться новый подход к торжествам в иных политических и экономических условиях. Актуальность исследования связана и с тем, что со второй половины 1950-х годов шел процесс складывания советской юбилейной традиции, возросло количество государственных праздников, стали оформляться модели, которые позволили унифицировать торжественные мероприятия советской эпохи [10], [11], [19], [27].

Традиция праздновать юбилеи государственности Карелии сложилась еще до Великой Отечественной войны [25]. Тогда отсчет истории республики начинался с образования Карельской трудовой коммуны (КТК) в 1920 году. Юбилей государственности Карелии, широко отмеченный 25 июля 1948 года, занимает особенное место

в череде юбилеев республики второй половины XX века. В условиях тяжелого восстановительного периода, социально-экономических трудностей в недавно освобожденном от оккупации крае широко отметили 25-летие Автономной Карельской ССР (АКССР). Из юбилейной истории края «выпал» период Карельской трудовой коммуны. Возможно, это связано с тем, что КТК как первая и предшествующая АКССР форма государственности Карелии, существовавшая в 1920–1923 годах, официально носила статус областной автономии, и отсчитывать от нее начало союзного статуса края было не совсем уместно [5]. И. Сталин в вопросе национально-государственного строительства в СССР четко определил: советская автономия не является законченной формой национально-государственного строительства. Именно автономная республика в ходе своего развития в области производства, социальной сферы и культуры может «дорастить» до более высоких форм – союзного статуса [4: 7].

Для описания жизни в Карелии в дореволюционный период в газете «Ленинское знамя» использовались клишированные формулировки, которые повторялись от юбилея к юбилею. Важно отметить, что в тех же выражениях и в том же стиле оценивалось прошлое других регионов СССР [13: 87–88]². В газетных публикациях прошлое описывалось всегда неконкретно, через интуитивно понятные, но недетализированные образы. Главной целью формирования регионального компонента культурной памяти было определить в прошлом края отправную точку успешного современного развития региона. Таким моментом в юбилейных публикациях предстает Октябрьская революция. Не менее важным было найти в прошлом Карелии предпосылки революционных преобразований, показать революцию не привнесенной извне, а вызревшей внутри регионального сообщества. В публикациях 1948 года Карелия предстает одной из самых отсталых царских окраин, в которой «едва теплилась жизнь», с нещадной эксплуатацией бесправных и неграмотных трудящихся. Великий Октябрь принес «свободу от многовекового гнета», «спас от вымирания», «дал возможность развивать государственность, экономику и культуру»³.

В отличие от прошлого настоящее в юбилейных публикациях «Ленинского знамени» всегда конкретно. Оно описано при помощи цифр, фактов, названий промышленных предприятий, указания фамилий передовиков производства⁴. Все это создавало убедительную картину стремительного развития Карелии после Великого Октября. Демонстрация достижений стала обя-

зательным атрибутом советских праздников [18: 140]. Юбилейные торжества являлись, с одной стороны, отчетом, подведением итогов, достигнутых жителями края к очередной дате, с другой стороны, доказательной базой того, что была проделана большая работа, а жизнь во всем ее многообразии от производства до бытовой сферы становилась все лучше⁵. Трудовые подвиги работников, «подарки Родине» в виде досрочного выполнения и перевыполнения плановых показателей, открытия новых предприятий и учреждений социальной сферы в отдаленных районах республики должны были убедить в благополучном настоящем и вселить веру в будущее Карелии⁶.

В торжественных речах, опубликованных в «Ленинском знамени» по случаю юбилея республики в 1948 году, упоминались даты смены статуса Карелии в составе СССР-РСФСР. Они представлены на уровне констатации фактов, не указаны причины, обстоятельства, действующие лица, принимавшие участие в истории края⁷. Судьба красных финнов, создателей КТК и АКССР, сложилась печально. Многие из них погибли в годы репрессий. Упоминать о них в юбилейных публикациях 1948 года как о родоначальниках государственности Карелии было невозможно. Кроме того, еще в 1930-е годы в политике памяти наметилось стремление «не выпячивать роль отдельных личностей», создавая ситуацию, когда важные исторические события становились только фоном деятельности отдельных героев [13: 89]. Так, в юбилейных публикациях 1948 года без указания роли местной политической элиты отмечено, что партия Ленина – Сталина поддерживала карелов в их национально-государственном самоопределении и предоставила им возможность образовать АКССР⁸. В 1948 году в газетных публикациях роль В. Ленина в создании карельской государственности показана исключительно через целенаправленную деятельность партии. Только секретарь ЦК КП(б) КФССР Г. Н. Куприянов в речи на юбилейной сессии Верховного Совета КФССР сказал о том, что в 1921 году на заседании Совета Труда и Оборона (СТО) именно В. Ленин принял специальное решение об экономическом развитии Карелии⁹. В создании же КФССР явно подчеркивалось личное участие И. Сталина, который, «следя за экономическим подъемом» республики, «за политическим и культурным ростом» ее народа, «увидел период в истории, когда назрела необходимость поднять формы национально-государственного существования Советской Карелии на высшую ступень»¹⁰.

В публикациях «Ленинского знамени» в 1948 году обращает на себя внимание подчеркивание вклада народа Карелии в победу над фашизмом. На страницах прессы стал формироваться местный пантеон Героев Великой Отечественной войны (партизанки М. Мелентьева и А. Лисицына, закрывшие собой амбразуру Н. Ригачин и Н. Варламов и др.)¹¹. Тот же процесс наблюдался в коммеморативных, в том числе и юбилейных, практиках других регионов СССР. Как правило, это объясняется традиционной политико-идеологической практикой, существовавшей в СССР в 1940-х годах, и может рассматриваться как важный инструмент формирования советской идентичности [14: 50]. Между тем в контексте угрозы ликвидации КФССР и депортации карел, возникшей еще в 1944 году, указанные тенденции в Карелии можно оценивать и как стремление региональных властей выразить лояльность центру и солидарность с ним, снять тень коллаборационизма и подчеркнуть вклад жителей Карелии в общую для советских граждан Победу.

Следующий юбилей Карелии должен был состояться в 1953 году, но по понятным причинам он не мог быть отмечен. В 1956 году в силу ряда обстоятельств Карелия была преобразована в Карельскую Автономную ССР (КАССР) [6], [7], поэтому очередной, уже 40-летний, юбилей государственности края отмечался 8 июня 1960 года. Юбилейные торжества 1960–1985 годов в этом контексте представляют собой некоторую общность, когда складывается единый сценарий праздника, определяются в пространстве локусы-символы, обязательные для проведения митингов, шествий и собственно праздничных мероприятий и непереносимых для посещения представителями власти, делегациями и народом. Это позволяло сформировать и закрепить общий политический и идеологический смысл торжеств.

Важно отметить, что в 1960 году в праздновании юбилея государственности Карелии происходят важные изменения, которые предопределили содержание праздника на два с половиной десятилетия. Отсчет государственности края теперь велся от 1920 года, образования Карельской трудовой коммуны. Все последующие юбилеи республики будут отмечать годовщины КТК. Представляется, что в возвращении к традиции вести историю национально-государственного строительства Карелии именно от КТК важную роль сыграла изменившаяся коммеморативная модель эпохи оттепели, в которой особое место занял культ В. Ленина (рис. 1). Начиная с 1960 года его определяющая роль в создании и развитии государственности Карелии подчеркива-

лась в юбилейных речах и подтверждалась публикацией в предпраздничных номерах газеты «Ленинская правда» выдержек из документов, подписанных вождем мирового пролетариата.

Рис. 1. Участники торжественного заседания, посвященного 40-летию Карельской АССР. Петрозаводск. 1960 год. Автор съемки: Белявин. Национальный архив РК

Figure 1. Participants of the commemorative meeting dedicated to the 40th Anniversary of the Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic (ASSR). Petrozavodsk. 1960.

Photo by Belyavin. National Archive of the Republic of Karelia

С 1960 года обращает на себя внимание возрастание роли исторической составляющей в наборе праздничных мероприятий и содержании юбилейных публикаций газеты «Ленинская правда». В них по-прежнему сохранялся контекст сравнения современного бурного всестороннего развития края с безрадостными временами в дореволюционной Карелии¹². Чтобы каждый почувствовал сопричастность переменам к лучшему, в юбилейных публикациях 1960–1975 годов печатались материалы о бедности сельского населения в имперской Карелии, о невозможности получить образование, найти достойную работу. На примерах улучшения жизни в конкретных населенных пунктах республики, а также на примерах нескольких поколений одной семьи из глубинки демонстрировались широкие возможности получения образования, развития творческих способностей и профессионального роста, которыми обладали жители современной Карелии¹³.

Интересно, что в 1970 году, когда отмечался полувековой юбилей республики, при сохранении общей тенденции к противопоставлению дореволюционного и советского этапов истории Карелии в газетных публикациях отсутствует нагнетание впечатления плачевного состояния края в имперский период. Об Олонецкой губернии как забытой окраине России в ряде предъюбилейных статей просто упоминалось¹⁴. Оппозиция безрадостного дореволюционного прошлого и светлого настоящего перестала быть эффективным

инструментом для власти. О завершающем этапе процесса вытеснения индивидуальных воспоминаний о прошлом края и замене их коллективной памятью о революционном прошлом свидетельствует то, что в 1985 году юбилейные публикации лишь вскользь отметили отсталость Карелии до Октябрьской революции, ссылаясь на то, что об этом «старшее поколение помнит»¹⁵.

Будущее в публикациях «Ленинской правды», посвященных юбилеям государственности Карелии в 1960–1980 годах, представало хоть и в туманном, но более светлом, чем настоящее, образе. Оно описывалось через определение задач по повышению производительности труда, внедрению новых методов хозяйствования и повышению качества продукции. Взаимосвязь постоянного улучшения качества жизни в крае, которое обеспечивали предыдущие поколения, с задачами на будущее включала нынешнее и последующие поколения в общий исторический опыт улучшения жизни в Карелии. Перспективные задачи края формулировались в торжественных выступлениях четко и вполне конкретно. При этом отмечалось, что жители Карелии уже приступили к выполнению плановых показателей и добились первых успехов. Так, в 1960 году для ликвидации отсталости целлюлозно-бумажной промышленности уже был заложен завод бумагоделательных машин в Петрозаводске и началась реконструкция других предприятий края¹⁶.

При сохранении общих тенденций в праздновании юбилеев государственности Карелии в связи с нарастанием в республике социально-экономических трудностей в публикациях «Ленинской правды» в 1980 году достижения края в области производства и социальной сферы лишь коротко перечислялись, а в номерах газеты за 1985 год без пояснений и примеров только упоминалось о неких «высоких достижениях» Карелии¹⁷. Существенной особенностью статей, посвященных 65-летию республики, стало упоминание о недостатках в социально-экономическом развитии края середины 1980-х годов. Указания на медленное внедрение достижений научно-технического прогресса в области производства, низкое качество продукции и пьянство как социальную проблему¹⁸ были вполне в духе решений апрельского пленума ЦК КПСС, на котором М. С. Горбачев сообщил о планах реформ, направленных на ускорение социально-экономического развития СССР.

В 1960-е годы в СССР повсеместно шло формирование новой культурной памяти о революционном прошлом страны. Юбилейные торжества стали проходить под лозунгом «воз-

врата к идеалам революции». Особое внимание уделялось «триумфальному шествию советской власти» и революционным событиям на местах. В эпоху оттепели стало важным найти в регионе большевистские организации, сложившиеся еще до 1917 года, шла повсеместная работа по конструированию и трансляции образов местных героев революции и Гражданской войны [1: 103], [13: 89]. К юбилеям государственности Карелии в 1960–1975 годах в «Ленинской правде» всегда выходило несколько статей о том, что в селах и деревнях Карелии большевистские ячейки, состоявшие из местных жителей, активно работали уже в 1918 году, публиковались воспоминания и краткие очерки о судьбах красноармейцев на фронтах Гражданской войны на территории Карелии, о том, как жители края помогали В. Ленину скрываться от преследования и вернуться в Петроград в 1917 году¹⁹.

В юбилейных публикациях газеты «Ленинская правда» подчеркивалось, что рождение КТК проходило в боях с интервентами и белогвардейцами. Это находило подтверждение в многочисленных публикациях воспоминаний участников и очевидцев событий²⁰. Память о борцах за идеалы революции в регионах закреплялась средствами монументальной пропаганды в разных городах СССР [2: 412, 420], [9]. Так в план проведения массовых мероприятий, посвященных 40-летию КАССР, была включена установка бюстов М. И. Калинину, Н. Т. Григорьеву (организатору партийной ячейки на Онежской заводе, рис. 2), П. Ф. Анохину (большевику-подпольщику, организатору советской власти в Карелии), И. Ф. Петрову (губернскому продовольственному комиссару), А. В. Шотману (первому председателю Карельского ЦИКа), Т. Антикайнену (герою Гражданской войны в Карелии). Кроме того, в п. Сулажгора должен был быть открыт монумент «в честь воинов Красной армии и отрядов трудящихся, отразивших натиск белофинских интервентов и отстоявших столицу советской Карелии в 1919 г.»²¹.

Характерно, что из проекта списка предполагаемых к установке памятников были вычеркнуты бюст одного из руководителей партизанского движения в Карелии И. А. Григорьева (г. Петрозаводск), сказителя Т. Т. Рябинина (д. Кижы) и «основоположника всемирно известного эпоса “Калевала” А. Перттунена (с. Ухта)²². Таким образом, хотя юбилей должен был подвести итог 40-летнего существования Карельской автономной республики, в монументальной пропаганде края основное внимание было уделено борцам за установление советской власти в Карелии.

Рис. 2. Закладка памятника Н. Т. Григорьеву. В центре – участник установления советской власти в Карелии Х. Б. Дорошин. Петрозаводск. 1960 год. Национальный музей РК

Figure 2. Laying of the monument to N. T. Grigoryev. H. B. Doroshin, one of the founders of the Soviet regime in Karelia, is in the center. Petrozavodsk. 1960. National Museum of the Republic of Karelia

Очевидно, что в 1960-х годах социально-классовый смысл взятия большевиками власти стал меняться в национально-освободительном направлении. Основами коммунистической идеологии и советского патриотизма помимо Октябрьской революции и Гражданской войны становились Великая Отечественная война и культ героев, павших в борьбе с нацизмом [18: 140–141]. Изменение коммеморативной модели отразилось на организации пространства юбилейных торжеств. Площадь Ленина в Петрозаводске была традиционным местом проведения официального митинга с участием представителей руководства Карелии и трудовых коллективов. Здесь каждый раз напоминалось, что с Великой Октябрьской революции началось возрождение Карелии, а вера Ленина в карельский народ и активное участие вождя в его судьбе положили начало государственности и успешному социально-экономическому развитию края. Возложение венков к Могиле Неизвестного Солдата, расположенной напротив памятника вождю мирового пролетариата, закрепляло новую коммеморативную линию и стало неотъемлемой частью демонстрации мысли о том, что благодаря приходу к власти большевиков во главе с В. Лениным и их победе в Гражданской войне стала возможна Победа в 1945 году. Имена героев Карелии, которые отдали жизнь «за счастье народа», выгравированные на мемориале, убедительно доказывали действенную поддержку жителей региона в ключевые моменты советской истории. В столице Карелии шествие-парад от площади Гагарина до площади Кирова, где также проходил митинг с более широким кругом участников, а затем и праздничный концерт стали неперенными

элементами каждого юбилея государственности края и закрепляли в сознании основные вехи советской истории и истории республики (рис. 3).

Рис. 3. Групповые выступления воинов-спортсменов на Республиканском празднике, посвященном 40-летию Карельской АССР. Петрозаводск. 1960 год. Автор съемки: Е. А. Щеглов. Национальный архив РК

Figure 3. Command performance of army athletes at the celebration of the 40th Anniversary of the Karelian ASSR. Petrozavodsk. 1960. Photo by E. A. Shcheglov. National Archive of the Republic of Karelia

Спортивные мероприятия, цирковые и театрализованные представления проходили в Петрозаводске на стадионах «Юность», «Спартак», в парке культуры и отдыха. Авторами статьи был проведен анализ видеоряда празднования 50-летия Чувашской АССР (1970 год), Калмыцкой АССР (1970 год), сорокалетия Коми АССР (1961 год), представленного в сети Интернет. Результаты исследования позволяют говорить об общесоюзной унификации и регламентации как официальной, так и массовой зрелищной части юбилейных мероприятий в указанный период [27: 205–208]. Благодаря ей обеспечивались консолидация регионального сообщества вокруг символов советской государственности и легитимизация режима [17: 91–92].

В юбилейных публикациях 1960 года была впервые предпринята попытка представить общественности историю создания государственности Карелии. При этом в статьях «Ленинской правды» последующих лет, докладах и выступлениях руководящих лиц Карелии, посвященных торжественным датам, никогда не упоминался этап существования Карелии в статусе союзной республики. Создание КТК представлялось как реализация мечты трудящихся карелов о свободной жизни. Октябрьская революция стала отправной точкой в этом процессе²³. История становления государственности Карелии стала приобретать более ясные очертания в юбилейных публикациях следующих лет.

Так сложилась схема истории создания государственности Карелии, которая с некото-

рыми изменениями будет повторяться во всех последующих юбилейных публикациях. В условиях Гражданской войны и интервенции молодой советской власти пришлось столкнуться с попытками «оторвать Карелию от Советской России». Когда карельский народ высказался за сохранение края в составе РСФСР, Э. Гюллинг встретился с Лениным для обсуждения вопросов создания Карельской трудовой коммуны на территории Олонецкой и части Архангельской губерний. В. Ленин подписал декрет о создании КТК и принял личное участие в разработке планов экономического развития края. Для решения организационных вопросов по созданию КТК был сформирован Карревком в составе Э. Гюллинга, В. Куджиева и Я. Мяки. Съезд трудящихся карелов санкционировал создание КТК.

В юбилейных публикациях «Ленинской правды» в 1970 году произошло расширение списка фамилий финских коммунистов, принимавших участие в государственном строительстве в Карелии. При этом их фамилии были перечислены через запятую, не была определена политическая роль каждого из них. Активные деятели финляндского коммунистического движения, многие из которых в дальнейшем работали в партийно-государственном аппарате Карелии: О. Куусинен²⁴, И. Ярвисало²⁵, А. Нуортева²⁶, Г. Ровио²⁷, Ю. Сирола²⁸ и Э. Гюллинг, указывались как «много сделавшие» для укрепления советского, партийного и хозяйственного руководства в крае²⁹. Интересно, что Э. Гюллинг в перечне фамилий представлен не первым. Его более значительная роль в создании КТК подчеркивалась не через обозначение направлений его деятельности по созданию коммуны, а через описание встреч Э. Гюллинга с В. Лениным. Последнему в юбилейных публикациях отводилась ведущая и определяющая роль в создании КТК. Обращает на себя внимание, что в юбилейных публикациях последнего советского десятилетия роль красных финнов в создании КТК была пересмотрена. Если в 1970 году Э. Гюллинг и Г. Ровио лишь упоминались в статьях, посвященных истории коммуны, то в 1980 году каждому из них на страницах «Ленинской правды» была посвящена развернутая биографическая статья. Инициатива создания КТК приписывалась именно Э. Гюллингу, который представил свой план В. Ленину и заслужил со стороны вождя мирового пролетариата одобрение и поддержку. При этом авторы биографических статей обходили молчанием трагический финал истории красных финнов, акцентируя внимание на их вкладе в экономическое процветание Карелии. Их заслуги оказываются неразрывно связаны с мудрым ленинским кур-

сом, проводимым Коммунистической партией, который теперь должны были продолжить новые поколения³⁰.

Несмотря на то что впервые имена финских коммунистов, принимавших деятельное участие в создании КТК, появились в юбилейных публикациях в 1960 году, все же «у колыбели рождения республики» был поставлен В. Ленин³¹. Именно эта фраза превратится в клише и будет повторяться в последующие годы³². В 1970 году также в «Ленинской правде» впервые была опубликована фраза, приписываемая В. Ленину и определившая суть исторической концепции становления государственности в Карелии: «Карелы – народ трудолюбивый, я верю в их будущее!»³³. Вождю мирового пролетариата приписывались «живое участие» в хозяйственном возрождении Карелии после Гражданской войны и «непосредственное участие в определении путей социалистических преобразований» в крае³⁴. С 1965 года в публикациях «Ленинской правды», посвященных подготовке и празднованию юбилея государственности Карелии, печатались выдержки из документов, которые подтверждали роль В. Ленина в судьбе Карелии³⁵.

70-летний юбилей государственности края занимает особое место в череде послевоенных дней республики. Отмеченный в 1990 году, он был последним юбилеем в составе СССР. В условиях перестройки, гласности, обострения национальных противоречий в СССР, борьбы между центральными и местными властями за суверенитет и объем полномочий история государственности Карелии отошла на второй план. Юбилей превратился в дискуссию об актуальных для Карелии проблемах в контексте одного эпизода в прошлом края – периода 1920 – начала 1930-х годов как времени экономической свободы Карелии. В своем юбилейном интервью председатель Верховного Совета КАССР В. Степанов подчеркивал, что именно особые бюджетные права республики и широкая автономия позволили Карелии добиться существенных успехов³⁶. Определенный период из прошлого края был выбран в контексте актуальных политических проблем конца 1980-х – начала 1990-х годов. Это был первый опыт использования местными властями политического прошлого края для обращения внимания центра на насущные проблемы региона.

Иначе выглядели торжества и в контексте связи прошлое – настоящее – будущее. Если в предыдущие годы история государственности Карелии в юбилейных публикациях представляла схематично и безоценочно, то в 1990 году были определены итоги деятельности команды Э. Гюллинга. При высокой оценке широких эко-

номических возможностей, которыми пользовалась Карелия в 1920–1930-е годы, и результатов работы Э. Гюллинга в этом направлении резко критиковалась и осуждалась национальная и языковая политика красных финнов, нанесящая урон культуре карелов и вепсов³⁷. Задачи на будущее в этом контексте были обозначены не как развитие и совершенствование достигнутых результатов, а как исправление ошибок, допущенных в прошлом³⁸.

В 1990 году в юбилейных публикациях история создания государственности Карелии отошла на второй план. Э. Гюллинг представлен в «Ленинской правде» не как создатель КТК, а как глава исполнительного комитета коммуны³⁹. Первые юбилейные публикации не носили характер докладов или отчетов о проделанной между юбилеями работе, но приобрели форму интервью, в которых поднимались дискуссионные вопросы о прошлом и будущем Карелии. Впервые за долгие годы в прессе был поднят вопрос о понижении статуса Карелии в 1956 году. В интервью народный депутат М. Демидов обратил внимание на то, что решение было принято «сверху без желания народа». Дискуссия переходила в плоскость обсуждения проблем ущемления центром прав и возможностей Карелии динамично развиваться в статусе союзной республики⁴⁰.

В юбилейных публикациях «Ленинской правды» руководящие работники Карелии 1990-х годов обращали внимание на то, что национальные и языковые эксперименты красных финнов, а также финнизация Карелии в 1920-х – начале 1930-х годов привели к значительным проблемам в решении национального вопроса в крае⁴¹. В подтверждение того, что Э. Гюллинг не собирался на территории Карелии решать национальный вопрос и развивать культуру карелов, в газете «Ленинская правда» была опубликована его речь о задачах экспорта мировой революции с территории КТК⁴².

Во всех юбилейных публикациях 1940–1980-х годов карелы как народ, строивший на территории Карелии свою государственность, упоминаются, скорее, в географическом, а не в этническом контексте. Обойти национальный вопрос в республике, в названии которой фигурирует титульная нация, было довольно сложно. До середины 1950-х годов, когда численность карелов в составе населения республики хоть и не была доминирующей, но оставалась значительной, проблема снималась указанием на дружбу народов в СССР⁴³. Публикации с этим словосочетанием в названии фигурируют в каждом из юбилейных выпусков газеты «Ленинская правда». При этом повышение благосостояния и улучшение

качества жизни за годы советской власти на территории Карелии всегда демонстрировались на примере семей карелов и районов края, населенных по преимуществу карелами. Символом счастья в регионе стала мельница Сампо из карело-финского эпоса «Калевала». О ней всегда упоминали в торжественных речах. Однако в конце 1980-х годов больше было невозможно скрывать проблемы ассимиляции карелов и вепсов и утраты национальных традиций и языка коренных народов края. Утрата «карельского» в юбилеях Карелии нашла отражение в публикациях и дискуссиях, посвященных 70-летию государственности края.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трансформация исторического содержания и смыслового наполнения юбилейных торжеств государственности Карелии в 1948–1990 годах позволяет говорить о том, что культурная память в регионе формировалась в соответствии с основными тенденциями коммеморативных практик в СССР. Через локусы памяти в пространстве Петрозаводска, унификацию юбилейных официальных и массово-развлекательных традиций, репрезентацию прошлого в юбилейных публикациях газеты «Ленинская правда» история государственности Карелии в 1940–1980-е годы была вписана в историческую традицию становления и развития Советского государства. Те факты прошлого региона, которые не соответствовали политике памяти, замалчивались или «подгонялись» под устоявшиеся клише. Региональная идентичность не была обусловлена собственно историей территории, но была увязана и встроена в общесоветский исторический контекст. В результате история Карелии, как и других национальных республик СССР, в послевоенный период стала терять «особенности» и приобретала идентичные наднациональные черты. Жители Карелии утратили уникальность праздника дня республики. Он терялся на фоне Дня Победы и годовщин Октябрьской революции, регламент которых планомерно вырабатывался с 1950-х годов. На протяжении многих лет юбилейные торжества в Карелии строились вокруг идеи процветания республики, правильности выбора исторического пути и сплочения населения вокруг политики партии и правительства. Кризис рубежа 1980–1990-х годов вычеркнул из праздничного календаря республики день ее рождения. Малочисленность национального населения Карелии также не позволяет превратить день рождения Республики Карелии в праздник финно-угорской национальной традиции, языка и культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ю. М. Килин обращает внимание на «перманентную ситуативность» и приоритетное внешнее влияние на эти процессы [12]. Сложные внутривластные коллизии как в центре, так и в республике предлагают учитывать А. И. Бутвило [3] и С. Г. Веригин [8]. На особую роль красных финнов в становлении и развитии Карелии до середины 1930-х годов указывает И. Р. Такала [24].
- ² 25 лет советской Бурят-Монголии // Ленинское знамя. 1948. 4 июля. С. 2.
- ³ Верховцев И. Дружба народов СССР – движущая сила советского общества // Ленинское знамя. 1948. 9 июля. С. 2; Соколов А. Рассказ о бывшей окраине // Ленинское знамя. 1948. 17 июля. С. 3; Братское содружество // Ленинское знамя. 1948. 23 июля. С. 1; Под непобедимым знаменем партии // Ленинское знамя. 1948. 24 июля. С. 1.
- ⁴ Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями работников сельского хозяйства, промышленности, науки, культуры и искусства // Ленинское знамя. 1948. 25 июля. С. 3–4.
- ⁵ На встречу славному 25-летию // Ленинское знамя. 1948. 4 июля. С. 1; Достоинство встретим 25-летие родной республики // Ленинское знамя. 1948. 6 июля. С. 1; Достоинство встретим 25-летие родной республики // Ленинское знамя. 1948. 7 июля. С. 1.
- ⁶ Кондратов Ф. Знатные люди // Ленинское знамя. 1948. 9 июля. С. 2; Юбилею республики – достойную встречу // Ленинское знамя. 1948. 14 июля. С. 1; С чем мы приходим к юбилею республики. Беседа с главным инженером Сегежского ЦБК Я. И. Исерлисом // Ленинское знамя. 1948. 21 июля. С. 1; Подарки колхозников. Беседа с секретарем Ведлозерского райкома партии Заниным // Ленинское знамя. 1948. 21 июля. С. 1; Трудовой подъем. Беседа с секретарем Петровского райкома Сониным // Ленинское знамя. 1948. 21 июля. С. 1.
- ⁷ 25 лет КФССР. Доклад секретаря ЦК КП(б) КФССР Г. Н. Куприянова // Ленинское знамя. 1948. 24 июля. С. 5–6; Куусинен О. Итоги четверти века // Ленинское знамя. 1948. 24 июля. С. 5.
- ⁸ Под непобедимым знаменем партии Ленина – Сталина // Ленинское знамя. 1948. 24 июля. С. 1; 25 лет КФССР. Доклад секретаря ЦК КП(б) КФССР Г. Н. Куприянова // Ленинское знамя. 24 июля. С. 5–6.
- ⁹ 25 лет КФССР. Доклад секретаря ЦК КП(б) КФССР Г. Н. Куприянова // Ленинское знамя. 1948. 24 июля. С. 5–6.
- ¹⁰ Под непобедимым знаменем партии Ленина – Сталина // Ленинское знамя. 1948. 24 июля. С. 1.
- ¹¹ Герои нашего народа // Ленинское знамя. 1948. 23 июля. С. 3–4; Великое содружество // Ленинское знамя. 1948. 23 июля. С. 1.
- ¹² Под Ленинским знаменем дружбы народов // Ленинская правда. 1965. 8 июня. С. 1; В братской семье советских народов. Председатель Президиума Верховного Совета Карельской АССР П. Прокконен // Ленинская правда. 1960. 8 июня. С. 1; По Ленинскому пути, к новым победам в борьбе за коммунизм. Речь т. П. Н. Демичева // Ленинская правда. 1970. 7 июня. С. 2 и др.
- ¹³ Иванов В. Песни Лиэксы // Ленинская правда. 1970. 6 июня. С. 3; Цинкерман Н. В Лоухах // Ленинская правда. 1960. 8 июня. С. 2; Слиборский П. Сегежа промышленная // Ленинская правда. 1965. 8 июня. С. 1; Наш город // Ленинская правда. 1965. 8 июня. С. 2 и др.
- ¹⁴ К новым свершениям // Ленинская правда. 1970. 6 июня. С. 1; Иванов В. Песня Лиэксы // Ленинская правда. 1970. 6 июня. С. 3; По Ленинскому пути, к новым победам в борьбе за коммунизм. Речь П. Н. Демичева // Ленинская правда. 1970. 7 июня. С. 2.
- ¹⁵ В братской семье советских народов // Ленинская правда. 1985. 8 июня. С. 1.
- ¹⁶ Здесь будет завод бумагоделательных машин // Ленинская правда. 1960. 8 июня. С. 1.
- ¹⁷ В братской семье народов СССР. Доклад И. Сенькина // Ленинская правда. 1980. 8 июня. С. 2; В братской семье советских народов // Ленинская правда. 1985. 8 июня. С. 1.
- ¹⁸ В братской семье советских народов // Ленинская правда. 1985. 8 июня. С. 1.
- ¹⁹ Машин В. Четыре десятилетия из четырех веков // Ленинская правда. 1965. 8 июня. С. 2; У истоков // Ленинская правда. 1965. 8 июня. С. 2; Июдин И. Незабываемый образ // Ленинская правда. 1970. 7 апреля. С. 2; Иванов В. Искры, которые не гаснут. К 50-летию Карельской АССР // Ленинская правда. 1970. 4 июня. С. 3; Васильев П. Революцией призванные. К 50-летию Карельской АССР // Ленинская правда. 1970. 5 июня. С. 3; Кликачев А. Вся жизнь – подвиг // Ленинская правда. 1960. 10 июня. С. 2; Егоров Ф. Всегда вместе // Ленинская правда. 1960. 11 июня. С. 3.
- ²⁰ Куджиев В. КТК. Воспоминания члена Карревкома. Петрозаводск: Карелия, 1970. 208 с.; Петров И. М. Красные финны. Воспоминания. Петрозаводск: Карелия, 1970. 160 с.; Ялава Л. Г. Летели искры...: Воспоминания. Петрозаводск: Карелия, 1970. 93 с.; Живой свидетель // Ленинская правда. 1960. 10 июня. С. 2; Матвеев И. Пройденное // Ленинская правда. 1970. 6 июня. С. 2 и др.
- ²¹ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. Р-2359 (Фонд Беляева И. С., председателя Совмина КАССР (1939–1967)). Оп. 1. Д. 2/9. Л. 1–9. План проведения массовых мероприятий, посвященных 40-летию КАССР.
- ²² НА РК. Ф. Р-2359. Оп. 1. Д. 2/9. Л. 1–9. План проведения массовых мероприятий, посвященных 40-летию КАССР.
- ²³ В братской семье советских народов. Председатель Президиума Верховного Совета Карельской АССР П. Прокконен // Ленинская правда. 1960. 8 июня. С. 1.
- ²⁴ О. Куусинен – председатель Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР.
- ²⁵ И. Ярвисало – первый секретарь Карельского обкома ВКП(б) в 1922–1929 годах.

- ²⁶ А. Нуортева – член исполкома КТК, Председатель ЦИК АКССР.
- ²⁷ Г. Ровио – первый секретарь Карельского областного комитета ВКП(б) в 1929–1935 годах.
- ²⁸ Ю. Сирола – нарком просвещения АКССР.
- ²⁹ К новым свершения // Ленинская правда. 1970. 6 июня. С. 1.
- ³⁰ Минин Н. Солдат партии Ленина // Ленинская правда. 1980. 4 апреля С. 2; Суханов М. Пламенный борец // Ленинская правда. 1980. 30 мая. С. 2.
- ³¹ В братской семье советских народов // Ленинская правда. 1965. 8 июня. С. 1.
- ³² По Ленинскому пути, к новым победам в борьбе за коммунизм. Речь П. Н. Демичева // Ленинская правда. 1970. 7 июня. С. 2.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Под ленинским знаменем дружбы народов // Ленинская правда. 1965. 8 июня. С. 1; Обращение ЦК КПСС СССР, Президиума Верховного Совета СССР Совета министров СССР к Карельскому областному комитету Коммунистической партии Советского Союза, Президиуму Верховного Совета КАСССР, Совету министров КАСССР // Ленинская правда. 1970. 7 июня. С. 1; Июдин И. Незабываемый образ // Ленинская правда. 1970. 7 апреля. С. 2.
- ³⁵ Выдержка из Декрета ВЦИК и СНК РСФСР о выделении территории КТК из территорий Олонецкой и Архангельской губерний // Ленинская правда. 1965. 8 июня. С. 1; Выдержка из Постановления ВЦИК о создании КТК от 08 июня 1920 года // Ленинская правда. 1970. 7 апреля. С. 1; Выдержка из Постановления СТО по восстановлению народного хозяйства Карелии от 26 апреля 1921 года // Там же; Выдержка из Постановления СНК о развитии экономики Карелии от 26 апреля 1921 года // Там же.
- ³⁶ Степанов В. (председатель Верховного Совета КАСССР). В братской семье народов // Ленинская правда. 1990. 8 июня. С. 1.
- ³⁷ Степанов В. В братской семье народов // Ленинская правда. 1990. 8 июня. С. 1; Кирясов В. Живая связь времен. Беседа с Председателем Совета министров КАСССР С. Яскуновым // Ленинская правда. 1990. 8 июня. С. 2.
- ³⁸ Интервью Строгальщиковой З., председателя Комиссии по национальной политике, языку, культуре, охране исторического наследия Верховного Совета КАСССР // Ленинская правда. 1990. 8 июня. С. 4.
- ³⁹ Степанов В. В братской семье народов // Ленинская правда. 1990. 8 июня. С. 1.
- ⁴⁰ Тимофеев В. Преодолеть сверхцентрализм. О проблемах межнациональных отношений народный депутат СССР М. Демидов // Ленинская правда. 1990. 8 июня. С. 2.
- ⁴¹ Степанов В. В братской семье народов // Ленинская правда. 1990. 8 июня. С. 1.
- ⁴² Из фондов Центрального Государственного архива КАСССР. Протокольная запись доклада Э. Гюллинга на I Съезде представителей карельского трудового народа об образовании Карельской трудовой коммуны // Ленинская правда. 1990. 8 июня. С. 3.
- ⁴³ Численность карелов в общей численности населения Карелии, по данным переписи 1897 года, – 42,3 %, переписи 1959 года – 13,1 %; финнов соответственно – 0,9 и 4,3 %; велсов – 3,4 и 1,1 %. См. подробнее: Карельская АССР за 50 лет: Ст. сборник. Петрозаводск: Статистика. Карел. отделение, 1967. С. 10.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беневаденская Е. Н. Коммеморативные практики архивных учреждений Алтая (1965–1985) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2019. № 2 (36). С. 101–105. DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/33
2. Богатова О. А., Гусева Е. Н. Историческая память и этничность в городской архитектурной среде как фактор конструирования социальной идентичности населения столиц республик в составе Российской Федерации на примере Ижевска и Саранска // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2019. Т. 3. Вып. 4. С. 409–429.
3. Бутвило А. И. Внутриполитические предпосылки упразднения Карело-Финской ССР в 1956 г. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2016. № 7-2 (160). С. 16–23.
4. Бутвило А. И. Карельская государственность в XX – начале XXI века: опыт экспликации // Карелия – приграничный регион России в XX–XXI веках: формирование и становление карельской государственности в составе СССР / России: Сб. докладов междунар. научно-практ. конф., посвящ. 100-летию образования карельской государственности (7–8 июня 2018 г., г. Петрозаводск). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. С. 5–11.
5. Бутвило А. И. Карельская Трудовая Коммуна. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2011. 235 с.
6. Веригин С. Г. История создания и упразднения Карело-Финской ССР // Федерализм. 2009. № 4 (56). С. 147–160.
7. Веригин С. Г. О планах ликвидации Карело-Финской ССР в августе 1944 года // Вестник Поморского университета. 2009. № 4. С. 6–13.
8. Веригин С. Г. Образование Карело-Финской ССР и освоение «новых территорий» в 1940–1941 гг. // Отечественная история. 2008. № 1. С. 150–155.

9. Волохова В. В. Формирование мифа об Октябрьской революции и Гражданской войне средствами монументальной пропаганды (на примере г. Петрозаводска) // CARELiCA. 2015. № 1 (13). С. 8–24.
10. Жеребцов И. Л. Коми: от области к республике // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2016. № 3 (27). С. 15–21.
11. Зеверт Д. Современные подходы к пониманию праздничной культуры в Советском Союзе // Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2015. № 2 (2). С. 103–113.
12. Килин Ю. М. Формирование государственности Карелии как перманентная ситуативность в условиях революционной трансформации приграничья // Карелия – приграничный регион России в XX–XXI веках: формирование и становление карельской государственности в составе СССР / России: Сб. докладов междунар. научно-практ. конф., посвящ. 100-летию образования карельской государственности (7–8 июня 2018 г., г. Петрозаводск). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. С. 11–16.
13. Клопихина В. С. Исторический нарратив об Октябрьской революции 1917 г. как основа советской идеологии 1920-х гг.: региональный аспект // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 2. С. 84–91.
14. Красильникова Е. И. Политика памяти: исторические символы и коммеморативные практики в системе социально-политической саморегуляции Сибирского региона в XX – начале XXI вв. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26. № 1. С. 47–54. DOI: 10.18287/2542-0445-2020-26-1-47-54
15. Малинова О. Ю. Официальная риторика и конструирование национального прошлого: анализ тематического репертуара памятных речей президентов РФ (2000–2013 гг.) // Власть и элиты. 2014. Т. 1. С. 224–246.
16. Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2019. № 9. С. 285–312.
17. Малышева С. Ю. «Советский лубок» и «праздничный пряник»: властные стратегии культурной адаптации раннесоветских праздников // Клио. 2013. № 4 (76). С. 91–95.
18. Малышева С. Ю. Эволюция исторической мифологии «ноябрьских» праздников в России // Вестник Пермского университета. История. 2019. № 1 (44). С. 138–147. DOI: 10.17072/2219-3111-2019-1-138-147
19. Меньков С. В. Процесс организации государственных праздников на Алтае во второй половине 1950-х – 1970-е гг. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2017. № 2 (28). С. 107–112.
20. Назукина М. В., Филиппова Е. Ю. Поздравительный дискурс «Дня республики» как компонент региональной политики идентичности: этничность имеет значение // Ars Administrandi. Искусство управления. 2019. Т. 11. № 3. С. 345–359.
21. Попова В. А. Методологические аспекты исследования праздничной культуры // Время культуры в региональном пространстве: Сб. науч. трудов / Под ред. Д. Н. Маслюженко. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2010. С. 36–41.
22. Савицкий А. А. Образы власти в восприятии населения современной Карелии // Карелия – приграничный регион России в XX–XXI веках: формирование и становление карельской государственности в составе СССР / России: Сб. докладов междунар. научно-практ. конф., посвящ. 100-летию образования карельской государственности (7–8 июня 2018 г., г. Петрозаводск). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. С. 109–114.
23. Сыров В. Н., Головашина О. В., Аникин Д. А., Овчинников А. В., Линченко А. А. Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности. Томск: Издательский Дом Томского гос. ун-та, 2019. 224 с.
24. Такала И. Р. Финны в Советской Карелии и их вклад в развитие республики (1920-е – первая половина 1930-х гг.) // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века: Гуманит. исслед. / Карел. науч. центр Рос. акад. наук, Ин-т яз., лит. и истории. Вып. 3. Петрозаводск, 2009. С. 107–149.
25. Филимончик С. Н. Праздничная культура Петрозаводска в 1920–1930-е гг. // CARELiCA. 2015. № 1 (13). С. 38–45 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://carelica.petsu.ru/2015/PHILIMONCHIK.pdf> (дата обращения 30.06.2020).
26. Цумарова Е. Ю. День Республики Карелия как праздник карельской государственности: от единства к утилитаризму // Карелия – приграничный регион России в XX–XXI веках: формирование и становление карельской государственности в составе СССР / России: Сб. докладов междунар. научно-практ. конф., посвящ. 100-летию образования карельской государственности (7–8 июня 2018 г., г. Петрозаводск). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. С. 97–102.
27. Шумихина Л. А. Эстетика парадов и демонстраций как праздничных ритуалов советской культуры // Культурология. Теория и практика общественного развития. 2012. № 5. С. 203–208.
28. Lane C. The rites of rulers: ritual in industrial society: the Soviet case. Cambridge, 1981. 311 p.
29. Schmidt S. J. Memory and remembrance: a constructivist approach // Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook (A. Erll, A. Nunning, Eds). Walter de Gruyter GmbH & Co, 2008. P. 191–203.

Irina V. Shorokhova, PhD in History, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ivikshor@yandex.ru

Valentina V. Volokhova, PhD in History, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
vavolokhova@yandex.ru

SOVIET ANNIVERSARY AS AN INSTRUMENT OF MEMORY POLICY (illustrated by official anniversaries of Karelia's statehood)

The article studies the official anniversaries of Karelia's statehood as an information cause for a series of publications on the history of the region in the main republican newspaper *Leninskaya Pravda* (Lenin's Truth). Preparations for the celebrations allowed the local authorities to reproduce the image of the past on the pages of the print media as a justification for the legitimacy of the existing government. Due to the representation of the past in anniversary publications, the history of Karelia's statehood between the 1940s and the 1980s was "implanted" into the historical tradition of the formation and development of the Soviet state. The crisis of relations between the republic and the union center in the 1990s, economic difficulties, and growing national contradictions led to the attempts of Karelia's authorities to use the past to justify a new political course.

Keywords: memory policy, holiday culture, Soviet mass holidays, cultural memory, history of Karelia, commemoration of historical event

Cite this article as: Shorokhova I. V., Volokhova V. V. Soviet anniversary as an instrument of memory policy (illustrated by anniversaries of Karelia's statehood). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 8. P. 72–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.552

REFERENCES

1. Benevalenskaya E. N. Commemorative practices of Altai archival institutions (1965–1985). *Issues of Social-Economic Development of Siberia*. 2019. No 2 (36). P. 101–105. DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/33 (In Russ.)
2. Bogatova O. A., Guseva E. N. Historical memory and ethnicity in the urban architectural environment as a factor social identity construction in the capitals of the Russian Federation republics on the example of Izhevsk and Saransk. *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*. 2019. Vol. 3. S. 4. P. 409–429. (In Russ.)
3. Butvilo A. I. Internal political factors of Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic abolition in 1956. *Proceedings of Petrozavodsk State University. Series: Social Sciences and Humanities*. 2016. No 7-2 (160). P. 16–23. (In Russ.)
4. Butvilo A. I. Karelian statehood in the XX and early XXI centuries: the explication experience. *Karelia – Russia's border region in the XX and XXI centuries: the formation and establishment of Karelia's statehood within the USSR / Russia: Collection of reports at the International Research and Practice Conference Dedicated to the 100th Anniversary of Karelia's Statehood (June 7–8, 2018, Petrozavodsk)*. Petrozavodsk, 2018. P. 5–11. (In Russ.)
5. Butvilo A. I. Karelian Labor Commune. Petrozavodsk, 2011. 235 p. (In Russ.)
6. Verigin S. G. Establishment and abolishment of the Karelian-Finnish SSR. *Federalism*. 2009. No 4 (56). P. 147–160. (In Russ.)
7. Verigin S. G. On the Karelian-Finnish SSR liquidation plans in August 1944. *Bulletin of Pomor State University*. 2009. No 4. P. 6–13. (In Russ.)
8. Verigin S. G. Formation of the Karelian-Finnish SSR and the development of "new territories" in 1940–1941. *Russian History*. 2008. No 1. P. 150–155. (In Russ.)
9. Volokhova V. V. Making a myth about the October Revolution of 1917 and the Russian Civil War by means of monumental propaganda (Petrozavodsk, Karelia as an example). *CARELICA*. 2015. No 1 (13). P. 8–24. (In Russ.)
10. Zherebtsov I. L. Komi: from region to the republic. *Bulletin of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2016. No 3 (27). P. 15–21. (In Russ.)
11. Zever't D. Modern approaches to understanding of festivity culture in the Soviet Union. *Bulletin of Russian State University for the Humanities. Series: Political Science. History. International Relations. Foreign Regional Studies. Oriental Studies*. 2015. No 2 (2). P. 103–113. (In Russ.)
12. Kilin Yu. M. Formation of the statehood of Karelia as a permanent situativity in the context of the revolutionary transformation of the border area. *Karelia – Russia's border region in the XX and XXI centuries: the formation and establishment of Karelia's statehood within the USSR / Russia: Collection of reports at the International Research and Practice Conference Dedicated to the 100th Anniversary of Karelia's Statehood (June 7–8, 2018, Petrozavodsk)*. Petrozavodsk, 2018. P. 11–16. (In Russ.)
13. Klopikhina V. S. The historical narrative of the October Revolution of 1917 as the basis of Soviet ideology in 1920s: regional dimension. *Humanities and Law Studies*. 2018. No 2. P. 84–91. (In Russ.)
14. Krasil'nikova E. I. Politics of memory: historical symbols and commemorative practices in the system of socio-political selfregulation of the region (Siberia of the XX – early XXI centuries). *Vestnik of Samara*

- University. History, Pedagogics, Philology*. 2020. Vol. 26. No 1. P. 47–54. DOI: 10.18287/2542-0445-2020-26-1-47-54 (In Russ.)
15. Malinova O. Yu. Constructing the national past in the official rhetoric: the analysis of thematic repertoire of the commemorative speeches of presidents of the Russian Federation (2000–2013). *Power and Elites*. 2014. Vol. 1. P. 224–246. (In Russ.)
 16. Malinova O. Yu. Politics of memory as a branch of symbolic politics. *METHOD: Moscow Yearbook of Works from Social Sciences*. 2019. No 9. P. 285–312. (In Russ.)
 17. Malysheva S. Yu. “Soviet lubok” and “festive gingerbread”: power strategies for the cultural adaptation of early Soviet holidays. *Klio*. 2013. No 4 (76). P. 91–95. (In Russ.)
 18. Malysheva S. Yu. Memory operation: evolution of the historical mythology of the “November” holidays in Russia. *Perm University Herald. History*. 2019. No 1 (44). P. 138–147. DOI: 10.17072/2219-3111-2019-1-138-147 (In Russ.)
 19. Men’kov S. V. The Public holidays organization process in Altai in the second half of the 1950s – 1970s. *Issues of Social-Economic Development of Siberia*. 2017. No 2 (28). P. 107–112. (In Russ.)
 20. Nazukina M. V., Filippova E. Yu. “Republic Day” congratulatory discourse as a component of a regional identity policy: does ethnicity matter? *Ars Administrandi*. 2019. No 3. Vol. 11. P. 345–359. DOI: 10.17072/2218-9173-2019-3-345-359. (In Russ.)
 21. Popova V. A. Methodological aspects of the study of festive culture. *Time of culture in the regional space: Collection of articles*. (D. N. Maslyuzhenko, Ed.). Kurgan, 2010. P. 36–41. (In Russ.)
 22. Savitsky A. A. Images of power in the perception of the population of modern Karelia. *Karelia – Russia’s border region in the XX and XXI centuries: the formation and establishment of Karelia’s statehood within the USSR / Russia: Collection of reports at the International Research and Practice Conference Dedicated to the 100th Anniversary of Karelia’s Statehood (June 7–8, 2018, Petrozavodsk)*. Petrozavodsk, 2018. P. 109–114. (In Russ.)
 23. Syrov V. N., Golovashina O. V., Anikin D. A., Ovchinnikov A. V., Linchenko A. A. Conceptual foundations of memory policy and the perspectives of post-national identity. Tomsk, 2019. 224 p. (In Russ.)
 24. Takala I. R. Finns in Soviet Karelia and their contribution to the development of the republic (in the 1920s and the first half of the 1930s). *Finnish factor in the history and culture of Karelia of the XX century: Humanitarian research. Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, Institute of Language, Literature and History*. Issue 3. Petrozavodsk, 2009. P. 107–149. (In Russ.)
 25. Filimonchik S. N. Festive culture of Petrozavodsk in 1920s–1930s. *CARELiCA*. 2015. No 1 (13). P. 38–45. Available at: <http://carelica.petrus.ru/2015/PHILIMONCHIK.pdf> (accessed 30.06.2020) (In Russ.)
 26. Tsumarova E. Yu. The Day of the Republic of Karelia as celebration of Karelia’s statehood: from unity to utilitarianism. *Karelia – Russia’s border region in the XX and XXI centuries: the formation and establishment of Karelia’s statehood within the USSR / Russia: Collection of reports at the International Research and Practice Conference Dedicated to the 100th Anniversary of Karelia’s Statehood (June 7–8, 2018, Petrozavodsk)*. Petrozavodsk, 2018. P. 97–102. (In Russ.)
 27. Shumikhina L. A. Aesthetics of parades and demonstrations as festive rituals of the Soviet culture. *Cultural Studies. Theory and Practice of Social Development*. 2012. No 5. P. 203–208. (In Russ.)
 28. Lane C. The rites of rulers: ritual in industrial society: the Soviet case. Cambridge, 1981. 311 p.
 29. Schmidt S. J. Memory and remembrance: a constructivist approach. *Cultural memory studies: an international and interdisciplinary handbook*. (A. Erll, A. Nunning, Eds.). Walter de Gruyter GmbH & Co, 2008. P. 191–203.

Received: 2 July, 2020

АЛЕКСАНДР ЛЕОНИДОВИЧ ПОТРАВНОВ

независимый исследователь
проект Регионавтика
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
canonir7@gmail.com

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА ХМЕЛЬНИК

независимый исследователь
проект Регионавтика
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
regionavtica@gmail.com

ИСТОРИЯ ДОБЫЧИ ШОКШИНСКОГО КВАРЦИТА ДЛЯ САРКОФАГА НАПОЛЕОНА

Статья посвящена изучению истории добычи шокшинского кварцита (кварцитопесчаника) для изготовления саркофага Наполеона в Париже. Производится сравнение воспоминаний французского писателя Луи-Антуана Леузона Ле Дюка, которые часто используются в качестве главного источника информации по данной теме, со сведениями из архивных документов и ряда иных опубликованных материалов XVIII–XIX веков. В научный оборот вводится целый ряд ранее не публиковавшихся документов: текст Высочайшего изволения на добычу красного порфира, фрагменты переписки, связанной с подготовкой к получению разрешения на добычу камня, рапорты о выделении карьера в натуре, о нарушениях в ходе работ по добыче камня, об освидетельствовании блоков порфира, подготовленных к погрузке на судно, фрагменты переписки о выдаче заграничного паспорта Ивану Буютти и т. д. В результате анализа известных авторам сведений с высокой степенью достоверности реконструируется история добычи кварцита для саркофага Наполеона, весьма отличная от ранее опубликованных версий. Делается вывод о множестве неточностей, искажений и ошибок в воспоминаниях Леузона Ле Дюка, что переводит эти мемуары из источника документальных сведений в разряд художественного произведения. Кроме того, предлагается объяснение причинам расхождения данных о количестве вывезенного из России шокшинского порфира, содержащихся в разных источниках.

Ключевые слова: шокшинский порфир, саркофаг Наполеона, Шокша, кварцит, кварцитопесчаник, Онежское озеро, Буютти, Леузон Ле Дюк

Для цитирования: Потравнов А. Л., Хмельник Т. Ю. История добычи шокшинского кварцита для саркофага Наполеона // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 8. С. 85–92. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.558

ВВЕДЕНИЕ

Шокшинский кварцитопесчаник (кварцит, «шохан») стал широко известен в основном благодаря его применению в отделке различных достопримечательностей Санкт-Петербурга (Исаакиевский и Казанский соборы, Михайловский замок, памятник Николаю I, Чесменская колонна и т. д.) и Москвы (Мавзолей Ленина, Могила Неизвестного Солдата и т. д.). В некоторых случаях этот розово-красный шокшинский кварцитопесчаник ошибочно называют порфиром. Но такой термин по отношению к этому камню с точки зрения геологии неверен, поскольку порфирами называют кислые горные породы, имеющие особую структуру, а не цвет. Об этом отличии специалисты знали еще в середине XIX века¹, а путаница возникла из-за внешнего сходства шокшинского кварцитопесчаника с некоторыми древнеримскими изделиями из египетского

порфира. Именно это сходство и стало главной причиной, по которой французский архитектор Луи Висконти решил использовать шокшинский кварцитопесчаник для устройства гробницы Наполеона Бонапарта в Париже. Об этом факте упоминают уже более 150 лет практически все, кто пишет о Карелии в художественной, научно-популярной и научной литературе [1], [2], [6] и др. В последнее время появился ряд публикаций [3], [4], [5], [7], в которых значительное внимание этому событию было уделено с использованием опубликованных в 1873 году в Париже воспоминаний одного из участников этих событий – французского писателя Луи-Антуана Леузона Ле Дюка (Louis-Antoine Léouzon Le Duc)².

Использовать воспоминания, написанные спустя несколько десятилетий после происходящих событий в качестве главного источника фактов, – это всегда большой риск. Порой авторы

таких воспоминаний достаточно серьезно искажают то, что происходило в действительности, ошибаются в цифрах, датах, преувеличивают значимость своих действий и принижают роль других участников. В этой статье мы постараемся не только разобраться, насколько события, описанные Леузоном Ле Дюком, соответствуют сведениям из других источников, но и на основе архивных документов предложим наиболее вероятную трактовку того, как камень с берегов Онежского озера оказался во Франции.

ВЕРСИЯ ЛЕ ДЮКА

Для начала вкратце, без подробностей и отклонений от главного сюжета, изложим суть написанной Ле Дюком истории по его публикации 1873 года. Итак, у архитектора гробницы Наполеона Луи Висконти были серьезные проблемы с выбором камня для саркофага. Он хотел, по примеру древних римлян, использовать в убранстве этого монумента знаменитый порфир из Египта. Но старые выработки были давно утрачены, а новых месторождений найти не получалось. Единственный образец камня, который заинтересовал Висконти, были прислан в Париж из Санкт-Петербурга. Учитывая, что летом 1846 года Ле Дюк собирался в Россию и Финляндию, министр внутренних дел Франции поручил ему решить вопрос по добыче и переправке необходимого количества камня во Францию. Тот согласился. В конце августа 1846 года он уже оказался в Санкт-Петербурге³. Первым делом Ле Дюк посетил Горное ведомство, а затем, в середине осени, решил отправиться в поисках порфира не в Олонецкую губернию, а поближе, на остров Гогланд⁴. Вместе с инженером Бюатти он нашел на Гогланде много порфира, который не удовлетворил француза по цвету и однородности⁵.

После этой неудачи Ле Дюк и Бюатти отправились в Олонецкую губернию. Остановившись в деревне Игнатовская, они обследовали берега реки Свирь и Онежского озера, пока не нашли нетронутое месторождение с «порфиром» нужного качества⁶. Далее Ле Дюк долго пытался получить право на добычу этого камня, и только российский император Николай I дал такое разрешение. После монаршего соизволения инженер Бюатти организовал разработку открытого месторождения. Работы контролировал сначала Ле Дюк, а затем атташе французского посольства. Чтобы выбрать необходимые 15 кусков общим объемом 726 кубических футов (20,56 м³), было выломано более 200 блоков. Для обеспечения сходства отобранных камней по цвету и структуре выломанные блоки предварительно полировались прямо на месте⁷. Работы на карьере были завершены

осенью 1847 года, но транспортировка блоков во Францию из-за бури на Онежском озере перенеслась на следующий год⁸. Общие затраты на добычу, разведку и доставку, по оценке Ле Дюка, составили 200 000 франков. При этом Николай I освободил французов только от оплаты за право добычи камня стоимостью в 6000 франков⁹.

Ж. Туре и А. Г. Булах отмечают:

«В своей книге [Leouzon Le Duc, 1873], которую он написал несколько лет спустя после возвращения, Леузон Ле Дюк пытается показать, что он и есть истинный открыватель места нахождения шокшинского кварцита на основе консультаций, которые он получил в Императорской горной школе в Париже, а также от Норденшельда, генерального директора рудников в Финляндии» [4: 129].

Мы постараемся разобраться в этой истории с использованием данных из других источников — архивных документов и сведений из иных публикаций рассматриваемого периода. Для начала считаем необходимым коротко рассказать о добыче и использовании в России шокшинского кварцитопесчаника до 1846 года, чтобы лучше представлять контекст описываемых событий.

ИЗ ИСТОРИИ ДОБЫЧИ ШОКШИНСКОГО КАМНЯ ДО 1846 ГОДА

Песчаники и кварцитопесчаники на западном берегу Онежского озера стали известны российским специалистам как минимум с начала XVIII века. В письме Олонецкого коменданта и начальника Петровских, Повенецких и Кончезерских заводов Виллима Геннина, датированном 1714 годом, отмечается:

«Из помянутого дворового числа: Оштинского погоста Рыбарекой, и Гиморекой, Остречинского Шокшенской и Шелтозерской волостей на крестьян на 140 дворов положено ломать и грузить в карбасы камень к домам, на Петровской и Повенецкой заводы»¹⁰.

То есть в письме упоминаются населенные пункты на юго-западном берегу Онежского озера и указывается, что крестьянам необходимо возить некий камень к заводским домам. Что за камень и для каких целей он был нужен Геннину, можно узнать из книги академика Озерецковского в описании места добычи «брусинского» (брусенского) камня, которое он посетил в 1785 году: «...употребляют его в Петрозаводске на железоплавильные печи или домны, в которых он несравненно дольше жар выдерживает, нежели всякий кирпич»¹¹. О таком же назначении этих камней (песчаников) с берегов Онежского озера писал и Земляничин спустя почти 100 лет:

«По местонахождению, по употреблению и по трудности обтески, песчаник получил здесь различ-

ные названия. Так называют его порфиром... горновым камнем – вследствие употребления его для лещадей и футеровки доменных печей... Названия же от мест добычи: Каменоборский, Пухтинский, Бруснинский и Шокшинский. <...> Добываемый здесь (близ р. Шокша. – А. П., Т. Х.) песчаник имеет красноватый цвет и лежит слоями, между которыми попадаются имеющие темнокрасный цвет и весьма мелкое зерно, вследствие чего они пользуются наибольшею популярностью»¹².

Но не только для домен и форм использовали шокшинский кварцитопесчаник. Начиная с 1768 года, когда приняли решение строить новый Исаакиевский собор, было заготовлено и доставлено в Санкт-Петербург значительное количество шокшинского камня («шохана»). Исходя из составленной в 1802 году ведомости остатков мрамора и других камней, 361 кусок «шокшинского порфира» был принят по описи у архитектора Винченцо Бренны и находился на складе около собора¹³. Кстати, именно из запасов, предназначенных для нужд Исаакиевского собора, шокшинский «порфир» был использован Бренной при отделке Михайловского (Инженерного) замка. Для строительства Казанского собора основное количество шокшинского камня было добыто на новом месторождении темно-бурого слоистого «шохана», расположенного в 10 верстах от старого и в 300 метрах от берега Онежского озера. Ломка эта называлась № 17 «Шокшенская слоистая»: «Камень лежит горизонтально, слоями каждые находятся толщиной от 1-го до 3 вершков, а толщиной все слои составляют 12 вершков...»¹⁴.

В 1816 году два месторождения шокшинского камня на берегу Онежского озера уже официально числились в составе Тивдийских мраморных ломок. На одном из них (№ 16) добывался камень «цветом малиновый с белинками пятнышками»¹⁵.

В 1844 году шокшинские карьеры и другие месторождения Тивдийских мраморных ломок были переданы по контракту отставному капитану Дершау, который и обязался обеспечить выломку необходимого количества мрамора и шокшинского камня (шохана) для отделки Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге. В августе 1845 года на этой ломке работало 35 каменотесов и 40 чернорабочих¹⁶. Никакого завода по обработке или распиловке блоков на этих карьерах не отмечалось, а работы продолжались исключительно в теплое время года. На зиму рабочие отпускались по домам¹⁷.

Таким образом, к моменту прибытия Леузона Ле Дюка в Санкт-Петербург российские чиновники хорошо знали, где и в каком количестве добывается шокшинский камень и кто имеет право

это делать. Кроме того, специалисты из Горного ведомства понимали, чем песчаник (именно так шокшинский кварцитопесчаник тогда определяли в России) отличается от порфиров и гранитов¹⁸.

ПОДГОТОВКА К ДОБЫЧЕ ПОРФИРА ДЛЯ ГРОБНИЦЫ НАПОЛЕОНА

Один из первых документов, связанных с историей добычи шокшинского кварцита для гробницы Наполеона, который нам удалось найти в российских архивах, датирован 16 ноября 1846 года. Это письмо из Гоф-интендантской конторы Министерства Императорского двора в Комиссию Высочайше утвержденную о построении Исаакиевского собора, в котором задается один вопрос: можно ли на Тивдийских мраморных ломках беспрепятственно выломать «крепкого Шохана до 90 кубических аршин» (до 32 кубометров)¹⁹. Достаточно быстро, через 11 дней, Комиссия направила аналогичный запрос в адрес капитана Дершау, который работал на этих ломках по контракту. Весьма подробный и информативный ответ капитана Дершау, где сообщается, что в 1846 году он поставил все положенное количество «шоханского порфира» для Исаакиевского собора, датирован 8 декабря 1846 года. Кроме того, Дершау писал, что, поскольку при обработке этих блоков в Санкт-Петербурге могут возникнуть претензии по качеству, то:

«...не вывез принадлежащий мне инструмент, ремонтировал казарму и кузницу и даже отвалил от горы несколько больших масс порфира. Следовательно допустить работать другому лицу не только в том месте но даже в смежности послужили бы для меня помешательством в работе. При сем честь имею присовокупить, что если предполагаемая выломка требует штук больших измерений, то кроме вышеуказанных неудобств в работе, предполагаемая выломка легко может истощить брешь, так что когда потребуются для украшения Исаакиевского собора штуки больших размеров, то как добытие их будет уже сопряжено с большими затруднениями, то необходимо и ценность штук больших размеров значительно увеличить»²⁰.

Из этого документа мы можем сделать несколько важных выводов. Во-первых, вероятнее всего, в октябре 1846 года на Шокшинских ломках побывали с изучением их возможностей по добыче порфира нужного качества и размеров инженер Бюатти и, возможно, Ле Дюк. Мы не сомневаемся, что Висконти сделал подробный расчет и указал, наряду с прочими характеристиками камня, нужные габариты блоков. Поэтому Дершау и пишет о постороннем подрядчике и о «штуках» порфира больших размеров. В письме из Министерства этих сведений со-

общено не было. На наш взгляд, о таких подробностях Дершау мог узнать только от потенциальных заказчиков. Во-вторых, из этого ответа ясно, что на ломках не было никаких помещений и механизмов для распиловки и шлифовки порфира, поскольку чистовая отделка камня происходила в Санкт-Петербурге. Как только письмо было получено в Комиссии, то его практически сразу перенаправили в Министерство Императорского двора. Менее чем через месяц, 5 января 1847 года, из Министерства в адрес Комиссии было отправлено письмо, подписанное министром Императорского двора князем П. М. Волконским:

«Государь Император Высочайше повелеть изволил: три кубических сажени красного порфира, потребного на сделание памятника Наполеону саркофага дозволить Гидротекту, дворянину Буютти выломать на Тивдийских мраморных ломках с тем, чтобы он производил сию выломку в разстоянии 30-ти сажень от бреши, по заготовке мрамора для Исаакиевского собора; Равно дозволить Буютти устроить и предположенную им на тех же ломках пристань. Денег же за право выломки мрамора не брать»²¹.

Этот документ позволяет нам разобраться во многих противоречиях, которые встречаются в различных публикациях, включая воспоминания Ле Дюка. Итак, во-первых, разрешение на добычу камня выдано на имя Буютти, хотя в своих воспоминаниях Ле Дюк писал, что оно было выдано ему. Во-вторых, в документе точно указан разрешенный к выломке объем камня – 3 кубических сажени, то есть 29 кубометров. О несоответствии этого объема с данными других источников мы поговорим несколько позже. В-третьих, пожелания капитана Дершау не мешать его работам на уже существующем карьере были частично услышаны: место добычи решили сделать рядом, всего в 64 метрах от активно эксплуатирующейся выработки («бреши»). В-четвертых, речь идет об устройстве пристани, предложенной Буютти, для отгрузки готового камня на судно. Исходя из всех этих подробностей, а также письма Дершау, становится понятно, что Буютти осматривал Шокшинские ломки и даже подготовил предварительный проект добычи и вывоза камня, который учитывал бы особенности месторасположения карьера.

Таким образом, история, описывающая подготовку и получение разрешения на добычу порфира, которую представил в своей книге Ле Дюк, плохо соотносится со сведениями из архивных документов. Встретиться со специалистами Горного ведомства, обследовать «в середине осени» (Nous étions en plein automne)²² о. Гогланд, провести изучение берегов Свири и Онежского озера в поисках месторождения порфира и на все это

потратить два месяца (сентябрь и октябрь), на наш взгляд, было нереально – только на одну дорогу могло уйти более месяца (Шокшинский карьер находится на расстоянии около 400 километров от Санкт-Петербурга). По нашему мнению, все происходило несколько иначе: по предварительной договоренности и разрешению Буютти приехал на действующий казенный карьер, пообщался со специалистами, выяснил, где и как удобнее добывать камень, подготовил проект, после чего и направил прошение на добычу камня на уже разрабатываемом месторождении. Сроки получения разрешения оказались весьма сжатыми: от официального запроса Гоф-интендантской канторы о возможности добычи камня в указанном месте до получения Высочайшего соизволения прошло всего полтора месяца.

В статье, посвященной этой истории, Ж. Туре и А. Г. Булах, изучая документы французских архивов, отмечают существенную деталь. В 1849 году, когда с Буютти стали требовать оплату пошлины за ввоз блоков камня на территорию Франции, он в своих письмах вспоминал контракт стоимостью 200 000 франков на доставку необходимого количества камня во Францию, который был заключен в Санкт-Петербурге между инженером и Ле Дюком. При этом почти 3/4 от указанной суммы Буютти получил сразу в России, а остаток – 43 000 франков – ему должны были выплатить после доставки камня в Париж [4: 132]. В таком случае получение Высочайшего изволения о добыче порфира на имя Буютти вполне логично, поскольку, скорее всего, к этому времени у него уже был заключен контракт с французским правительством, со всеми прописанными условиями, правами и обязательствами. Так что роль и место Леузона Ле Дюка в этой истории, по нашему мнению, скорее, сводились лишь к обеспечению заключения этого правительственного контракта.

Итак, разрешение на добычу камня было получено, и 12 февраля 1847 года в Петрозаводске австрийский подданный Иван Буютти подписал контракт на выломку «шоханского порфира» с горнозаводским крестьянином Петрозаводского уезда Рыборецкого мирского общества деревни Игнатовской Василием Ивановым Лониным²³.

ДОБЫЧА, ВЫВОЗ И... КОНТРАБАНДА?

Зимой работы по добыче камня не велись, поэтому все ждали весны. 5 апреля 1847 года Главный смотритель Тивдийских мраморных ломок А. Неуймин выехал в Шокшу для отвода места добычи, а 16 апреля доложил:

«...Отведено мною место контрагенту дворянина Буютти крестьянину Василию Лонину для выломки крас-

ного порфира, разстоянием от прежде разработанной ломки в 30-ти саж. в чем взята с Лонины подписка»²⁴.

Судя по этому документу, работа по добыче порфира началась во второй половине апреля. Практически через месяц, 18 мая, капитан Дершау подал в Санкт-Петербург прошение, в котором указал, что порфир ломается не рядом, а в его, капитана, бреши, где и добыто таким незаконным способом «пять кабанов»²⁵.

В начале июня Буйтти срочно прибыл на карьер разбираться с этим вопросом и запретил Лонину работать в ненадлежащем месте. Вместе с Буйтти в Шокшу приезжал и чиновник французского посольства г-н Казинир. Они вместе осмотрели результаты работы Лонины и отметили, что штуки, добытые на чужой ломке, не подходят для отправки во Францию. Казинир уезжает обратно в Санкт-Петербург, а Буйтти, отстранив Лонины, остается лично руководить работами. 10 июня по указанию из Санкт-Петербурга для выяснения проблем с нарушением места добычи на карьер приезжал Неуймин. Результат расследования подробно представлен в его рапорте, в котором он отмечал, что нарушения уже не повторяются, а выломанные в непопущенном месте блоки во Францию не повезут. В результате (возможно, не без подачи Буйтти) Неуймин приходит к выводу, что «капитану Дершау от этой выломки кроме видимых выгод никакого ущерба не сделано»²⁶. После этого Буйтти, с письменного согласия Дершау и Гоф-интендатской конторы, стал добывать кварцит в другом месте.

К сентябрю 1847 года необходимое количество камня соответствующего качества было выломано, и для освидетельствования на карьер снова приезжает Неуймин. Рапортом от 16 сентября 1847 года он докладывает в столицу, что Буйтти подготовил к погрузке 3 кубических сажени в 20 штуках разной величины. На возмещение затрат по проезду из Тивдии в Шокшу для контроля за выполнением указанных работ Неуймину требуется выплатить 69 рублей 30 копеек²⁷. Размеров обследованных блоков в этом рапорте нет. Но, по данным капитана Корпуса горных инженеров Комарова, опубликованным всего спустя 4 года, самый большой блок был 4,62 м в длину, 2,49 м в ширину и толщиной 1 м. Кроме этого, среди крупных камней он отмечал два блока длиной 4,26 м в длину, 1,42 м в ширину и толщиной 0,53 м²⁸.

Обратимся еще раз к воспоминаниям Ле Дюка, в которых он утверждал: чтобы подобрать камень по цвету, его полировали на месте добычи²⁹. Если это делалось, то могли ли за столь короткий период времени проверить 200 блоков? В работе Туре и Булаха приводятся сведе-

ния, что, по оценке французских специалистов, «для подготовки плоской поверхности площадью в 3,91 м² потребуется 115 рабочих дней при разрушении 3103 головок инструментов» [4: 133], и это только подготовка, а не сама полировка! Полная же обработка и полировка привезенного из Шокши камня для гробницы с использованием специального оборудования и машин заняла во Франции 2 года! Так что и в этом эпизоде о полировке и выборе 15 кусков камня, рассказанном Ле Дюком, мы не находим никаких подтверждений слов рассказчика.

В сентябре 1847 года для вывоза подготовленных блоков в Санкт-Петербург был зафрахтован специальный корабль. 19 сентября на него стали грузить небольшие куски порфира. 20 сентября началась серьезная буря на Онежском озере, судно прибило к берегу и оно дало течь. Немедленно начали выгрузку камней. К окончанию бури, 24 сентября, корабль оказался почти полностью разрушен³⁰. Буйтти срочно заказал новое судно, и 14 октября судовладелец Ольшев отважился обеспечить перевозку блоков. Однако навигация уже заканчивалась, и загруженное судно Ольшева встало на зимовку в истоке Свири в Вознесенской пристани³¹. После зимовки судно с порфиром пришло в Санкт-Петербург в летнюю навигацию 1848 года, но дальше во Францию груз не отправился. Этому помешали неожиданные для всех обстоятельства. О том, что произошло, мы узнаем из письма вице-губернатора Олонецкой губернии от 9 июля 1848 года³². В этом документе рассказывается, что 27 февраля 1848 года крестьянин Лонин подал в Петрозаводский уездный суд прошение «об удовлетворении от австрийского подданного Буйтти за выломку и обделку камня». В доказательство этого он приложил один счет на сумму 1029 рублей 30 копеек. Уездный суд не стал вызывать Буйтти, а сразу принял интересное решение – разослал команду «приарестовать груз». То есть не изъять, не арестовать, а просто не выпускать с корабля и не выпускать за границу. По мнению Губернского правления, оснований для запрета и ареста не было. Во-первых, выяснилось, что показанный Лониным счет был за инструменты, а не за работы. Во-вторых, арест движимого имущества зависит от Губернского правления. В результате олонецкие власти решили, что:

«по не имению законных оснований к заарестовыванию доставляемого иностранцем Буйтти в Париж для саркофага Наполеона камня... по доставлении означенного камня в С-Петербург на судне крестьянина Ольшева, в передаче оного иностранцу Буйтти не было чинимо препятствия»³³.

Итак, последние препятствия отпали. Для дальнейшей отправки груза в Гавр было зафрахтовано ходившее под российским флагом судно «Герман» (шкипер Ларсен), которое, по данным газеты «Олонецкие губернские ведомости», отправилось в плавание 21 августа 1848 года³⁴. Затем Иван Буютти обратился в правительственные органы с просьбой о получении разрешения выехать в Париж. 9 сентября 1848 года из канцелярии Управления С.-Петербургского военного генерал-губернатора на имя министра внутренних дел под грифом «секретно» был направлен соответствующий запрос:

«Дворянин Иван Буютти, отправляющийся в Париж для доставления лично по заключенному с тамошним Правительством контракту красного порфира для памятника Наполеона, обратился ко мне с просьбой о снабжении его заграничным паспортом для отъезда во Францию сроком на шесть месяцев, представив установленные законом документы»³⁵.

Уже 21 сентября из департамента полиции Министерства внутренних дел был дан ответ за подписью графа Л. А. Перовского:

«Государь Император по всеподданейшему докладу моему просьбы дворянина Ивана Буютти об увольнении его в Париж на шесть месяцев для доставления по заключенному контракту красного порфира для надгробного памятника Наполеону, изъявил на сие Высочайшее соизволение, но с тем, что бы по возвращении Буютти взять под особый надзор. Сообщая о сей Монаршей воле Вашему Высокопревосходительству в ответ на отношение Ваше от 9 сего сентября я имею честь препроводить при сем к Вам Милостивый Государь заграничный паспорт №147 покорнейше прося приказать выдать оный г. Буютти на законном основании»³⁶.

Это письмо из министерства подтверждает существование контракта на поставку порфира между Иваном Буютти и французским правительством. Также весьма интересными оказываются указания о необходимости обеспечить надзор. Безусловно, что это было связано с происходившими во Франции, Баварии, Пруссии и Австрийской империи революционными событиями и усилением цензуры в России. Опасения, что Буютти после своей поездки может оказаться распространителем нежелательной для российского правительства информации, безусловно, у чиновников были. О том, как реализовывалась эта императорская воля, можно узнать из рапортов на имя министра внутренних дел от военных генерал-губернаторов приграничных губерний. Вот один из них, датированный 2 октября 1848 года, также с грифом «секретно»:

«Вследствие объявленного в отношении Вашего Высокопревосходительства от 20 сентября № 205 Высочайшего повеления я сделал вместе с сим распоряжение

к учреждению особого надзора за дворянином Буютти, в случае, если он будет возвращаться из-за границы чрез управляемые мною губернии»³⁷.

Далее, судя по работе Туре и Булаха [4: 132], у Ивана Буютти возникли серьезные трудности уже во Франции. Именно по прибытии порфира в Париж вдруг выясняется одна очень важная особенность. Мы уже писали, что по российским документам Иван Буютти получил право на бесплатную добычу и вывоз 29 кубометров шокшинского порфира. Главный инспектор Тивдийских ломов Александр Неуймин своим рапортом подтверждал то же самое количество подготовленного к отправке камня; никаких других документов о покупке или отпуске для Буютти каких-либо дополнительных объемов шокшинского порфира или иного камня мы не встретили. Но во Франции речь шла уже о совершенно другом количестве прибывшего порфира – о 29 блоках суммарным объемом в 38 кубометров! На наш взгляд, такое расхождение в количестве может говорить только об одном – о незаконном вывозе, по сути, контрабанде 9 кубометров дорогостоящего камня. Во Франции это несоответствие выявилось и, вполне возможно, что проблемы с таможенными платежами во Франции были связаны как раз с расхождением фактического объема привезенного порфира с количеством, указанным в сопровождающих документах. Очевидно, что этот момент требует дополнительного изучения французских архивных документов.

После долгих препирательств таможенные платежи Буютти оплатил, а излишки порфира продал по минимальной цене [4: 132]. Гробницу для Наполеона в Париже сделали, но для многих французов сам факт использования для саркофага знаменитого императора камня из России вызвал явное неудовлетворение. Например, архитектор и археолог Александр Альберт Ленуар, признавая удивительную красоту гробницы из красного кварцевого песчаника, искренне сожалел, что этот камень пришлось привезти именно из России, а не из любой другой страны³⁸. Вполне возможно, что именно по этой причине во Франции предпочитают говорить, что камни для саркофага были привезены из Финляндии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, наше предположение о том, что к воспоминаниям Луи-Антуана Леузона Ле Дюка нельзя относиться как к серьезному документальному свидетельству, подтвердилось: слишком много оказалось в них фантазий и нестыковок. Мы не сомневаемся в том, что автор принимал участие в истории, связанной с шокшинским кварцитом для гробницы Наполеона. Возможно, что он даже

посещал карьер на берегу Онежского озера, где добывался этот камень.

К сожалению, произведение французского писателя, посвященное добыче шокшинского порфира в России, спустя 140 лет было воспринято как единственное документальное свидетельство очевидца, что привело к невольному искажению событий прошлого в некоторых статьях уважаемых авторов [3], [4] [5], [7]. Мы в свою очередь считаем, что сведения, содержащиеся во введенных нами в научный оборот документах из Российского государственного исторического архива (РГИА) оказываются намного информативнее, интереснее и поучительнее мемуаров, опубликованных спустя 25 лет после описываемых событий.

Российский император весьма благородно позволил без каких-либо платежей в российскую

казну добыть и вывезти редкий камень для гробницы иностранного монарха, ранее нанесшего России серьезный ущерб. Судя по всему, не все оценили этот широкий жест самодержца. Более того, устройство гробницы для бывшего императора стало для многих попыткой нажиться на этом событии: австрийский подданный и дворянин Иван Бюатти продавал контрабандные излишки, французское правительство взимало с камня пошлины и налоги, российские чиновники закрывали глаза на происходящие нарушения, а Луи-Антуан Ле Дюк рассказывал сказки.

Время идет, история забывается, но жители Карелии до сих пор искренне гордятся тем, что именно камень с берегов Онежского озера стоит в центре Парижа, надежно укрывая тело знаменитого императора, «непобедимая» армия которого была разгромлена в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Albert Lenoir. Le tombeau de Napoléon premier aux Invalides, Paris, 1855. P. 22 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k96340025> (дата обращения 03.03.2020).
- ² Léouzon Le Duc L. Le sarcophage de Napoléon en son tombeau des Invalides. Paris, 1873 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k114587g> (дата обращения 03.03.2020).
- ³ Ibid. P. 13.
- ⁴ Ibid. P. 18.
- ⁵ Ibid. P. 24.
- ⁶ Ibid. P. 28.
- ⁷ Ibid. P. 35–36.
- ⁸ Ibid. P. 39.
- ⁹ Ibid. P. 35.
- ¹⁰ Материалы для истории казенного горного дела в Олонецком крае (из писем Виллима Ивановича Геннина). Петрозаводск, 1902. С. 28–29.
- ¹¹ Озерецковский Н. Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. СПб., 1792. С. 160.
- ¹² Земляничны М. Обзор месторождений полезных ископаемых в Олонецкой губернии и их эксплуатация // Олонецкий сборник. Вып. 1. 1876. С. 42–43.
- ¹³ РГИА. Ф. 470. Оп. 1. Вн. оп. 80/514. Д. 25. Л. 13.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 18. Л. 57.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 18. Л. 56.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1356. Л. 135.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1356. Л. 151.
- ¹⁸ Горный словарь, составленный Григорием Спасским обер-берггауптманом 5 класса и Кавалером, Императорской С.-Петербургской академии наук корреспондентом и разных ученых обществ членом. Часть вторая. О–С. М., 1842. С. 89.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1399. Л. 140.
- ²⁰ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1399. Л. 142–143.
- ²¹ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1399. Л. 146.
- ²² Léouzon Le Duc L. Le sarcophage de Napoléon en son tombeau des Invalides. Paris, 1873. P. 18 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k114587g> (дата обращения 03.03.2020).
- ²³ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1399. Л. 151.
- ²⁴ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1399. Л. 150.
- ²⁵ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1399. Л. 152. (Кабаном называли большой кусок отламываемого от скалы камня, который затем подлежал дальнейшей обработке.)
- ²⁶ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1399. Л. 157–158.
- ²⁷ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1399. Л. 161.
- ²⁸ Комаров. О строительных материалах Олонецкой губернии // Горный журнал. 1851. № 10. С. 89.
- ²⁹ Léouzon Le Duc L. Le sarcophage de Napoléon en son tombeau des Invalides. Paris, 1873. P. 35–36 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k114587g> (дата обращения 03.03.2020).
- ³⁰ Олонецкие губернские ведомости. № 43 от 23.10.1847 г.
- ³¹ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1399. Л. 167.
- ³² РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1399. Л. 167–168.
- ³³ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1399. Л. 168.

- ³⁴ Олонецкие губернские ведомости. № 7 от 17.02.1849 г.
³⁵ РГИА. Ф. 1286. Оп. 11 (1848 г.) Д. 286. Л. 1.
³⁶ РГИА. Ф. 1286. Оп. 11 (1848 г.) Д. 286. Л. 4.
³⁷ РГИА. Ф. 1286. Оп. 11 (1848 г.) Д. 286. Л. 9.
³⁸ Albert Lenoir. Le tombeau de Napoléon premier aux Invalides, Paris, 1855. P. 23–24 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k96340025> (дата обращения 03.03.2020).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зискинд М. С. Декоративно-облицовочные камни. Л., 1989. 254 с.
2. Осколков В. А. Облицовочные камни месторождений СССР: Справочное пособие. Второе издание. М., 1991. 272 с.
3. Таньшина Н. П., Борисенко Ю. А. Саркофаг Наполеона из «русского порфира» // Родина. 2018. № 5. С. 105–109.
4. Туре Ж., Булах А. Г. Из Шокши в Париж. История поиска, добычи, доставки и обработки камня для саркофага Наполеона // Труды Карельского НЦ РАН. Сер. Геология докембрия. 2016. № 10. С. 127–134.
5. Туре Ж., Булах А. Г. Цветной камень гробницы Наполеона в Париже: искусство, геология, география // Вестник СПбГУ. Науки о Земле. 2017. Т. 62. Вып. 1. С. 20–30. DOI: 10.21638/11701/spbu07.2017.102.
6. Шеков В. А. Палитра карельского камня. Петрозаводск, 2006. 95 с.
7. Bulakh A., Touret J. Shoksha quartzite, a heritage stone of international importance from Russia // Geological Society, London, Special Publications. Vol. 486. Global Heritage Stone: Worldwide Examples of Heritage Stones. 2020. P. 295–304.

Поступила в редакцию 10.03.2020

Aleksander L. Potravnov, Independent Researcher, Regionavtica Project (St. Petersburg, Russian Federation)
 canonir7@gmail.com

Tatiana Yu. Khmelnik, Independent Researcher, Regionavtica Project (St. Petersburg, Russian Federation)
 regionavtica@gmail.com

HISTORY OF MINING SHOKSHA QUARTZITE FOR NAPOLEON'S SARCOPHAGUS

The article studies the history of mining Shoksha quartzite sandstone (quartzite) for the tomb of Napoleon Bonaparte in Paris. The authors compare the memoirs of a French writer Louis-Antoine Leuzon Le Duc, which are widely used as the main source of information on this topic, with the information from archival documents and a number of other published materials of the XVIII and the XIX centuries. A number of previously unpublished documents are introduced into scientific circulation, including the text of the Highest Permission for Extraction of Red Porphyry, fragments of correspondence dealing with the preparation for obtaining a permit for the quarrying, reports on allocating a site for a quarry, on violations during the quarrying, and on examining the porphyry blocks prepared for shipment, fragments of correspondence dealing with the issuance of a foreign passport to Ivan Buyatti, etc. The analysis of information known to the authors enables them to reconstruct, with high certainty, the history mining quartzite for Napoleon's sarcophagus, which turns out to be very different from previously published versions. Therefore, the authors draw a conclusion that there are many inaccuracies, distortions and errors in Leuzon Le Duc's memoirs, which makes them a piece of literary fiction, rather than a source of documentary information. The authors also offer an explanation of the discrepancies between the amounts of Shoksha porphyry exported from Russia given in different sources.

Keywords: Shoksha porphyry, sarcophagus of Napoleon, Shoksha, quartzite, quartzite sandstone, Onega Lake, Buyatti, Leuzon Le Duc

Cite this article as: Potravnov A. L., Khmelnik T. Yu. History of mining Shoksha quartzite for Napoleon's sarcophagus. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 8. P. 85–92. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.558

REFERENCES

1. Ziskind M. S. Ornamental facing stones. Moscow, 1989. 254 p. (In Russ.)
2. Oskolkov V. A. Facing stones of the USSR deposits: Reference book. Moscow, 1991. 272 p. (In Russ.)
3. Tan'shina N. P., Borisenok Yu. A. The sarcophagus of Napoleon made from "Russian porphyry". *Rodina*. 2018. No 5. P. 105–109. (In Russ.)
4. Touret J., Bulakh A. G. From Shoksha to Paris (the history of quarrying, transportation and carving stone for the sarcophagus of Napoleon). *Proceedings of Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Precambrian Geology Series*. 2016. No 10. P. 127–134. (In Russ.)
5. Touret J., Bulakh A. G. Ornamental stones of the Napoleon tombstone (Paris): art, geology, and geography. *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*. 2017. Vol. 62. Issue 1. P. 20–30. DOI: 10.21638/11701/spbu07.2017.102. (In Russ.)
6. Shekov V. A. Karelian stone palette. Petrozavodsk, 2006. 96 p. (In Russ.)
7. Bulakh A., Touret J. Shoksha quartzite, a heritage stone of international importance from Russia. *Geological Society, London, Special Publications*. Vol. 486. Global Heritage Stone: Worldwide Examples of Heritage Stones. 2020. P. 295–304.

Received: 10 March, 2020

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ БОЧКАРЕВ

аспирант сектора истории Института языка, литературы и истории

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»

(Петрозаводск, Российская Федерация)

alexander.bochkariov@yandex.ru

КОНФЛИКТЫ ОЛОНЕЦКИХ СОЛДАТ С ВОИНСКИМ КОМАНДОВАНИЕМ: МЯТЕЖ 1662 ГОДА*

Исследуется бегство со службы солдат олонецких полков «нового строя» в летне-осенний период 1662 года. Изучаемое время на фоне более чем полутора десятков лет истории олонецких полков выделяется беспрецедентными масштабами дезертирства. Цель работы – рассмотреть, как обострение конфликта солдат с воинским командованием отразилось на масштабах дезертирства. Вопрос впервые исследуется на базе используемого в статье комплекса источников. Актуальность обуславливается выявлением зависимости поведения солдат от условий прохождения службы. В ходе построения исторического нарратива применялись историко-генетический и сравнительный методы. В результате исследования удалось выяснить, что основными причинами бегства солдат со службы явились тяжелое положение на фронтах Русско-польской войны (1654–1667), высокая степень безвозвратных потерь на северо-западном направлении боевых действий, жесткая мобилизационная политика, развивающийся экономический кризис и перебои с поставками продовольствия. Отправной точкой череды массовых побегов солдат олонецких полков послужил мятеж в полку Иоганна Трейдена 1 июня 1662 года во время дислоцирования подразделения в Пскове. В результате летних и осенних побегов олонецкие полки «нового строя» лишились значительной части рядового состава. Властям так и не удалось до конца решить проблему дезертирства.

Ключевые слова: олонецкие полки «нового строя», дезертирство, Иоганн Трейден, мятеж, Новгородский разрядный полк, Русско-польская война 1654–1667 годов

Для цитирования: Бочкарев А. С. Конфликты олонецких солдат с воинским командованием: мятеж 1662 года // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 8. С. 93–100. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.553

ВВЕДЕНИЕ

Одной из самых чувствительных проблем армий раннего Нового времени являлось дезертирство. Этим бичом были поражены как западноевропейские войска, так и российские вооруженные силы. Рассматриваемый период является наиболее конфликтным во взаимоотношениях солдатского населения и командования Новгородского разрядного полка. В этом отношении в истории олонецких полков «нового строя» особенно выделяется лето и осень 1662 года, когда произошло резкое увеличение масштабов дезертирства¹.

История беглых солдат русской армии XVII века изучена недостаточно. Основные этапы военного строительства и проблемы создания полков «нового строя» описывали в своих фундаментальных работах Е. А. Разин [8] и А. В. Чернов [10]. Напрямую проблеме дезертирства уделил внимание А. В. Малов [5]. При изучении процесса формирования в Москве первых солдат-

ских полков автор описывает сложности в наборе подразделений в связи с повсеместным уклонением от службы. О. А. Курбатов [4] исследовал проблемы комплектования Новгородского разрядного полка в начале 1660-х годов, связанные с тяжелым положением на фронтах и большими масштабами «нетства» (уклонения от воинской службы). Упомянем и о монографии К. В. Базилевича², посвященной денежной реформе царя Алексея Михайловича. В своей работе автор, кроме всего прочего, рассматривал связь между обесцениванием медных денег и катастрофическим падением дисциплины в армии, вплоть до угрозы бунта. Что касается территории Карелии, то вопросы создания, управления и комплектования олонецких полков «нового строя» исследовались А. Ю. Жуковым [3]. Вопросам, связанным с местом иностранцев-офицеров в российском обществе, и проблемам их адаптации уделили внимание Т. А. Опарина [7] и А. С. Рыжков [9].

Кроме того, Р. Б. Мюллер [6] и Д. В. Брусницына [2] (касавшаяся наряду с А. С. Рыжковым роли и места иноземных офицеров в структуре русской армии [1]) рассматривали проблему бегства олонецких солдат сквозь призму положения крестьянства в феодальной системе России XVII века. Они также показали, как организация поселенного войска отразилась на уровне благосостояния карельских крестьян.

Недостаточно проясненным остается ряд вопросов, связанных с отношением солдат к реалиям воинской службы, в частности: каким образом они реагировали на те или иные действия командования; как обстановка на театрах боевых действий влияла на солдатское сообщество олонецких полков «нового строя». В данной статье на примере бунта в полку Иоганна (Ягана) Трейдена 1 июня 1662 года мы рассмотрим, как эскалация конфликта солдат с властями спровоцировала рост масштабов уклонения от воинской службы. В том числе будут проанализированы причины, ход и последствия мятежа и беспорядков в полку в летние и осенние месяцы 1662 года. Это также позволит понять мотивы действий беглых солдат в условиях непростой обстановки в войсках и экономического кризиса в России.

Документальной базой исследования являются материалы Российского государственного архива древних актов (РГАДА), прежде всего фонда Разрядного приказа³, где содержатся документы, касающиеся сыска беглых служилых людей Новгородского разрядного полка. Немаловажными являются и бюджетные сметы олонецких полков⁴, по которым можно восстановить офицерский состав подразделений. Также привлечены документы Олонецкой воеводской избы⁵ из научного архива Санкт-Петербургского института истории РАН, где нас интересуют дела, связанные с солдатскими преступлениями. Важным источником являются опубликованные материалы⁶.

ОРГАНИЗАЦИЯ СЛУЖБЫ ОЛОНЕЦКИХ ПОЛКОВ «НОВОГО СТРОЯ»

В процессе военного строительства 30-х годов XVII века началось осуществление военных реформ, ключевым условием которых являлось усиление темпа перехода к постоянной армии. Реформы были вызваны потребностями внутренней и внешней политики, изменяющимися требованиями тактики военных действий, отчасти связанными с возросшей ролью огнестрельного оружия. Созданная форма военной организации получила название полков «нового строя». На этапе развертывания боевых единиц правительство опиралось на милиционно-территориальный

метод комплектования ряда подразделений, суть которого заключалась в том, что военная служба проходила вблизи от мест жительства солдат и почти без отрыва от гражданской жизни. Главной целью введения милиционной системы являлась организация охраны границ. Впервые такая мобилизация осуществлялась в 1642–1648 годах в ряде южных уездов, в том числе Воронежском, Лебедянском и Севском, крестьяне которых были записаны в драгунскую службу [8: 212–214], [10: 138–139].

В 1647–1649 годах подобные мероприятия развернулись и в Карелии, где была проведена военная реформа. Ее сутью являлось создание из местных крестьян, которые как никто другой были заинтересованы в защите от шведов, солдатских и драгунского полков для охраны русско-шведской границы. Полки вновь созданного Олонецкого уезда комплектовались за счет способных платить налоги крестьян в возрасте от 20 до 50 лет с условием освобождения от налоговой нагрузки (в бюджетной смете за 1650 год написано, что «тех данных и оброчных денег с нынешнего 158 году с Олонца и з Заонежских погостов с крестьян, которые написаны в салдаты для салдацкие службы, имать не велено»⁷) и обязательством снабжения продовольствием из собственных хозяйств [3: 206]. В 1649 году для обучения крестьян солдатскому и драгунскому строю в Заонежские погосты были направлены нанятые правительством несколько десятков иностранных военных специалистов, которые должны были проводить постоянные учения, смотры, нести службу в пограничных крепостях вместе со своими подразделениями и по мере необходимости участвовать в боях⁸. Со временем на офицерские должности стали назначать и русских [3: 207].

С началом Русско-польской (1654–1667), а затем Русско-шведской войны (1656–1658) первоначальная практика пограничной службы олонецких полков вдоль шведской границы была дополнена отправкой солдат и драгун в действующую армию⁹. При этом призыв осуществлялся только на четыре месяца в году, благодаря чему риск погибнуть был меньше, крестьянские хозяйства не оскудевали, так как служба происходила без длительного отрыва от сельскохозяйственных угодий. Однако в 1657 году власти пошли на чрезвычайные меры пополнения личного состава вооруженных сил: началась бессрочная и поголовная мобилизация, приведшая к увеличению безвозвратных потерь личного состава и запуску крестьянских хозяйств¹⁰. Это стало одной из основных причин роста напряженности в от-

ношениях солдат олонечских полков и властных структур.

Ситуация обострилась к началу 1660-х годов: тяжелейшее положение на фронтах, сокрушительное поражение в битве на Кушликовых горах корпуса князя И. А. Хованского, в составе которого сражались олонечские полки, гибель существенной части военнотружущих вызвали мощнейший кризис отношений солдат с воинским командованием [4: 98–101]. В июне 1662 года в своем челобитье солдаты просили царя вернуться к старой практике призыва (по четыре месяца в году)¹¹, но правительство лишь частично пошло навстречу челобитникам, и в начале сентября ввело полугодовую мобилизацию¹². Однако солдат это не удовлетворило, и они ответили беспрецедентным массовым дезертирством.

НА ПУТИ К СОЦИАЛЬНОМУ ВЗРЫВУ: ПОБЕГ, КАЗНЬ И МЯТЕЖ

В контексте проблемы взаимоотношений солдат с властями показательно выглядит обстановка в полку Иоганна Трейдена, офицера, выделявшегося среди других иноземцев своей стремительной военной карьерой (за 10 лет дослужился от прапорщика до полковника). В 1659 году Иоганн Трейден, до того служивший подполковником в полку Томаса Крафтера, принял командование пехотным солдатским полком, сформированным в 1649 году (одним из двух самых первых полков «нового строя» в Карелии), сменив на должности его командира Вальтера Кармихеля [3: 207]¹³. Базировавшиеся в 1662 году в Новгороде, военнотружущие полка, как солдаты, так и офицеры, терпели нехватку материального и денежного довольствия. Ситуация была вызвана начавшимся серьезным финансовым кризисом, связанным с неустойчивостью медных денег, их обесцениванием и скачком цен на продовольствие. По данным Московской померной избы, стоимость четверти пшеничной муки в Москве с ноября 1661 по февраль 1662 года выросла с 9 до 16 рублей, а четверти ржаной муки – с 8 до 14 рублей¹⁴. В Новгороде цена за четверть ржи доходила до 52 рублей¹⁵.

Быстрый рост цен на основные товары ударил по кошелькам военнотружущих – не только по рядовым, но даже и по офицерам. Боярин и воевода полка Новгородского разряда князь Борис Александрович Репнин докладывал царю об офицерском челобитье, в котором военные просят государя платить им жалованье не медной, а серебряной монетой, что

«ныне де им тем твоим жалованьем медными деньгами, будучи на твоей службе, от всякой дорогой цены хлеба и всякого харчу купить не на что и впредь ника-

ких служилых запасов и лошадей купить нечем, что на всякие запасы и на хлеб и на харч стала цена немерная большая и они де, будучи на твоей службе, от хлебной дороговизны в конец погибли»¹⁶.

Из-за бедственного материального положения, которое к тому же оказывало разлагающее влияние на личный состав, было решено передислоцировать часть корпуса Новгородского полка, а именно полк Иоганна Трейдена, в Псков¹⁷.

Судя по всему, поводом к началу беспорядков, мятежей и дальнейшему повальному дезертирству в указанном подразделении послужил инцидент, произошедший в середине мая 1662 года. На пути переброски полка в Псков с бивуака в районе Опочки был совершен вооруженный побег («отъехав де от Новгорода со ста верст на Опоку, и с Опоки збежали его полку салдаты...»). Всего в побеге, по информации полковника Трейдена, участвовало пятьдесят человек, не считая зачинщиков¹⁸. Как свидетельствуют документы, дезертиры покинули лагерь «с ружьем и з барабаном»¹⁹. Высланная в погоню группа офицеров под командой майора встретила упорное сопротивление. В ходе кратковременной и ожесточенной перестрелки преследователи смогли арестовать организаторов побега, сержантов Мирошку Осипова и Климку Федорова, при этом остальным солдатам удалось оторваться от погони²⁰.

Оценивая дальнейшее следствие по делу, в частности действия командира полка, важно понимать, что в отличие от европейской военно-юридической практики, где полномочия полковника позволяли ему самому накладывать наказания вплоть до смертной казни любого нижнего чина полка, в России правом выносить смертный приговор обладал только царь [5: 122]. Поскольку зачинщикам побега была предназначена именно такая участь, то Трейден, добравшись 23 мая в Псков, отправил Б. А. Репнину донесение о происшествии и стал ждать санкции на его расследование²¹.

В соответствии с правовой практикой, в изучаемое время к беглым солдатам применялись различные наказания. Седьмая глава «О службе всяких ратных людей Московского государства» Соборного уложения 1649 года предписывает дезертиров, «сыскивая и чиня им жестокое наказание, бив кнутом, выслати их на государеву службу в полки к воеводам с приставы»²². Дополнительно с солдатских поручителей (которыми являлись, как правило, его родственники) взыскивался штраф в размере 20 рублей. Время от времени практиковалось тюремное заключение беглого солдата²³.

В связи с увеличением количества побегов со службы правительство ужесточило наказания за дезертирство. Забегая вперед, упомянем, что во время проведения следствия по факту массовых побегов 1662 года, которое затянулось до глубокой осени, царь Алексей Михайлович писал Б. А. Репнину, чтобы тех солдат, которые «с нашея службы сбежали... выбирая из них пущих заводчиков, с стану по человеку повесить, а иным чинить жестокое наказание»²⁴. В случае с сержантами Осиповым и Федоровым вышло распоряжение о проведении похожей акции устрашения: одного из арестованных планировалось повесить в Пскове, а другого в Заонежских погостах, откуда они и были родом, в назидание будущим солдатам²⁵.

Казнь сержанта Мирона Осипова была назначена на послеполуденное время 1 июня. Экзекуция должна была осуществляться перед лицом всего полка. Но командование столкнулось с неожиданным сопротивлением со стороны горожан. Под предводительством протопопа Кондрата Кузмина толпа напала на офицеров полка, оттеснив их от виселицы. Мирона Осипова «у палача отбили [затем горожане укрыли осужденного у себя], и его, полковника, и начальных людей хотели убить, и он де, под[с]кочив на лошадь, одва от них с поля уехал». В то же время солдаты никак не противодействовали посадским людям, а напротив, примкнули к восставшим: «многие солдаты ево, полковника с начальными людьми, бранили, и стало де в салдатех непослушанье большое»²⁶. Неясно, что произошло с сержантом Мироном Осиповым и предводителем восставших псковичей, протопопом Кондратом Кузминым. Скорее всего, они понесли соответствующее наказание, но в доступных нам источниках это не отражено. В Актах Московского государства есть лишь указ царя Алексея Михайловича произвести расследование бунта. Что касается отбитого у палача горожанами сержанта, его было велено отыскать и посадить в тюрьму «и держать в тюрьме с большим бережением до нашего указа». Протопопа Кондрата Кузьмина и трех или четырех «пущих гилевщиков (то есть самых ярых бунтовщиков, преступников. — А. Б.)» следовало послать под конвоем в Москву²⁷.

Ранее Б. А. Репнин приказал Трейденоу отправить второго беглого сержанта Клима Федорова в Новгород для последующей передачи его в Олонец. Но волнения среди городского населения и солдат вынудили полковника отсрочить этапирование осужденного, «чтоб ево тож гили не отбили»²⁸. В результате суд над Федоровым состоялся лишь в конце лета, он был повешен в Олонце 27 августа²⁹.

Скорее всего, корни инцидента в Пскове следует искать в специфике восприятия иноземцев православными. Для этого обратимся к более ранним событиям. Известно, что еще в 1649 году на пути из Москвы в Заонежские погосты, то есть к местам своей действительной службы, подчиненные полковника Александра Гамильтона часто злоупотребляли своим служебным положением. На иноземцев, в числе которых был Христофор Трейден, брат будущего полковника Иоганна Трейдена, была составлена масса жалоб по маршруту следования полка. Местные жители обвиняли иноземцев в грабежах, вымогательствах, избиениях и насилии. При этом центральной властью виновные не были наказаны, хотя и было проведено следствие [1]. Чуть позже, в 1652 году, в Олонце происходили межконфессиональные конфликты, вызванные претом православным находиться в услужении у неправославных. Т. А. Опарина отмечает, что в Олонце указ о невозможности службы православных денщиков у неправославных офицеров был интерпретирован как полное прекращение контактов с иноземцами, солдаты стали выказывать неповиновение командирам [7: 199–200]. Как указывает в своей статье А. С. Рыжков, непонимание и конфликтность между солдатским населением и иноземными офицерами происходила из того обстоятельства, что последние оставались чуждым и пришлым элементом для крестьянского сообщества. Этому способствовали противоречия в вопросах административного подчинения солдат-крестьян, незнание большинством иноземцев русского языка, их иная конфессиональная принадлежность [9]. В более общем смысле можно сказать, что при взаимодействии местного населения и иноземных офицеров имело место столкновение культур. Что касается псковского мятежа 1662 года, то, как утверждает А. В. Малов, массовое сознание русских людей зачастую отказывалось признавать за иноземцами право казнить православного человека, даже с санкции царя. Виновником драматических событий, с точки зрения псковичей, был полковник Трейден, который к тому же ударил протопопа Кондрата Кузмина тростью [5: 122–123].

Произошедшее в Пскове, несомненно, является инцидентом из ряда вон выходящим, однако, если взглянуть шире на картину взаимоотношений солдат с властями, обнаруживается, что солдатское неповиновение прослеживается практически на протяжении всей истории олонецких полков. В 1651 году полковник Александр Гамильтон жаловался Алексею Михайловичу, что, несмотря на государев указ о том, что изготовление фитилей иковка пик теперь являлись солдат-

ской обязанностью, последние отказывались ее выполнять, не слушались своих непосредственных командиров – офицеров, а некоторые подстрекали товарищей к бунту³⁰. В том же, 1651 году солдаты Вытегорского погоста ограбили капитана, взяв у него пороховую казну³¹. В декабре произошло нападение солдат Остречинского погоста во время набора их на службу на высылщика поручика Томаса Спенсера, в результате чего его избили и ранили ножом³². В следующем, 1652 году полковник Мартин Кармихель сообщал, что местные крестьяне и солдаты ненавидят «начальных людей», упрямо с ними конфликтуют и время от времени нападают на офицеров [2: 178].

РОСТ МАСШТАБОВ ДЕЗЕРТИРСТВА

Деморализация личного состава олонецких полков «нового строя» в итоге стала одной из причин рассматриваемого мятежа в Пскове 1662 года. Событие, в свою очередь, вызвало резкую эскалацию конфликта между воинским командованием и солдатами. Это имело далеко идущие последствия, которые поначалу проявились в массовом дезертирстве солдат летом и осенью 1662 года. Практически сразу после разразившихся беспорядков, во время передислокации части полка Иоганна Трейдена из Пскова в город Остров из-под команды подполковника Христофора Трейдена «розбежалось салдат з дороги... дватцать человек с ружьем и со всем салдацким строем, взяв его, великого государя, денежное и хлебное жалованье»³³. Б. А. Репнин, прибывший 1 сентября в Псков, когда ситуация с беглыми солдатами стала выходить из-под контроля, требовал у полковников и воевод, в том числе у Олонецкого воеводы Т. В. Мышецкого, более решительных действий для розыска беглецов. На дорогах создавались стрелецкие заставы для поимки дезертиров, но их деятельность была практически безрезультатной. Солдаты сбегали в свои деревни, где их укрывали родственники, некоторые подолгу скрывались в лесах [6: 134]³⁴.

В продолжение лета – осени 1662 года из полка Иоганна Трейдена произошло еще три сравнительно крупных побега, на которые власти пытались отвечать более жесткими репрессиями. Упомянем один из них. 8 сентября из-под Опочки, сговорившись, бежало 16 солдат. Отрядом донских казаков, отправленным по горячим следам, было поймано 11 человек. Из расспросных речей видно, что солдат заставило дезертировать скудное продовольственное обеспечение: «А на подворье де у них осталось хлеба в кади немного». Далее по ходу допроса арестованные оправдывались тем, что якобы

у боярина и воеводы князя Ивана Ондреевича Хованского с товарищи, и тем де прислана государева грамота, а велено государева служба служить с переменой»

(то есть половина солдат находятся в действующей армии, половина – отпущена по домам)³⁵. Солдаты расценили эту информацию как руководство к действию и совершили побег. В итоге беглые солдаты понесли довольно суровое наказание: двух человек должны были повесить по жребию, двух – прислать в Псков, остальных – «бить кнутом нещадно». Но одному из приговоренных к смерти, подзнаменщику Афонке Васильеву, удалось сбежать из-под караула, на что Репнин приказал: тому, «кто упустил колодника... сидеть ему в тюрьме до сыску того утекца (сбежавшего. – А. Б.)»³⁶.

Судя по имеющимся источникам, более или менее решить проблему побегов в полку Иоганна Трейдена удалось только к концу октября. Всего за летне-осенний период (включая побег под предводительством Мирона Осипова и Клина Федорова) произошло 6 организованных побегов, в которых в общей сложности участвовало 127 бойцов, что для полка штатной численностью 538 человек³⁷ является чувствительной потерей. Мятеж в Пскове повлек за собой масштабные побеги и из других полков, в результате которых подразделения лишились 506 солдат³⁸.

Командованию Новгородского разряда не удалось до конца решить проблему дезертирства. В следующем, 1663 году побеги продолжились, порой еще более массовые. Так, при отправке солдат на государеву службу из Шуйского погоста сбежали сразу 302 человека³⁹. Разлагающее влияние на войска оказал и набравший обороты экономический и финансовый кризис. Падение курса медных денег вызвало перебои в продовольственных поставках, рост цен и отказ крестьян продавать хлеб за медь⁴⁰. В целом социальная напряженность на протяжении первой половины 60-х годов лишь возрастала. Страшное опустошение хозяйств, голод, а также сплоченность крестьян вызывали риск масштабного восстания. В итоге олонецкие полки «нового строя» были расформированы незадолго до окончания Русско-польской войны в 1666 году [6: 138].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, отметим, что солдатские и драгунский олонецкие полки в целом справлялись с несением службы по охране русско-шведской границы. В то же время тяжелая и разорительная служба повлекла за собой различные осложнения, главным из которых стало массовое дезертирство. Жесткая и непоследовательная

«ротной дьячек Петрушка Микитин сказал им, что де которые салдаты были на государевой службе в полку

мобилизационная политика, невозможность удовлетворить челобитья солдат по вопросу возвращения к старой практике призыва по четыре месяца в году – эти факторы повышали накал и без того непростых отношений властей с солдатами олонекских полков. Дух коллективной сплоченности придавал побегам массовый характер. Ненависть солдат к иноземным офицерам, которая периодически перерастала в нападения на них, подливала масла в огонь. Не менее важным обстоятельством, побуждающим солдат к дезертирству, стала проблема продовольственного снабжения. В условиях нарастающего экономического и финансового кризиса, катастрофического

обесценивания медных денег армия испытывала серьезные перебои с поставками хлебных запасов. Мятеж в полку Иоганна Трейдена и последовавшее за ними массовое дезертирство обнаруживают эти проблемы. Власти были не в силах оперативно решить назревшие вопросы, они уже сточали репрессивные меры, что усиливало рост общественной напряженности. Командование не могло в полной мере опереться в войне на ненадежные подразделения. Это привело в дальнейшем к упразднению олонекских полков, а в конечном итоге, уже в масштабах всей России, к отказу от милиционно-территориальной системы набора войска.

* Работа выполнена по госзаданию КарНЦ РАН. Номер регистрации темы: АААА-А18-118030190093-9.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Новгородский разрядный полк – территориальное формирование вооруженных сил Русского государства в XVII веке, своего рода военный округ с четко ограниченной территорией. Также является соединением полков Новгородского уезда. Олонекские полки «нового строя» – подчиненные командованию Новгородского разрядного полка подразделения, набор в которые производился в Олонекском уезде (РГАДА. Ф. 137. Олонец. Д. 5. 1133 л.)
- ² Базилевич К. В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 году. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1936. 116 с.
- ³ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. 272 л.
- ⁴ РГАДА. Ф. 137. Олонец. Д. 2. 62 л.; Д. 4. 521 л.
- ⁵ Научный архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее – архив СПбИИ РАН). Ф. 98. К. 2.
- ⁶ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией (далее – ДАИ). Т. 3. СПб., 1848. 539 с.; Акты Московского государства, изданные Императорской Академией Наук (далее – АМГ). Т. 3. Разрядный приказ. Московский стол. 1660–1664. СПб., 1901. 674 с.; Сметы военных сил Московского государства 1661–1663 гг. // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. 1911. Кн. 3 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1660-1680/Smet_voenn_sil_1661_3/text1.htm (дата обращения 26.03.2020); Соборное Уложение 1649 г. М., 1961. 431 с.; Жуков А. Ю. Олонекские полки «нового строя» в 1662 г.: Документы и материалы // Истоки Карелии: время, территория, народы: Полевые исследования и архивные материалы. Петрозаводск, 2014. С. 91–187.
- ⁷ РГАДА. Ф. 137. Олонец. Д. 2. Л. 19–19 об.
- ⁸ ДАИ. Т. 3. № 49. С. 170–173.
- ⁹ Информацию об участии олонекских полков в войнах с Польшей (1654–1667) и Швецией (1656–1658) приводят в своих работах историки А. А. Новосельский, А. Ю. Жуков, О. А. Курбатов; также факт пребывания олонекских полков на фронте подтверждается имеющимися документами архива СПбИИ РАН (Ф. 98. К. 2. Д. 72, 83, 87, 91, 92).
- ¹⁰ 19 июня 1662 г. Челобитная на имя царя сержантов и солдат Олонекских полков о возврате практики призыва по очереди, на три срока в год // Жуков А. Ю. Олонекские полки... С. 111–114.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Датировано по содержанию: РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 153–155.
- ¹³ РГАДА. Ф. 137. Олонец. Д. 4. Л. 150, 198, 245–246, 294 об.–295 об., 347–348; ДАИ. Т. 3. № 49. С. 170.
- ¹⁴ Базилевич К. В. Указ. соч. С. 33, 39–41.
- ¹⁵ АМГ. Т. 3. № 582. С. 491.
- ¹⁶ Там же. С. 490–491.
- ¹⁷ 11 мая 1662 г. Из черновика отписки воеводы Новгородского полка боярина князя Б. А. Репнина псковскому воеводе околичнику князю Федору Федоровичу Долгорукому об отправке в Псков полка Ягана Трейдена // Жуков А. Ю. Олонекские полки... С. 119.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 117, 149; Не ранее 23 мая 1662 г. Из черновика отписки воеводы Новгородского полка Б. А. Репнина о бегстве и сопротивлении олонекских солдат, с предложением репрессий против беглецов // Жуков А. Ю. Олонекские полки... С. 123–124.
- ¹⁹ Об этом говорит рейтарский офицер, ссылаясь на слова Иоганна Трейдена, которого с полком встретил «до Пскова за шездесят верст на дороге», когда сам «ездил де он, Федор, до Пскова описывать дороги» (22 мая 1662 г. Отрывок выписки из допроса рейтарского ротмистра Ф. Мартьянова // Жуков А. Ю. Олонекские полки... С. 124).
- ²⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 117, 149; Не ранее 23 мая 1662 г. Из черновика отписки воеводы Новгородского полка Б. А. Репнина о бегстве и сопротивлении олонекских солдат, с предложением репрессий против беглецов // Жуков А. Ю. Олонекские полки... С. 123–124.

- ²¹ Не ранее 23 мая 1662 г. Из черновика отписки воеводы Новгородского полка Б. А. Репнина о бегстве и сопротивлении олонечких солдат, с предложением репрессий против беглецов // Жуков А. Ю. Олонечские полки... С. 123–124.
- ²² Соборное Уложение 1649 г. М., 1961. С. 83.
- ²³ О порядке розыска дезертиров и их возвращения в строй см.: Бочкарев А. С. Дезертирство и сыск беглых солдат олонечких полков «нового строя» в 1660-е гг. // Петербургский исторический журнал. Исследования по российской и всеобщей истории. 2019. № 3 (23). С. 277–289.
- ²⁴ АМГ. Т. 3. № 587. С. 496.
- ²⁵ Не ранее 23 мая 1662 г. Из черновика отписки воеводы Новгородского полка Б. А. Репнина о бегстве и сопротивлении олонечких солдат, с предложением репрессий против беглецов // Жуков А. Ю. Олонечские полки... С. 123–124.
- ²⁶ 9 июня 1662 г. Из черновика первой отписки воеводы Новгородского полка Б. А. Репнина о сопротивлении жителей Пскова казни олонечского солдата; 16 июня 1662 г. Из черновика второй отписки воеводы Новгородского полка Б. А. Репнина о сопротивлении жителей Пскова казни олонечского солдата // Жуков А. Ю. Олонечские полки... С. 124–127.
- ²⁷ АМГ. Т. 3. № 587. С. 496.
- ²⁸ 16 июня 1662 г. Из черновика второй отписки воеводы Новгородского полка Б. А. Репнина о сопротивлении жителей Пскова казни олонечского солдата // Жуков А. Ю. Олонечские полки... С. 125–127.
- ²⁹ 9 июня 1662 г. Из черновика первой отписки воеводы Новгородского полка Б. А. Репнина о сопротивлении жителей Пскова казни олонечского солдата; 16 июня 1662 г. Из черновика второй отписки воеводы Новгородского полка Б. А. Репнина о сопротивлении жителей Пскова казни олонечского солдата; 30 сентября 1662 г. Из отписки воеводы Т. В. Мышецкого и дьяка Д. Протопопова в Псков воеводе Новгородского полка Б. А. Репнину о казни беглого сержанта Клима Федорова // Жуков А. Ю. Олонечские полки... С. 124–127.
- ³⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 2. Д. 45. Л. 1–5.
- ³¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 2. Д. 5. Л. 2–3.
- ³² Там же. Л. 12–15.
- ³³ 16 июня 1662 г. Из черновика второй отписки воеводы Новгородского полка Б. А. Репнина о сопротивлении жителей Пскова казни олонечского солдата // Жуков А. Ю. Олонечские полки... С. 125–127.
- ³⁴ Август – сентябрь 1662 г. Подготовительные материалы к отписке воеводы Новгородского полка Б. А. Репнина из Пскова о беглых солдатах // Жуков А. Ю. Олонечские полки... С. 128.
- ³⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 153–155.
- ³⁶ Там же. Л. 188 об.
- ³⁷ Сметы военных сил Московского государства 1661–1663 гг. // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. 1911. Кн. 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1660-1680/Smet_voenn_sil_1661_3/text1.htm (дата обращения 26.03.2020).
- ³⁸ Подсчитано автором на основе опубликованных документов: Жуков А. Ю. Олонечские полки... С. 123–142.
- ³⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 160.
- ⁴⁰ Базилевич К. В. Указ. соч. С. 35–36.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брусницына Д. В. Иноземные офицеры XVII в. – ценные специалисты на службе русского государства или «обидчики» подданных царя? // Университеты в образовательном пространстве региона: опыт, традиции и инновации: Материалы VI регион. науч.-метод. конф. (22–23 ноября 2012 г.). Ч. I. Петрозаводск, 2012. С. 63–65.
2. Брусницына Д. В. «Начальные люди» олонечких полков пашенных солдат (1649–1666) // CARELICA. 2013. № 1. С. 170–185.
3. Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. В. Новгород, 2003. 256 с.
4. Курбатов О. А. Военные реформы России второй половины XVII века. Конница. М.: Квадрига, 2017. 301 с.
5. Малов А. В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. М.: Древлехранилище, 2006. 624 с.
6. Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1947. 175 с.
7. Опарина Т. А. Иноземцы в России XVI–XVII вв. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 384 с.
8. Разин Е. А. История военного искусства: В 3 т. Т. 3. История военного искусства XVI–XVII вв. СПб.: Полигон, 1999. 736 с.
9. Рыжков А. С. Офицер-иноземец: проблемы адаптации в местном крестьянском сообществе // Журнал отчетов и публикаций ИЛЛИМИК. 2006. № 1–2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://illmik.petrus.ru/news/New_Results/580443B3-5DAA-432C-A9F1-38CDF53DF7C4.html (дата обращения 03.05.2020).
10. Чернов А. В. Вооруженные силы Русского Государства в XV–XVII вв. М.: Воениздат, 1954. 224 с.

Поступила в редакцию 19.05.2020

Alexander S. Bochkarev, Postgraduate Student, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russian Federation)
alexander.bochkariov@yandex.ru

CONFLICTS BETWEEN OLONETS SOLDIERS AND THEIR MILITARY COMMANDERS: REBELLION OF 1662*

The article investigates the desertion of soldiers from the Olonets “new formation” regiments in the summer and autumn of 1662. This period in more than fifteen-year-long history of the Olonets regiments is distinguished by an unprecedented scale of desertion. The aim of the paper is to see how the escalation of conflict between soldiers and their military commanders affected the scale of desertion. This issue is studied for the first time on the basis of the chosen set of sources. The research relevance is determined by identifying the dependence of the soldiers’ behavior on the conditions of service. Historical genetic and comparative methods were used for constructing the historical narrative. The study revealed that the main reasons for soldiers’ desertion included an extremely difficult situation on the fronts of the Russo-Polish War (1654–1667), high mortality in the north-western zone of combat, harsh military mobilization policy, developing economic crisis, and interruptions in food supplies. The starting point for the mass desertion of soldiers of the Olonets regiments was the rebellion in Johann Treiden’s regiment on June 1, 1662, during the deployment of the regiment in Pskov. As a result of this summer and autumn fleeing, the Olonets “new formation” regiments lost a large part of their private soldiers. Eventually, the authorities were not able to fully resolve the desertion problem.

Keywords: Olonets “new formation” regiments, desertion, Johann Treiden, rebellion, Novgorod military formation, Russo-Polish War of 1654–1667

* This research was conducted as part of the state task assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (project registration number AAAA-A18-118030190093-9).

Cite this article as: Bochkarev A. S. Conflicts between Olonets soldiers and their military commanders: rebellion of 1662. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 8. P. 93–100. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.553

REFERENCES

1. Brusnitsyna D. V. Foreign officers of the XVII century – valuable specialists serving the Russian state or “offenders” assaulting the Tsar’s subjects? *Universities in the educational area of the region: experience, traditions and innovations: Proceedings of the VI regional research and methodological conference (November 22–23, 2012)*. Part I. Petrozavodsk, 2012. P. 63–65. (In Russ.)
2. Brusnitsyna D. V. “Leading people” in Olonets regiments of ploughmen soldiers (1649–1666). *CARELI-CA*. 2013. No 1. C. 170–185. (In Russ.)
3. Zhukov A. Yu. Administration and self-government in Karelia in the XVII century. Veliky Novgorod, 2003. 256 p. (In Russ.)
4. Kurbatov O. A. Military reforms of Russia in the second half of the XVII century. Cavalry. Moscow, 2017. 301 p. (In Russ.)
5. Malov A. V. Moscow elected soldier regiments at the beginning of their history. Moscow, 2006. 624 p. (In Russ.)
6. Muller R. B. Essays on the history of Karelia in the XVI and XVII centuries. Petrozavodsk, 1947. 175 p. (In Russ.)
7. Oparina T. A. Foreigners in Russia of the XVI and XVII centuries. Moscow, 2007. 384 p. (In Russ.)
8. Razin E. A. History of military art: In 3 vol. Vol. 3. History of military art of the XVI and XVII centuries. St. Petersburg, 1999. 736 p. (In Russ.)
9. Ryzhkov A. S. Foreign officers: problems of adaptation in the local peasant community. *Journal of Reports and Publications of the Investigative Laboratory for Local and Microhistory of Karelia*. 2006. No 1–2. Available at: http://illmik.petsu.ru/news/New_Results/580443B3-5DAA-432C-A9F1-38CDF53DF7C4.html (accessed 03.05.2020). (In Russ.)
10. Chernov A. V. Armed forces of the Russian state between the XV and XVII centuries. Moscow, 1954. 224 p. (In Russ.)

Received: 19 May, 2020

МАРИНА ВИКТОРОВНА ДЕВЕЙКИС

аспирант кафедры исторического регионоведения Института истории

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

deveykis@bk.ru

МУЗЕИ ПЕТЕРБУРГА ЭПОХИ НИКОЛАЯ II В ПУБЛИКАЦИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ

В настоящее время отсутствуют исследования, посвященные анализу публикаций современников о музеях Петербурга, возникших в эпоху правления Николая II. В статье впервые сделана попытка восполнить этот пробел. Тема является актуальной в связи с тем, что музеи занимают видное место в историческом и культурном наследии страны, а Петербург – основоположник музейного строительства. Нами представлена видовая классификация музейных публикаций, прослежена их динамика, обозначена практическая значимость работы. Анализ опубликованных источников позволит реконструировать историю музеев Петербурга и определить место и значение выявленных работ в изучении истории музеев. Каждая представленная публикация внесла определенный вклад в осмысление музейной деятельности, способствовала изучению музеев, развитию историографии музейного дела, передаче опыта другим городам. Использованы общеоисторические принципы объективности, научности, историзма, а также хронологический и сравнительно-исторический методы исследования.

Ключевые слова: музей, история музеев Петербурга, эпоха Николая II, музейные публикации, анализ музейных источников

Для цитирования: Девейкис М. В. Музеи Петербурга эпохи Николая II в публикациях современников // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 8. С. 101–108. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.554

ВВЕДЕНИЕ

Одна из значимых черт, маркирующая последние тенденции в российском музейном деле, может быть охарактеризована появлением значительного количества литературы, посвященной деятельности музеев, истории их фондов. В то же время широкой историографической оценки российской музейной литературы не получила. Отечественные музейеды обращали внимание на неполноту российской историографии музейного дела. Так, профессор В. П. Грицкевич в работе «История музейного дела до конца XVIII века» отмечает, что литературы, рассматривающей историю и динамику развития музейного дела в России, по-прежнему недостаточно, а историография данной проблематики почти полностью отсутствует [1: 11]. Такого же мнения придерживается профессор О. С. Сапанжа, констатируя тот факт, что историографических работ по музейному делу опубликовано крайне мало [7].

Исследования, посвященные анализу опубликованных источников по музеям Петербурга в императорский период, в настоящее время отсутствуют. Историографические работы, включающие рассмотрение музейных источников дореволюционной России, немногочисленны.

В советский период можно выделить два таких труда. Прежде всего это монография Т. В. Станюкович «Этнографическая наука и музеи» (1978) [8]. На примере Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого автор показал ту роль, которую сыграли музеи в создании источниковой базы этнографической науки. Во введении дан обзор литературы по этнографическим музеям, который начинается с критики статей дореволюционного периода, которые, по мнению автора, носили описательный характер. Вторая работа – «История картинной галереи Эрмитажа (1764–1917)» (1985) [3]. Ее автор – В. Ф. Левинсон-Лессинг много лет проработал в Эрмитаже, имел возможность глубоко вникнуть в музейные проблемы, осветить их, используя достоверные исторические источники в виде документов, музейных предметов, а также источники личного происхождения. Постоянная работа над архивными материалами и первоисточниками (статьи, каталоги, альбомы, путеводители) способствовала написанию данного труда. В коллективной монографии «Музейное дело России» (2010) [5] дан краткий обзор исследований, посвященных характеристике и анализу истории музейного дела страны. К сожалению, в разделе по дорево-

люционной историографии отражены в основном источники по известным музеям – Кунсткамере, Эрмитажу. В статье Л. А. Лозовой [4] рассмотрены публикации по истории музейного дела в Западно-Сибирском регионе. Автор отмечает, что ряд работ местных музееведов не соответствовал идеологии советской власти. В статье А. Н. Козловой [2] даны публикации об истории создания музея-кабинета Д. И. Менделеева за весь период его существования, особое внимание уделяется первоисточникам.

Целью данного исследования являются поиск, отбор, группировка источников эпохи Николая II, анализ и определение их места в изучении истории музеев Петербурга. В связи с тем что именно в это время происходят музейный подъем и образование музейной сети Петербурга, нами будет рассмотрен период, хронологически совпадающий со временем правления последнего императора. Музейные публикации на рубеже веков в основном были посвящены становлению и деятельности петербургских музеев, поэтому будут изучены работы, посвященные С.-Петербургу. Анализ источников показывает не только публикационную активность и значимость музеев, но и связь музейной сферы с широкой общественной жизнью, таким образом, свидетельствуя о несомненной заинтересованности российского общества не только в деятельности музеев, но и в попытках ее осмысления и придания ей более отчетливых дефиниций. Многие публикации данного периода носят скорее научный характер и нацелены на выработку общих методов организации музейной деятельности, методологической литературы так и не появилось. Анализ работ позволит не только рассмотреть становление музейной мысли в Петербурге, но и охарактеризовать представления отдельных авторов о том, чем является музей для культуры, а также их рефлексии относительно наиболее удачных форм организации того или иного музея, исходя из опыта конкретных музеев, открывавшихся в Петербурге.

ОБЗОР ПУБЛИКАЦИЙ ПО ПЕТЕРБУРГСКИМ МУЗЕЯМ

Несмотря на некоторые просчеты (поражение в Русско-японской войне, революция 1905 года), эпоха правления императора Николая II (1894–1917) является важной вехой в истории России. Развитие капитализма и политика Николая II способствовали быстрому экономическому подъему, выдающимся научным открытиям, распространению образования и улучшению материальных условий жизни людей. Успехи России

во всех областях отмечали иностранцы. Так, английский писатель Морис Бэринг, проживший несколько лет в стране, констатировал:

«Не было, пожалуй, еще никогда такого периода, когда Россия более процветала бы материально, чем в настоящий момент, или когда огромное большинство народа имело, казалось бы, меньше оснований для недовольства» (цит. по: [6: 500]).

Петербург как столица был не только крупным промышленным, торговым, научным, но и культурным центром. В это время здесь стремительно развивалось изобразительное и музыкальное искусство, бурную эпоху переживал театр, появились новые стили в архитектуре, возникали народные дома, литературные салоны и кружки. И, конечно, на этом этапе большой популярностью у петербуржцев пользовались действующие музеи (Кунсткамера, Эрмитаж и др.), а также создавались новые. В Петербурге, по официальной статистике, к 1917 году действовал 51 музей¹. Рассматривая историю их возникновения в императорский период, от создания первого музея Кунсткамеры (1714) до последнего – Еврейского музея (1916), мы выделили следующие этапы музейного развития: ранние музеи – 6 (1714–1795), специализированные музеи – 11 (1796–1855), новые профильные группы – 13 (1856–1893), музейный подъем – 21 (1894–1917). На последнем этапе создано более 40 % всех музеев.

В 1894 году профессором биологии П. Ф. Легафтом был организован музей при Биологической лаборатории, в котором были собраны анатомические, зоологические и антропологические коллекции. В «Отчете о деятельности С.-Петербургской биологической лаборатории за 1896 год»², опубликованном в ведомственном «Журнале Министерства народного просвещения» в 1897 году, сообщается о работе совета лаборатории, проводимых опытах и научных исследованиях, а также собранных коллекциях для музея, поступивших из-за границы, из лаборатории и от частных лиц. Отмечается, что музей накопил большое количество биологического материала, которым наполнены все помещения. С целью обеспечения более благоприятных условий для его сохранности уже в следующем году музей и лаборатория переехали в новое здание. Биологическая лаборатория и музей находились в ведении Министерства народного просвещения, ежегодно публиковался отчет об их деятельности в журнале министерства.

В 1897 году в популярном еженедельном журнале «Нива» была опубликована статья «Пироговский музей в Петербурге»³, посвященная зна-

ковому событию в столице – открытию музея. В ней идет речь о генезисе идеи об увековечивании памяти великого хирурга, пожертвовании средств на создание музея доктором А. Л. Эберманом, Е. А. Мусиной-Пушкиной, о создании Комиссии по устройству музея и роли Русского хирургического общества. Автор статьи отмечают значительные трудности, связанные с организацией музея, подбором подходящего для такой цели земельного участка и здания, а также сложности в приобретении экспонатов. Тем не менее данные затруднения были преодолены, и 26 октября состоялось торжественное открытие музея. В конце статьи автор подчеркивает, что новый музей является достойным памятником выдающемуся хирургу за его заслуги перед наукой, государством и обществом.

В том же году выходит статья «Художественно-промышленный музей барона Штиглица»⁴ в журнале «Неделя строителя», издаваемом С.-Петербургским обществом архитекторов. Статья опубликована после осмотра членами общества вновь построенного музея. В их обязанности входило обсуждение новых архитектурных проектов и сооружений. Члены общества отметили положительные стороны архитектуры здания и внутренних залов. Вместе с тем они выявили ряд недостатков по расположению статуй, цветовой гамме актового зала, живописи, покрывающей стены зала Людовика XIV. В заключение отмечено, что эта постройка – самое выдающееся явление в области строительного дела.

В 1895 году был основан Русский музей, а в 1897 году было принято Положение о музее, раздел которого был опубликован в журнале «Неделя строителя»⁵, он включал пункты о подчинении музея, правах управляющего музеем, обязанностях совета и хранителей. В 1898 году Русский музей был открыт для посетителей, это событие вызвало значительный всплеск публикационной активности. В 1898 году в книге историка К. А. Военского «Русский музей императора Александра III» отдается дань императору, проводимой им политике и подчеркивается, что задолго до кончины он думал об учреждении Русского национального музея. Еще при жизни монарх собирал картины русских художников. Автор детально описывает организацию реставрационных работ и приспособление здания для будущего музея. С изумлением он указывает, что работы по реставрации обошлись в «менее чем 500 тыс.» рублей. Значимость данного культурного учреждения оценивается автором следующим образом:

«...с устройством музея Императора Александра III учреждение это будет иметь для России такое же высококультурное значение, какое для Франции и Англии имеют Национальный музей в Париже и Британский – в Лондоне»⁶.

Другой книгой, посвященной музею, стала вышедшая в том же году работа главного редактора газеты «Правительственный вестник» К. К. Случевского «Возникающая сокровищница. Русский музей императора Александра III»⁷. В ней подробно рассматриваются история возникновения Михайловского дворца и перестройка его под музей под руководством архитектора В. Ф. Свиньина. В книге приведены расчеты по переделке здания, обстоятельно освещен ход реставрационных работ.

В 1899 году вышла статья архитектора Л. Г. Антокольского «Художественно-промышленный музей барона Штиглица»⁸ в журнале «Искусство и художественная промышленность». Автор отмечает, что организация музея подвергается критике со стороны ряда архитекторов (журнал «Мир искусства»), и призывает поставить точку в дебатах, поскольку перестройка музея невозможна ввиду его полной готовности. Музей существует уже три года, и публика восторгается залами музея, их отделкой. Вместе с тем Л. Г. Антокольский указывает, что предметы художественной промышленности расположены в случайном порядке, что заставляет посетителей бегать «из одного конца Музея в другой», отсутствуют объяснительные надписи на экспонатах. Архитектор также высказывает свое критическое отношение к выбору стиля здания.

Особое внимание заслуживает научная работа историка А. В. Половцева «Прогулка по Русскому музею императора Александра III» (1900). Цель публикации – показать «значение музея императора Александра III в русской художественной жизни». Несмотря на несколько публицистический характер названия, этот труд представляет собой значимое исследование по истории русской живописи. Автор детально рассматривает изобразительную коллекцию музея, обращая внимание на формирующие данную коллекцию картины, особенно К. П. Брюллова и Ф. А. Бруни, историю их написания и оценку художественной значимости. Половцев отмечает достоинства Русского музея по сравнению с Третьяковской галереей: собрание Третьяковской галереи отмечено «хронологической односторонностью» (искусство 60–80-х годов XIX века), в то время как собрание Русского музея «расположено систематически, наглядно представляя историю

русской живописи»⁹, – история искусства должна иметь начало.

В 1900 году вышли «Краткие сведения о Подвижном музее наглядных пособий»¹⁰. Целью данного издания было показать эффективность работы и востребованность музея. Оно включает цели создания музея, особо отмечается то, что учебными пособиями музея могут пользоваться школы и учреждения Петербурга, а также содержит сведения о выданных пособиях: «1894–95 г. выдано из музея 2725 предм.; 1895–96 – 3621; 1896–97 – 11 679; 1897–98 – 27 541», а в 1898–1899 годах число выданных из музея предметов – более 30 000.

В 1901 году появилась любопытная публикация художественного деятеля С. П. Дягилева «О русских музеях» в журнале «Мир искусства», редактором которого он являлся. В ней он выступил с резкой критикой организации Русского музея и размещенных в нем коллекций. Так, он отмечает сомнительную значимость музея для русской культуры, дискретность его коллекций, которые поступали из Эрмитажа, Академии художеств, Царскосельского дворца и частных коллекций и, таким образом, являются неупорядоченным собранием:

«...уже пять лет, живет он своей жизнью и не только за все это время не приобрел значения, не разобрался во всем, что ему досталось, не прибавил ничего ценного»¹¹.

Далее Дягилев сравнивает Русский музей с Третьяковской галереей и называет преимущества галереи. В своей оценке произведений живописи он часто ориентируется на Европу: «Они (академики) приказывали убрать с выставки Малявинских “Красных баб” – Европа-же и еще даже официальная Европа подвесила той же картине золотую медаль»¹². Дягилев подвергает обстоятельной критике руководство Русского музея за то, что, жалуясь на недостаток средств, оно приобретает «все худшие» картины на выставках. Он подчеркивает, что множество картин, которые не были удостоены внимания дирекции Русского музея, имея при этом особую художественную ценность, находятся в Синоде, ризнице Александро-Невской лавры, Румянцевском музее, находясь зачастую в плохих условиях хранения, и в этой связи их совершенно необходимо перенести в Русский музей, чего не происходит. На наш взгляд, высказанная маститым искусствоведом критика все же несколько предвзята. Несомненно, являясь редактором журнала «Мир искусства», Дягилев обладал широкими познаниями в искусствоведческой сфере, что дает ему возможность более детальной и профессиональной оценки значимости того или иного произве-

дения искусства. Однако он не замечает большой работы, проведенной в целях обеспечения музея собраниями русской живописи с древнейших времен до конца XIX века, то есть за весь период ее существования, которая приобреталась музеем по крупным ценам. На наш взгляд, тезис Дягилева об общей хаотичности собрания едва ли справедлив (хотя на первом этапе создания музея такие мнения звучали).

Достаточно ценным для развития музейного дела в России представляется научно-популярное издание педагога М. И. Страховой «Подвижной музей наглядных учебных пособий в Петербурге»¹³ (1902). Особую значимость работе придает ее акцент на организационной сфере музейной деятельности, подчеркнута связь между увеличением количества поступающих экспонатов и размерами и качеством помещений, детально рассмотрены направления сотрудничества с волонтерами и представителями других музеев страны, возникновение концепции музея и организационные трудности.

В 1903 году вышел в свет справочник «Каталог музея имени Антона Григорьевича Рубинштейна в здании С.-Петербургской консерватории Русского музыкального общества»¹⁴. В сравнении с отмеченными выше источниками данное издание представляется достаточно объемным (107 страниц) и богато иллюстрированным. Книга разбита на предисловие и две части: предметный каталог, который включает бытовой интерьер, фотографии, портреты, дипломы, адреса, книги, подношения и др., и музыкальные сочинения композитора. Впечатляет список зарубежных издателей, приславших в дар музею свои издания. Сбор от продажи каталогов поступал в «неприкосновенный фонд имени А. Г. Рубинштейна».

Важным показателем растущего интереса к музейно-туристической деятельности в российском обществе является активное формирование той публицистической сферы, которую можно было бы охарактеризовать как рекламную литературу. Так, в 1903 и 1904 годах выходят два издания, относящиеся к данному виду, – «Путеводитель по С.-Петербургу»¹⁵ и «Объяснительный Путеводитель по художественным собраниям Петербурга»¹⁶ Д. Д. Иванова. Первая книга носит более общий характер, ее основная цель – познакомить читателя с историческим прошлым столицы, ее достопримечательностями и музеями. Эта работа включает в себя краткое жизнеописание Петра Великого, географический очерк Петербурга и 35 экскурсий по городу. Упомянутые в справочнике петербургские музеи отнюдь не

ограничиваются главными и достаточно известными музеями – Эрмитажем, Зоологическим музеем, Сельскохозяйственным музеем и др., но также и теми, основание которых произошло в годы правления Николая II. В издании достаточно значимая роль отводится Русскому музею, дан план (нижнего и верхнего этажей) и краткое описание его залов. Такое же внимание уделено музеем барона А. Л. Штиглица, обозначены цель создания данного учреждения и описаны его залы: помпейский, рококо, итальянский, венецианский, французский и др. «Объяснительный Путеводитель по художественным собраниям Петербурга», как это и следует из названия, имеет более специализированную направленность, в нем дается информация о художественных музеях.

В январе 1905 года в честь открытия Суворовского музея (13 ноября 1904 года) Обществом ревнителей военных знаний была выпущена брошюра «Суворовский музей»¹⁷. В ней раскрывается краткая история музея, организация сбора средств на дело увековечивания памяти Суворова. Проведение конкурса для выработки проекта здания было возложено на Суворовскую комиссию, которая была создана по Высочайшему повелению при Главном штабе. Представляется важным факт широкой государственной поддержки при организации музея. Так, генерал-лейтенантом Бобиковым было дано распоряжение на установление в войсковых частях одного дня вольных работ сверх обычных с тем, чтобы весь заработок за этот день был перечислен в фонд музея Суворова. Общая стоимость постройки здания и внутреннего оборудования музея составляла 362 500 рублей, добровольные пожертвования – 300 000 рублей, недостающая сумма была выделена императором. Данная брошюра явилась первым путеводителем по музею. Она играла особую роль в осознании духовной преемственности поколений и вызвала широкий интерес петербургской публики.

Важным документом, регламентирующим деятельность музея, составленным членами Общества архитекторов-художников, является «Положение о музее Старого Петербурга»¹⁸, утвержденное 12 декабря 1908 года Министерством внутренних дел. Оно содержит детальную информацию о порядке приема экспонатов, деятельности Совета музея, дирекции, юридических аспектах при упразднении музея.

Изданная в 1909 году работа писателя В. Я. Богучарского «Дом-музей имени Л. Н. Толстого в Петербурге»¹⁹ посвящена идее создания музея по случаю 80-летия со дня рождения Л. Н. Толстого. Автор в 1908 году выступил на

Первом Всероссийском съезде писателей с докладом о создании учреждения, которое бы увековечило память великого писателя. Издание вписывает сам факт организации музея в более широкий контекст, затрагивая историю Общества Толстовского музея, съезд писателей в Петербурге 20–24 июля 1909 года, мысли о создании Толстовской выставки в Петербурге. Немалое значение отводится биографическим справкам о членах общества и их кропотливой работе по организации музея и сбору коллекций: М. М. Ковалевском, М. А. Стаховиче, И. Е. Репине, П. Н. Милюкове, М. М. Федорове, И. Я. Гинсбурге, Ф. Д. Батюшкове, А. А. Столыпине и др.

В 1910 году вышла в свет книга «Музей изобретений и усовершенствований»²⁰, изданная Обществом военной, морской и сельской техники. Она имела целью привлечение средств и новых экспонатов от частных лиц для музея. В книге подробно освещен процесс учреждения музея, при создании которого был изучен опыт подобных музеев за границей: в Лондоне, Париже, Мюнхене, известных своим положительным влиянием на развитие науки и промышленности. Для сокращения подготовительного периода на устройство музея Общество наняло частное помещение для сбора коллекции, чтобы представляемые предметы осматривались не только Комитетом музея, экспертами, но и посетителями. Книга включает Объяснительную записку, Положение о музее и бланк заявления для передачи экспонатов в музей.

Брошюра генерал-майора Д. П. Струкова «Музей имени Великого князя Михаила Николаевича»²¹, вышедшая в 1911 году, рассчитана на широкую читательскую аудиторию. Снабженная множеством иллюстраций (портрет Великого князя, его кабинета и залов музея, каковых четыре: общий, зал личных предметов, кабинет его Высочества, зал последних дней жизни), она дает краткую биографическую справку и перечисление заслуг князя. Автор полагает, что собрание музея будет иметь большое воспитательное значение для широкого круга почитателей как бессмертный подвиг жизни и высокого служения Его Императорского Высочества Государю и родине.

Вызывает интерес научное издание В. И. Срезневского (директор Толстовского музея) и В. Н. Тукалевского (историк, библиограф) «Толстовский музей в С.-Петербурге»²² (1912), которые проанализировали деятельность музея. В книге представлена история музея, его коллекций, детально описывается экспозиция, располагающаяся в 6 комнатах, приведены имена дари-

телей. Этот труд пользовался спросом в разных городах России.

Начало издательской деятельности нового академического учреждения – Пушкинского Дома – положили два «Временника», которые по замыслу основателей должны были выходить ежегодно к 29 января – дню памяти А. С. Пушкина. Первый «Временник»²³, выпущенный в 1913 году, является важной работой по истории Пушкинского музея. В предисловии историка литературы Н. А. Котляревского обозначена цель создания музея, который, по его мнению, будет памятником творчеству А. С. Пушкина и литературы в целом. В него включены «Положение о Пушкинском доме», описание архива Н. А. Добролюбова, портреты современников, персонажей романов Пушкина, сборник стихотворений. Следующий «Временник»²⁴ (1914) отразил поступления новых музейных экспонатов и материалов современников: рукописей, публикаций, фотографий, писем и др. Выпуск этих изданий явился началом научной деятельности литературного музея при Российской академии наук.

В 1914 году увидел свет сборник статей «Петербург и его жизнь»²⁵. Это издание было посвящено культурной жизни, бытовому укладу столицы, а также ее музеям. Следует отметить ряд статей художников, писателей, критиков, касающихся музеев, созданных в эпоху Николая II. В статье Е. Н. Нечаевой «Художественные музеи Петербурга» значительное внимание уделено Русскому музею и его коллекциям. Автор положительно относится к работам Рокотова и Левицкого, несколько слабее, по ее мнению, портреты Кипренского, Тропинина. Она отмечает, что музей «изобилует» работами пейзажистов. Далее столь же скрупулезно рассматривается скульптурный отдел музея. В статье М. Новорусского «Внешкольное образование в Петербурге» сделан важный акцент на деятельности Подвижного музея наглядных пособий, активно влияющего на педагогическую среду Петербурга. Музей следит за новинками, которые можно применять в учебном процессе. В статье «Естественнонаучные учреждения Петербурга» говорится об открытии кабинета Д. И. Менделеева.

В 1915 году в журнале «Еврейская старина» было опубликовано «Письмо в редакцию» общественного деятеля, историка С. Ан-ского (Семен Акимович Раппопорт), который руководил экспедицией Еврейского историко-этнографического общества (1911–1914) по сбору материалов для Еврейского музея. Основная цель статьи – популяризировать национальные традиции еврей-

ского народа. В письме дается подробный отчет о собранных экспедицией материалах: более 100 исторических документов, письма известных лиц, более 1500 народных песен и мистерий, около 1800 народных сказаний, сказок, легенд, преданий и притч, собрание старинных оригинальных рисунков, получено в дар для музея более 700 старинных предметов из области религиозного культа и т. д. Автор констатирует: «За последнее время мною лично собрана значительная коллекция еврейских музейных предметов, документов и реликвий, относящихся к настоящей войне»²⁶. Отмечается, что война значительно замедлила ход создания Еврейского музея, но полностью не остановила его.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование публикаций периода правления Николая II, относящихся к музейной сфере, позволяет сделать несколько выводов. Прежде всего стоит отметить тот факт, что большая часть литературы, посвященной конкретным музеям, рассматривает историю создания того или иного музея. Зачастую описание дополняется наблюдениями относительно того, каким образом должна происходить организация музейной деятельности в целом. Обсуждения, дискуссии, высказывания мнений авторов публикаций, каким они видят музей, использование европейского опыта свидетельствуют о появлении интереса к выработке общих методологических подходов, которые могли бы быть актуальны при создании музеев самых разных профилей. Важно подчеркнуть, что динамика выхода публикаций в целом характеризуется равномерностью, однако 1897–1898 годы отмечены самым большим числом публикаций, что может объясняться открытием столь значимого в культурном плане учреждения, как Русский музей, а также созданием ряда других, небольших, но достаточно важных музеев, организация которых вызвала широкую общественную дискуссию.

Проведенный анализ может дать основу для видовой классификации опубликованных источников на данном историческом этапе:

1. Научные публикации (монографии);
2. Публикации музеографического характера (каталоги, отчеты, путеводители и др.);
3. Статьи в периодической печати.

Попытаемся классифицировать рассмотренные источники по истории музеев по степени охвата в них определенной тематики: работы, посвященные отдельным музеям («Суворовский музей»), группам музеев («Петербург и его жизнь»), истории создания отдельных музейных

коллекций («Прогулка по Русскому музею»), а также путеводители, дающие краткую информацию о столичных музеях и рассчитанные на самую широкую аудиторию.

Практическая значимость выходявших в рассматриваемый период работ также должна быть учтена, поскольку именно через публикации осуществлялся сбор средств на приобретение зданий и покупку коллекций музеев. Однако, несмотря на то что музей был востребован, охватывал различные стороны общественной жизни столицы, влиял на сферу культуры, уже имелся значительный опыт музейного строительства в Петербурге, музейное сообщество не смогло создать обобщающий труд, который отразил бы общую картину истории музейного дела важнейшего региона страны, что, на наш взгляд, свидетель-

ствует о недостаточном развитии теоретической базы в указанный временной период.

В заключение следует отметить, что изучение и использование работ современников того времени представляет интерес для исследователей. Анализ опубликованных источников позволяет реконструировать историю музеев Петербурга, прежде всего существующих, а также несохранившихся и почти забытых (они в эпоху Николая II составляют более 50 %). Данный в работе список публикаций, затрагивающих вопросы истории музеев Петербурга, представляет собой своего рода библиографический указатель, который может быть успешно использован. Зная название книги, статьи, ее автора, номер журнала и год издания, можно легко найти нужный документ в Российской национальной библиотеке.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Сюда не входят полковые, музеи предприятий, библиотек и «местного характера».
- ² Отчет о деятельности С.-Петербургской биологической лаборатории за 1896 год // Журнал Министерства народного просвещения. 1897. Июнь. С. 689–691.
- ³ Пироговский музей в Петербурге // Нива. 1897. № 49. С. 1163–1166.
- ⁴ Художественно-промышленный музей барона Штиглица // Неделя строителя. 1897. № 48. С. 267–268.
- ⁵ Положение о русском музее Императора Александра III // Неделя строителя. 1897. № 19. С. 99.
- ⁶ Военский К. А. Русский музей императора Александра III. СПб.: Тип. Мин-ва внутр. дел, 1898. С. 19.
- ⁷ Случевский К. К. Возникающая сокровищница. Русский музей императора Александра III. СПб.: Тип. Мин-ва внутр. дел, 1898. 14 с.
- ⁸ Антокольский Л. Г. Художественно-промышленный музей барона Штиглица // Искусство и художественная промышленность. СПб., 1899. № 11. Август. С. 869.
- ⁹ Половцов А. В. Прогулка по Русскому музею императора Александра III в С.-Петербурге. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1900. 173 с.
- ¹⁰ Краткие сведения о Подвижном музее наглядных учебных пособий при Постоянной комиссии по техническому образованию Российского технического общества. СПб., 1900. 2 с.
- ¹¹ Дягилев С. П. О русских музеях // Мир искусства. 1901. Т. 6, № 10. С. 164.
- ¹² Там же. С. 167.
- ¹³ Страхова М. И. Подвижной музей наглядных учебных пособий в Петербурге. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1902. 16 с.
- ¹⁴ Каталог музея имени Антона Григорьевича Рубинштейна в здании С.-Петербургской консерватории Русского музыкального общества. СПб.: СПб. отд. Рус. муз. о-ва, 1903. 107 с.
- ¹⁵ Путеводитель по С.-Петербургу. СПб.: С.-Петерб. гор. обществ. упр., 1903. 324 с.
- ¹⁶ Иванов Д. Д. Объяснительный Путеводитель по художественным собраниям Петербурга. СПб.: Типо-литография «Энергия», 1904. 324 с.
- ¹⁷ Суворовский музей: [Организация Музея, и обзор главных экспонатов]. СПб.: Экономическая тип., 1905. 5 с.
- ¹⁸ Положение о Музее старого Петербурга, основанном Обществом архитекторов-художников в 1907 году: [Утв. 12 дек. 1908 г.]. СПб., 1908. 13 с.
- ¹⁹ Богучарский В. Я. Дом-музей имени Л. Н. Толстого в Петербурге: (История этого начинания и его положение в настоящее время). СПб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1909. 33 с.
- ²⁰ Объяснительная записка к проектируемому плану Музея; Проектируемый план Музея [и др. материалы]: Предварит. выпуск / Музей изобретений и усовершенствований. СПб., 1911. 21 с.
- ²¹ Струков Д. П. Музей имени великого князя Михаила Николаевича. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1911. 18 с.
- ²² Срезневский В. И., Тукалевский В. Н. Толстовский музей в С.-Петербурге. СПб.: Фототип. и тип. А. Ф. Дресслера, 1912.
- ²³ Временник Пушкинского дома. СПб.: Тип. А. Дресслера, 1913. 77 с.
- ²⁴ Временник Пушкинского дома. Пг.: Тип. А. Дресслера, 1914. 139 с.
- ²⁵ Петербург и его жизнь. СПб.: Жизнь для всех, 1914. С. 170.
- ²⁶ Письмо в редакцию (О работах Этнографической Экспедиции) // Еврейская старина. 1915. Вып. 2. С. 240.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грицкевич В. П. История музейного дела до конца XVIII века. СПб.: СПбГУКИ, 2004. 408 с.
2. Козлова А. Н. История создания музея-кабинета Д. И. Менделеева при Императорском Санкт-Петербургском университете в 1907–1911 гг. // Вопросы музеологии. 2016. № 1 (13). С. 60–68.
3. Левинсон-Лессинг В. Ф. История картинной галереи Эрмитажа (1764–1917). Л.: Искусство, 1985. 407 с.
4. Лозовая Л. А. Становление историографии музейного дела западной Сибири (1920-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 6. С. 199–201.
5. Музейное дело России / Под общ. ред. М. Е. Каулен (отв. ред.), И. М. Коссовой, А. А. Сундиевой. М.: ВК, 2010. 676 с.
6. Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. СПб.: Петрополь, 1991. 644 с.
7. Сапанжа О. С. Музеология: историография и методология. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2014. 111 с.
8. Станюкович Т. В. Этнографическая наука и музеи. Л.: Наука, 1978. 286 с.

Поступила в редакцию 17.03.2020

Marina V. Deveykis, Postgraduate Student, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
 deveykis@bk.ru

SAINT PETERSBURG MUSEUMS OF THE ERA OF NICHOLAS II IN PUBLICATIONS OF CONTEMPORARIES

Currently, there are no studies analyzing publications on Saint Petersburg museums that emerged during the era of Nicholas II. This article is the first attempt to fill this gap. The topic is relevant due to the fact that museums play a prominent role in the historical and cultural heritage of the country, and St. Petersburg historically was at the forefront of museum construction. The article presents a generic classification of museum publications coupled with their grouping, traces the publication activity, and indicates the practical importance of the works. The analysis of the published sources will make it possible to reconstruct the history of Saint Petersburg museums and determine the role and significance of the identified works in the study of museum history. Each presented publication made a certain contribution to the comprehension of museum activity, the study of museums, the development of museum work historiography, and the transfer of experience to other cities. The study used such general principles of history as objectivity, historicism and scientific approach implemented through chronological and comparative historical methods.

Keywords: museum, history of Saint Petersburg museums, era of Nicholas II, museum publications, analysis of museum sources

Cite this article as: Deveykis M. V. Saint Petersburg museums of the era of Nicholas II in publications of contemporaries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 8. P. 101–108. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.554

REFERENCES

1. Gritskevich V. P. History of museum activities before the end of the XVIII century. St. Petersburg, 2004. 408 p. (In Russ.).
2. Kozlova A. N. The history of creating D. I. Mendeleev's memorial cabinet at the Saint-Petersburg Imperial University in 1907-1911. *The Problems of Museology*. 2016. No 1 (13). P. 60–68. (In Russ.).
3. Levinson-Lessing V. F. History of the Hermitage Picture Gallery (1764–1917). Leningrad, 1985. 407 p. (In Russ.).
4. Lozovaya L. A. The formation of historiography of Western Siberian museum science in 1920s. *Tomsk State University Journal of History*. 2013. No 6. P. 199–201. (In Russ.).
5. Museum studies in Russia (M. E. Kaulen, I. M. Kossova, A. A. Sundieva, Eds.). Moscow, 2010. 676 p. (In Russ.).
6. Ol'denburg S. S. The reign of Emperor Nicholas II. St. Petersburg, 1991. 644 p. (In Russ.).
7. Sapanzha O. S. Museology: historiography and methodology. St. Petersburg, 2014. 111 p. (In Russ.).
8. Stanyukovich T. V. Ethnographic science and museums. Leningrad, 1978. 286 p. (In Russ.).

Received: 17 March, 2020

МЕДЕЯ ВЛАДИМИРОВНА ИВАНОВА

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник
Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиал
Федерального государственного бюджетного учреждения
науки Федеральный исследовательский центр «Кольский
научный центр Российской академии наук»
(Апатиты, Российская Федерация)
medeya999@gmail.com

ОЛЬГА ВЯЧЕСЛАВОВНА ШАБАЛИНА

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиал
Федерального государственного бюджетного учреждения
науки Федеральный исследовательский центр «Кольский
научный центр Российской академии наук»
(Апатиты, Российская Федерация)
oshabalina@yandex.ru

**«НЕПИСАНЫЕ ПРАВИЛА» ЭКОНОМИКИ ТРАДИЦИОННОГО ДОМОХОЗЯЙСТВА
В СААМСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ***

Цель статьи – рассмотреть систему сложившихся убеждений, традиций и норм саамов («неписанных правил») Кольского полуострова, обеспечивавших постоянное воспроизводство экономической модели их традиционного домохозяйства, через призму саамского фольклора. В контексте неинституциональной теории экономической истории проанализированы опубликованные саамские фольклорные источники (антология «Саамские сказки», сост. Е. Я. Пация; «Фольклорные традиции в культуре саамской семьи», сост. Е. И. Мечкина; «В краю летучего камня», авт. В. В. Чарнолуский) в качестве исторических источников для выделения неформальных институтов, ретранслировавших традиционные знания в сфере хозяйственного (экономического) уклада/быта саамов и побуждавших к регулярности поведения в охоте, рыболовстве и оленепользовании. Определена существенная роль неформальных институтов в экономической деятельности саамов, устанавливавших ограничения с соответствующими механизмами контроля в социально-экономических процессах, формировавших специфику традиционного хозяйства в обозримом прошлом. Сделан вывод о том, что в современной эпохе экономики знаний традиционные знания саамов становятся их основным конкурентоспособным экономическим потенциалом и ресурсом.

Ключевые слова: саами, Кольский полуостров, фольклор, сказка, неформальные институты традиционного домохозяйства

Для цитирования: Иванова М. В., Шабалина О. В. «Неписанные правила» экономики традиционного домохозяйства в саамском фольклоре // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 8. С. 109–117. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.555

ВВЕДЕНИЕ

Современный подход к изучению экономических процессов в исторической ретроспективе базируется на междисциплинарности, оперируя и количественными методами экономического анализа, и методами социальной, когнитивной антропологии, которые формируют представление о поведении людей, их мотивации, ценностях, организационной культуре, в рамках развивающейся неинституциональной теории экономической истории (А. Грейф, Д. Норт, Э. Остром и др.) [17], [18], [29], [31]. Использование данного подхода для исследования экономики традиционного домохозяйства саамов – коренного малочисленного народа Кольского

Севера – позволяет рассмотреть взаимосвязь культурных традиций и экономических показателей, не только оценить прошлый опыт хозяйствования, но и определить потенциальные возможности будущего развития. Междисциплинарный комплексный подход позволяет исследовать корреляции между институтами и экономическим поведением субъектов хозяйствования через влияние «нетехнологических» факторов, которые проявляются через неформальные институты (правила, нормы, обычаи и организации).

Сохранение традиционного образа жизни саамов обеспечивалось и регулировалось в исторической ретроспективе «неписаными правилами»¹ (неформальными институтами) – сложившимися обычаями и сформировавшимися табу в рамках

определенного экономико-географического ландшафта, которые из-за отсутствия письменности передавались из поколения в поколение устно посредством различных фольклорных форм [15]. Признание фольклора в качестве специфического исторического источника не редкость в отечественной и зарубежной науке, что подтверждается наличием его в том или ином виде (устные, фонические, лингвистические источники) в классификациях, например, Л. Н. Пушкарева, И. Д. Ковальченко, С. О. Шмидта [28].

Изучение традиционных домохозяйств Кольского Севера осуществлялось преимущественно в дисциплинарных рамках этнографии и лаппонистики (лопаристики) [2], [7], [12], [13], [14], [16], [24]. Различные аспекты изучения фольклора восточных саамов представлены в работах узкого круга специалистов, опирающихся на теоретические разработки соотношения фольклора и действительности, фольклора и народной культуры [1], [3], [4], [21], [23], [25]. И лишь немногие исследователи использовали его в качестве исторического источника [8], [26].

СААМСКИЙ ФОЛЬКЛОР КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ТЕМЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Саамская культура в обозримом историческом прошлом была бесписьменной. И не имеет собственных письменных памятников, будучи частично отраженной в памятниках соседствующих культур и в описаниях путешественников. Для реконструкции хозяйственного уклада и экономических отношений этого коренного малочисленного народа Кольского Севера, анализа их трансформаций и генеза достаточно сложно сформировать репрезентативную источниковую базу исследования ввиду не только ограниченного количества, но и малого видового разнообразия сохранившихся архивных источников [9]. Имеющиеся записи фольклорного материала были сделаны в основной массе в XIX–XX веках и утратили прямую связь с историческими первоисточниками в силу известных условий бытования различных фольклорных жанров. Но, по мнению специалистов, саамский субстрат тем не менее активно присутствует в известных на сегодняшний день фольклорных источниках.

Существуют определенные теоретико-методологические проблемы использования фольклора в качестве исторического источника – это вопрос открытой, продолжающейся и по сей день дискуссии. Саамский фольклор в этом отношении особенно сложен, так как из-за специфики его функционирования и записи затруднено жанровое определение дошедших до наших дней са-

амских нарративов, в частности, по критерию «правда / вымысел» вне контекстуальных обстоятельств, сопровождавших процесс сообщения-восприятия устного рассказа фольклорного произведения, без информации об установочных и субъективных интенциях информанта-слушателя [3: 117–119], [19]. Тем не менее при тематическом анализе выбранного нами фольклорного массива мы будем разделять позицию одного из главных авторитетов в отечественной фольклористике В. Я. Проппа о возможности разного отношения фольклора к действительности:

1. Даже самые фантастические образы фольклора имеют свою основу в реальной действительности, если понимать под действительностью «эпоху, социальные и экономические отношения, формы мышления и художественного творчества, психологию».

2. Помимо воли и сознания создателей и исполнителей народного устного творчества оно отображает реальную жизнь, но двояко: «Оно может касаться как предмета изображения, так и способа его». Формы и содержание этих прямых и косвенных отражений различны в зависимости от эпохи и жанра.

3. «Создатель может активно стремиться изобразить действительность. Изображение действительности составляет осознанную или неосознанную цель художника. Такое изображение, как правило, будет оценочным. Создатель произведения словесного искусства – фольклорного <...> выразит свое отношение к изображаемой действительности, выразит через свое произведение определенную идею» [20: 69–70].

Фольклор саамов теснейшим образом связан с комплексом производственных, социально-бытовых, семейных отношений этноса, будучи непосредственно включенным в его бытовые практики, в процессе которых он собственно и создавался, функционировал, регулировался их нормами и вне которых не мог существовать и развиваться [22: 180].

Коллективное сознание восточных саамов, обязанное своей самобытностью культурной рецепции православных доктрин архаичной системой религиозных верований этого народа при активном повседневно-бытовом использовании традиционной обрядности и магических практик, обуславливало и специфическое фольклорное сознание, характер моделирования объективной действительности в саамском фольклоре.

Тем не менее «почву и арсенал» фольклора составляют различные институты социальной и бытовой жизни саамов, будучи «в генетическом, функциональном и образно-содержатель-

ном плане» связанными с ним и представляя посредствующую систему, «художественная перекодировка которой позволяет фольклору решать более широкие задачи отражения и преобразования действительности» [22: 203].

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НЕФОРМАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ ЭКОНОМИКИ ТРАДИЦИОННОГО ДОМОХОЗЯЙСТВА В СААМСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

В данной работе мы рассматриваем систему сложившихся убеждений, традиций и норм, то есть неформальных институтов, обеспечивавших постоянное воспроизводство экономической модели традиционного домохозяйства коренного народа Кольского Севера через призму фольклорно-этнографических данных, представленных в антологии «Саамские сказки», составленной Е. Я. Пацией², в книге Е. И. Мечкиной «Фольклорные традиции в культуре саамской семьи» с образцами саамских паремий³, в записках этнографа В. В. Чарнолуского «В краю летучего камня»⁴. Книга «Саамские сказки» до сегодняшнего дня остается одним из лучших эдиционных проектов, в результате которого были аккумулированы и систематизированы в одном томе записи саамского фольклора, сделанные различными российскими исследователями, этнографами, естествоиспытателями, путешественниками, священником, специалистами-фольклористами с 1873 по 1973 год, в том числе и этнографом В. В. Чарнолуским. Он имел собственный опыт публикации саамского фольклора в литературной обработке (1962)⁵. Но в качестве источника для анализа по теме была выбрана более поздняя работа (1972)⁶ Владимира Владимировича, которая, кроме художественной адаптации саамских нарративов, содержит комментарии специалиста, занимавшегося изучением материальной культуры и оленеводства у саамов методом включенного наблюдения, необходимые для интерпретации фольклорного материала и из других источников. Книга Е. И. Мечкиной – первая попытка систематизированной публикации саамских паремий и афористических высказываний носителем культуры, также снабженная комментариями для облегчения понимания отраженных в них реалий и смыслов. Наличие верифицированных комментариев в публикациях фольклорно-этнографического материала и определило выбор источников для анализа.

Наше предположение заключается в том, что через неформальные институты реализуется система традиционных знаний. Эти институты представляют собой правила как систему социальных факторов, совокупное влияние которых

порождает регулярность поведения индивида и постоянное воспроизводство реализующейся модели хозяйствования. Именно в фольклоре находят свое отражение традиционные знания о природе, ресурсах, правилах обращения с природными ресурсами и многие другие. Изучение саамских фольклорных произведений в качестве исторических источников с учетом их определенной ранее специфики не может дать целостного представления об экономике народа, но позволит выделить неформальные институты, ретранслировавшие отдельные традиционные знания в сфере хозяйственного (экономического) уклада/быта саамов.

«Отмежевавшись» от рода, на долгое время основой социальной структуры саамов и одним из протагонистов саамского фольклора стала семья, в рамках которой передавалось «знание». Совокупность семей, объединенная в погост, представляла собой экономический институт, который обладал исключительным правом на природные ресурсы в пределах своей территории, регулировал функционирование институтов распределения и перераспределения, коллективной собственности на землю, частной семейной собственности на оленей, института перекочевок к месту сезонной хозяйственной деятельности саамской общины и таким образом обеспечивал поддержание социальной структуры [10].

Хозяйственно-экономическая функция управления погостом основывалась на комплексном использовании природных ресурсов, характеризовалась сочетанием рыболовства, оленеводства и охоты. В основу данной модели был заложен высокий коэффициент будущего, когда удовлетворение жизненных потребностей настоящего времени не ставило под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности [30].

Природосообразность традиционной экономики саамов в свою очередь базировалась на системе неформальных институтов (правил, убеждений, норм, организаций), которые совместно порождали регулярность социально-экономического поведения [11].

По мнению А. Грейфа, общество обладает различными технологическими (географическое положение, накопленный объем знаний и запас капитала) и нетехнологическими особенностями (законы и способы их исполнения, формы распределения и защиты прав собственности, а также уровня коррупции и доверия), которые отражаются на экономических результатах [6: 31].

Экономическая модель традиционного хозяйства саамов как социальной общности представ-

ляла собой распределенное хозяйство, построенное на рациональном природопользовании. Эта модель характеризуется «технологическими» особенностями географического положения (причем не только всего Кольского полуострова относительно других территорий, но и внутренней спецификой природно-климатических условий различных его частей).

Сюжеты саамских героических и исторических сказаний и сказок, повествуя о стоической борьбе автохтонов Кольского полуострова с врагами, называемыми сказочными обобщенными именами «шведы, немцы, финны, чудечуэрьв», демонстрируют нам борьбу за богатые ресурсы: природные и человеческие. Целью захватчиков, кроме грабежа, становились саамские женщины и «сильные люди».

Средства борьбы саамов за ресурсы на первый взгляд кажутся не экономическими, однако они побеждают «знанием», которое непосредственно связано с их хозяйственной деятельностью, – это знание своей природы, климата, географического ландшафта и правил поведения в данной среде.

«Саамы, чтобы укрыться от врагов, жили под землей в ямах-землянках, огонь разводили они только по ночам, деревья рубили под самый корень и пни засыпали землей. Землянка от землянки находилась на большом расстоянии»⁷.

Борьба за ресурсы прослеживается и в рамках экономического ландшафта в спорах с колонистами. В сказке «Как коляне падун отбирали» коляне-колонисты намеревались «отнять у сонгельских саамов падун»⁸, где очень хорошо ловилась рыба. Открытого столкновения не произошло: по решению суймы⁹ выборных отправили к «царю Петру», откуда они вернулись с «указом на Тулому с падун» в пользу саамов.

Специфика природно-климатических условий отражена в саамских приметах и поговорках:

«Гром гремит, лед не сошел. Улов рыбы будет плохой», «Олень резвится, погода переменится, будет ненастье», «Зимой лес посинел, это к оттепели», «Вылинявший олень в кинтище, а дымокур в озеро» (после Ильина дня исчезают комары, а у оленей заканчивается линька).

Традиционные афоризмы фиксируют правила поведения: «Собирай осенью, что лес и болото дают, после осени лето не приходит»¹⁰.

Экономическая модель организации домохозяйства включала также «нетехнологические» особенности, которые относятся к «обычному праву» саамов, определявшему их экономическое поведение. Этот свод норм и правил влиял на поведение, поскольку люди имели мотив им следовать. Если нарушить правила, нарушится система природопользования и, соответственно, система

самообеспечения саамов. Правила, обеспечивающие регулярность поведения, выражаются через нематериальные институты.

В. Л. Тамбовцев, рассматривая проблемы эмпирического выявления неформальных институтов, их идентификации и измерения, считает, что

«любые институты проявляются как регулярности поведения людей в близких (похожих) ситуациях. Однако <...> наблюдаемая регулярность является проявлением института, если действия, отклоняющиеся от нее (разумеется, в том классе схожих ситуаций, где она имеет место), влекут за собой санкции, применяемые к нарушителю другими людьми» [27: 98].

Санкции, применяемые к нарушителям традиционных норм, в данном виде исторического источника выражены иносказательно и формульно в рамках жанрового разнообразия. Исполнение этих санкций в обыденной жизни осуществлялось членами самого саамского сообщества – колдунами-нойдами (колдовать мог научиться любой «по дружбе или хитростью») [5: 72–73]. В фольклоре эта функция прямо делегируется мифологическим прародителям Мяндашу и Мяндаш-деве, духам-сейдам, чуди, различным фольклорным воплощениям Зла.

«Против Экостровского погоста есть остров. Жил когда-то на этом острове сейд. Он не любил, чтоб мимо проезжали ночью, после заката солнца до утра, и за это страшно наказывал пловцов»¹¹.

«Мяндаш-дева подошла к своей веже. У вежи играли пыжики – ребятки <...>. Побежали молодцу встретить <...>. А у нее был в руках посошок. Она их била <...> по носам до крови. Они домой убежали к матери <...> и говорят: “Вот так молодая нас встретила” <...>. Мяндаш-дева сказала: “Тут в камень превратись”. Девушка окаменела»¹².

Рассмотрение института в качестве системы расходится с практикой рассмотрения его в качестве монолитной единицы, каковой является, например, правило. Чтобы понять регулярность поведения, необходимо изучить систему взаимосвязанных элементов. Различные институциональные элементы – правила, убеждения, нормы и организации – играют разные роли в формировании поведения. Различные подходы к изучению институтов, которые определяли их в качестве либо правил, либо убеждений, либо норм, либо организаций, указывают на роли, которые играет каждый из этих факторов. Исходя из того, что существует два типа убеждений: интернализированные и поведенческие (ожидания), можно предположить, что в рассматриваемый доиндустриальный период превалировал именно интернализированный тип убеждений. Такие убеждения относятся к структуре и устройству мира, данного нам в опыте, и, возможно, других миров,

а также к предполагаемому соотношению между действиями и результатами. Они отражают знание в форме когнитивных (ментальных) моделей, разрабатываемых индивидами, чтобы объяснить и понять свою собственную среду. Подобные убеждения могут напрямую мотивировать поведение на индивидуальном уровне [6: 61].

Именно этот тип убеждений мы наблюдаем в сказках. Некоторые правила поведения саамов, обеспечивающие их функционирование в (локальной) экономической системе с примерами взаимосвязанных ролей институциональных элементов, приведены в таблице.

Примеры взаимосвязанных ролей институциональных элементов
Examples of the interrelated roles of institutional elements

Сказка	Правило	Убеждение	Предполагаемая регулярность поведения / последствия (риски)
Охота на дикого оленя			
Сказка о диком олене «Молитва Мяндаша», Саамские сказки, стр. 197	Правило, требующее в хирвасном стаде диких оленей не убивать	Интернализированная норма сохранения популяции диких оленей (Только одну важеньку на прокорм семьи, но не больше)	Отказ от охоты на хирваса, нормированная охота на дикого оленя
Оленепользование			
Сказка о ягеле «Землюшка прости», В. В. Чарнолуский, стр. 19–20	Правило оленепользования	Интернализированная норма свободного выпаса оленей	Сохранение кормовой базы (ягеля)
	Поведенческое правило, требующее бережного отношения к земле	Вера в месть со стороны природы (земли) Качество жизни связано с состоянием природы	Бережное природопользование

Анализ различных саамских фольклорных источников позволяет выделить следующие нематериальные институты, побуждающие к регулярности поведения в охоте, рыболовстве и оленепользовании – пассивной форме оленеводства.

ПРАВИЛА ОЛЕНЕПОЛЬЗОВАНИЯ

Наибольшее внимание в сказках уделяется правилам и нормам обращения как с дикими оленями, так и с домашним стадом. Также в них отражены элементы регулирования кормовой базы оленей, от которой напрямую зависит продуктивность оленепользования.

«Мяндаш <...> напоминал ему, как он, Мяндаш, научил его охотиться на дикарей, как научил прятаться за кусты, рядиться в еловые ветки и надевать на себя оленьи рога, и за камень хорониться – не был бы виден охотник дикарю, берегся бы он человека, опасался бы его хитростей. И не он ли, Мяндаш, вложил в руки чело-

века лук. И дал великий завет: в хирвасном стаде диких оленей не убивать – только одну важеньку на прокорм семьи, но не больше того, а на самого хирваса – запрет»¹³.

«Сказал старик своим сыновьям: “Вы будете охотиться и увидите стадо диких оленей <...>. Вы можете стрелять всякого оленя, но не троньте передового хирваса (гирваса) <...> это нехорошо: дикари больше не будут приходить к нашему озеру”»¹⁴.

«Олень бойкого хозяина спрашивает у оленя ленивого брата: “<...> Любит ли тебя хозяин?” “А уж где любит? Другой раз сутки голодом морит <...>. А тебя любит ли хозяин твой?” – “О, меня хозяин три накона в день перевязывает – каждый раз на свежее местечко ставит. В летнее время, когда я и пить-то не хочу, а он меня к воде ведет. А уж по грибам меня всегда водит – самые вкусные грибы дает”»¹⁵.

В. В. Чарнолуский свидетельствовал:

«Олень для саама (лопаря) – это все: пища, средство передвижения, запас меховой одежды и обуви, и просто средство умиловления божества и хранитель человеческого счастья. По саамским традициям оленя пасут в естественной обстановке в тундре без вмешательства человека, т. е. оленя скорее охраняют, чем пасут. Сформировалась целая система организации посезонного выпаса оленей. Такая форма оленеводства повлияла на кочевой образ жизни саамов»¹⁶.

Олень у саамов был ассоциирован с хлебом: «Мы не пахари, мы не косари <...>. Мы олений народ. Наш хлеб – олень батюшка»¹⁷. Учитывая афористичные значения концепта «хлеб» в русском фольклоре, можно говорить о том, что хлеб – это сама жизнь. «Хлеб у русских – больше чем пропитание, он – символ пропитания»¹⁸. Следовательно, зная о рецепции саамским фольклором элементов и сюжетов русского фольклора, можно констатировать: олень у саамов – символ жизни в самом объемном смысле.

ПРАВИЛА ПЕРИОДИЧНОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ И ХРАНЕНИЯ ПРОДУКТОВ

Фактически во всех саамских сказках присутствует сюжет приготовления пищи, где обязательно фигурируют котел и продукты, из которых готовят незатейливые «варева» – насыщенные жиром и белком высококалорийные блюда, необходимые в рационе для обеспечения выживания жителей Крайнего Севера.

«Сварил суп в большом котле, в котором красят снасти. Суп сварил из самой лучшей яловки»^{19,20}.

«Она налила в него вари и поставила на огонь <...> закипела <...> вся вода <...> мясо уварилось <...>. Тут хозяйка в котел муки подбросила, да еще и сала впридачу»²¹.

В некоторых сказках выделены лакомства и лучшее угощение – «хорошая рыба», оленьи мозги:

«Когда я раньше у бедного охотника жила, то ела лучше, чем у тебя, богача. У тебя никогда не едят оленьих мозгов»²².

Одним из аспектов традиционного природопользования, связанного с жизнеобеспечением саамов, является традиционная система питания. Пищевые факторы всегда играли важную роль в формировании экологически обусловленной нормы здоровья, а экономика традиционного домохозяйства была направлена главным образом на производство и добывание продуктов питания.

Система питания занимала важное место в определении самобытности культуры саамов Кольского полуострова. Она основывалась на использовании местной природно-ресурсной базы. По свидетельствам фольклорных источников, традиционный набор продуктов питания саамов был скромным и неразнообразным. Он включал в себя мясо оленя, рыбу, дичь и дикоросы. Выбор продукта для приготовления (олень или рыба) мог быть связан или с хозяйственной специализацией погоста, или, что более вероятно, со временем года, в условиях которого развивался тот или иной фольклорный сюжет. Структура питания учитывала сезонную доступность пищи и адаптацию народа к локальным особенностям территории. Начиная с апреля отдельные семьи (группы) разъезжались по своим промысловым угодьям, а к декабрю возвращались в зимний погост. Оленей преимущественно ели зимой, рыбу – летом. «На осеннем месте сухое оленьё мясо, сухая рыба»²³.

Рыбный сезон у саамов длился с весны по осень, в этот период производилась заготовка

рыбных запасов как для собственного потребления, так и для продажи. Технологии заготовки и хранения рыбы были достаточно просты. Для подготовки рыбы к длительному хранению использовалось два способа: засолка или сушка на солнце без соли, для чего рыбу пластали вдоль спины, потрошили и развешивали на шестах. Запасы хранили в бочках, зарытых в землю²⁴. Рассмотренные фольклорные источники в значительной степени отражают традиционные правила, регламентирующие различные аспекты пищевого поведения саамов.

ВЫВОДЫ

Определив неформальные институты в саамских фольклорных источниках и проанализировав их функцию передачи традиционных знаний, можно говорить о том, что они в обозримом прошлом действительно играли существенную роль в хозяйственной деятельности саамов, устанавливая ограничения, соответствующие механизмы контроля в социально-экономических процессах, определявших специфику сложившегося традиционного хозяйства, соблюдение местных традиций и готовность локальных групп к инновациям. В эпоху экономики знаний, когда знания стали определяющим фактором роста производства, роль традиционных знаний коренных народов существенно повышается и становится их основным конкурентоспособным экономическим потенциалом и ресурсом.

* Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания ФИЦ КНЦ РАН по теме НИР № 0226-2019-0066.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Эти правила основывались на обычном праве, описанном в работах А. Е. Ефименко, Н. Н. Харузина и других авторов.
- ² Саамские сказки / Состав., предисл. и примеч. Е. Я. Пация; Под ред. Г. М. Керта. Мурманск: Кн. изд-во, 1980. 320 с.
- ³ Мечкина Е. И. Фольклорные традиции в культуре саамской семьи. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2010. 54 с.
- ⁴ Чарнолуский В. В. В краю летучего камня. Записки этнографа / Отв. ред. и авт. послесл. и коммент. Т. В. Лукьянченко и Ю. Б. Симченко. М.: Мысль, 1972. 271 с.
- ⁵ Саамские сказки / Обр. В. В. Чарнолуского. М.: Худ. лит., 1962. 304 с.
- ⁶ Книга опубликована после смерти В. В. Чарнолуского (1894–1969).
- ⁷ Саамские сказки... С. 36.
- ⁸ Водопад.
- ⁹ Мирской сход у саамов.
- ¹⁰ Мечкина Е. И. Фольклорные традиции в культуре саамской семьи... 54 с.
- ¹¹ Саамские сказки... С. 55.
- ¹² Там же. С. 200.
- ¹³ Там же. С. 197.
- ¹⁴ Там же. С. 66.
- ¹⁵ Там же. С. 132.
- ¹⁶ Чарнолуский В. В. В краю летучего камня... С. 19.
- ¹⁷ Там же.

¹⁸ Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. С. 311.

¹⁹ Молодая, еще не телившаяся важенка (олениха).

²⁰ Саамские сказки... С. 16.

²¹ Там же. С. 281.

²² Там же. С. 75.

²³ Там же. С. 35.

²⁴ Иванов-Дятлов Ф. Г. Наблюдение врача на Кольском полуострове. Л.: ГРГО, 1928. С. 124.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бакула В. Б. Мифо-фольклорные истоки литературы российских саамов: Монография. Мурманск: МАГУ, 2020. 149 с.
2. Бодрова О. А. В поисках отражения: Саамы Кольского севера в русской этнографической литературе второй половины XIX – начала XX вв. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2014. 168 с.
3. Бодрова О. А. Проблемы изучения фольклора кольских саамов // Труды Кольского научного центра РАН. 2016. № 3 (37). С. 116–122.
4. Бодрова О. А., Разумова И. А. Локализация устных нарративов саамского фольклора на территории Кольского полуострова (к вопросу о географическом принципе составления указателя саамских фольклорных сюжетов) // Труды Кольского научного центра РАН. 2015. № 7 (33). С. 126–142.
5. Волков Н. Н. Российские саамы: Историко-этнографические очерки / Отв. за вып.: Ларс-Нила Ласку, Чунер Таксами; Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Саамский Институт. Каутокейно; СПб.: МАЭ РАН, 1996. 106 с.
6. Грейф А. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли / Пер. с англ. И. Кушнareвой; Вступ. ст. М. Юдкевич; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2-е изд. М.: Изд. дом ВШЭ, 2018. 536 с.
7. Гуцол Н. Н., Виноградова С. Н., Саморукова А. Г. Переселенные группы кольских саамов. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2007. 86 с.
8. Змеева О. В., Разумова И. А. Саамское предание как «источник» по истории борьбы с лавинами в Хибинах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 1 (162). С. 67–73.
9. Иванова М. В., Казакова К. С., Шабалина О. В. Опыт социо-экономического и культурного развития Арктической зоны РФ в XVIII – начале XX вв.: к разработке источниковой базы исследования // Труды Кольского научного центра РАН. 2017. Т. 8. № 9–12. С. 61–76.
10. Иванова М. В., Шабалина О. В. Экономические аспекты социальной справедливости в практиках традиционных домохозяйств Кольского полуострова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 2. С. 79–88. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.452
11. Карнышев А. Д. Природосообразность как психолого-экономический принцип и ресурсы его реализации // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 25. № 1. С. 160–171.
12. Киселев А. А., Киселева Т. А. Советские саамы: История, экономика, культура. Мурманск: Кн. изд-во, 1987. 206 с.
13. Куропятник А. И., Куропятник М. С. Саамы: контексты и интерпретации социальных и культурных изменений // Сибирские исторические исследования. 2017. № 4. С. 226–229.
14. Кучинский М. Г. Саами Кольского уезда в XVI–XVIII вв. Модель социальной структуры // *Diedūt*. 2008. № 2. 261 с.
15. Логинов В. Г. Институционально-эволюционный подход к оценке социально-экономического развития малочисленных народов Севера // Экономика региона. 2005. № 2. С. 37–49.
16. Лукьянченко Т. В. Саамы // Коренные малочисленные народы Севера и Сибири / Под ред. Д. А. Функа, Л. Силланпяя. Вааса: Университет Академии Або, 1999. Вып. 29. С. 18.
17. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
18. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010. 256 с.
19. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки // Собрание трудов. М., 1998. С. 112–436.
20. Пропп В. Я. Поэтика фольклора: Собрание трудов / Сост., предисл. и коммент. А. Н. Мартыновой. М.: Лабиринт, 1998. 352 с.
21. Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи. М.: Наука, 1976. 327 с.
22. Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л.: Наука, 1976. 244 с.
23. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. 235 с.
24. Разумова И. А. Гендерная стереотипия в контексте этнокультурной ситуации: женщины-саамы в русской этнографии // Вестник Кольского научного центра РАН. 2013. № 3. С. 50–56.
25. Сенкевич-Гудкова В. В. К вопросу о трансформации саамского эпоса // Специфика фольклорных жанров: Сб. ст. / Отв. ред. Б. П. Кирдан. М.: АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького, 1973. С. 246–255.

26. Сенкевич-Гудкова В. В. Сказки иоканьгских саамов как исторический источник // Ученые записки Карельского педагогического института. 1956. Т. III. Вып. 1. С. 112–113.
27. Тамбовцев В. Л. Экономическая теория неформальных институтов. М.: РГ-Пресс, 2014. 174 с.
28. Шмидт С. О. О классификации исторических источников // Вспомогательные исторические дисциплины. 1985. № 16. С. 3–24.
29. Grief A. Historical and comparative institutional analysis. *American Economic Review*. 1998. Vol. 88. No 2. P. 80–84.
30. Our common future. Chapter 2: Towards sustainable development [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.un-documents.net/ocf-02.htm> (дата обращения 01.07.2020).
31. Ostrom E. A Behavioral approach to the rational choice theory of collective action: Presidential Address, American Political Science Association, 1997. *American Political Science Review*. 1998. No 92 (1). P. 1–22.

Поступила в редакцию 17.07.2020

Medeya V. Ivanova, Doctor of Economics, Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences
(Apatity, Russian Federation)
medeya999@gmail.com

Olga V. Shabalina, PhD in History, Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences
(Apatity, Russian Federation)
oshabalina@yandex.ru

THE “UNWRITTEN RULES” OF THE TRADITIONAL HOUSEHOLD ECONOMY IN SÁMI FOLKLORE*

The aim of the paper is to examine the system of prevailing beliefs, traditions and norms (“unwritten rules”) of the Sámi of the Kola Peninsula, which ensured the constant reproduction of the economic model of the traditional household, through the prism of Sámi folklore. The authors analyze certain published Sámi folklore sources (anthology *Sámi Fairy Tales* compiled by E. Ya. Patsiya; *Folklore Traditions in the Culture of Sámi Families* compiled by E. I. Mechkina; and *In the Land of Flying Stones* by V. V. Charnoluskiy) in the context of the neo-institutional theory of economic history as historical sources in an attempt to single out informal institutions that transmitted traditional knowledge in the sphere of household (economic) practices of the Sámi and ensured regularity of behavior in hunting, fishing and reindeer husbandry. The authors also identify the role of the informal institutions in the economic activities of the Sámi, which imposed limitations and sufficient control mechanisms for the socioeconomic processes that shaped the specifics of the traditional household in the visible past. It is concluded that in the modern era of knowledge economy traditional knowledge of the Sámi determines their economic capacity and becomes their main competitive economic resource.

Keywords: Sámi, Kola Peninsula, folklore, fairy tale, informal institutions of traditional households

* The study was financially supported by the federal budget as part of the state research task No 0226-2019-0066 assigned to the Federal Research Center “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences”.

Cite this article as: Ivanova M. V., Shabalina O. V. The “unwritten rules” of the traditional household economy in Sámi folklore. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 8. P. 109–117. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.555

REFERENCES

1. Bakula V. B. Myth and folklore sources of literature of the Russian Sámi: Monograph. Murmansk, 2020. 149 p. (In Russ.)
2. Bodrova O. A. In search of reflection: The Sámi of the Kola North in Russian ethnographic literature of the second half of the XIX and the early XX centuries. Apatity, 2014. 168 p. (In Russ.)
3. Bodrova O. A. Problems of study of the Kola Sámi folklore. *Proceedings of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences*. 2016. No 3 (37). P. 116–122. (In Russ.)
4. Bodrova O. A., Razumova I. A. Localization of the oral narratives of the Sámi folklore on the Kola Peninsula. The geographical criterion of classification of the Kola Sámi folklore. *Proceedings of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences*. 2015. No 7 (33). P. 126–142. (In Russ.)
5. Volkov N. N. Russian Sámi: historical and ethnographical essays. (Lars-Nila Lasku, Chuner Taksami, Eds.). Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, Sámi Institute. Kautokeino, St. Petersburg, 1996. 149 p. (In Russ.)
6. Greif A. Institutions and the path to the modern economy. Lessons from medieval trade. (I. Kushnareva, Transl. from English). Cambridge University Press, 2006. 536 p. (In Russ.)
7. Gutsol N. N., Vinogradova S. N., Samorukova A. G. The displaced groups of the Kola Sámi. Apatity, 2007. 86 p. (In Russ.)

8. Zmeeva O. V., Razumova I. A. The Sámi saga as a “source” on the history of avalanche defense in Khibiny. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2017. No 1 (162). P. 67–73. (In Russ.)
9. Ivanova M. V., Kazakova K. S., Shabalina O. V. Experience of socio-economic and cultural development of the Arctic zone of the Russian Federation in the 18 – the early 20th cent.: considering the source base of the study. *Proceedings of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences*. 2017. Vol. 8. No 9–12. P. 61–76. (In Russ.)
10. Ivanova M. V., Shabalina O. V. Economic aspects of social justice in the practices of traditional households of the Kola Peninsula. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 2. P. 79–88. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.452. (In Russ.)
11. Karnyshev A. D. Consistency to natural laws as a psychological and economic principle and the resources for its implementation. *Bulletin of Irkutsk State Economic Academy*. 2015. Vol. 25. No 1. P. 160–171. (In Russ.)
12. Kiselev A. A., Kiseleva T. A. The Soviet Sámi: History, economics, culture. Murmansk, 1987. 206 p. (In Russ.)
13. Kuropyatnik A. I., Kuropyatnik M. S. The Sámi: contexts and interpretations of social and cultural changes. *Siberian Historical Research*. 2017. No 4. P. 226–229. (In Russ.)
14. Kuchinsky M. G. The Sámi of the Kola uyezd between the XVI and the XVIII centuries. Social structure model. *Diedut*. 2008. No 2. 261 p. (In Russ.)
15. Loginov V. G. Institutional-evolutionary approach to assessing the socio-economic development of small peoples of the North. *Economy of Region*. 2005. No 2. P. 37–49. (In Russ.)
16. Lukyanchenko T. V. The Sámi. *Indigenous peoples of the North and Siberia* (D. A. Funk, L. Sillanpää, Eds.). Vaasa, 1999. Issue 29. P. 18. (In Russ.)
17. North D. Institutions, institutional change and economic performance. Moscow, 1997. 180 p. (In Russ.)
18. North D. Understanding the process of economic change. Moscow, 2010. 256 p. (In Russ.)
19. Propp V. Ya. The historical roots of the fairy tale. *Collected works*. Moscow, 1998. P. 112–436. (In Russ.)
20. Propp V. Ya. Poetics of folklore: Collected works. Moscow, 1998. 352 p. (In Russ.)
21. Propp V. Ya. Folklore and reality: Selected articles. Moscow, 1976. 327 p. (In Russ.)
22. Putilov B. N. Methodology for the comparative historical study of folklore. Leningrad, 1976. 244 p. (In Russ.)
23. Putilov B. N. Folklore and folk culture. St. Petersburg, 1994. 235 p. (In Russ.)
24. Razumova I. A. Gender stereotypes in the context of ethnocultural situation: Sámi women in Russian ethnography. *Bulletin of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences*. 2013. No 3. P. 50–56. (In Russ.)
25. Senkevich-Gudkova V. V. Revisiting the transformation of Sámi epos. *Specificity of folklore genres: Collection of articles*. Moscow, 1973. P. 246–255. (In Russ.)
26. Senkevich-Gudkova V. V. Fairy tales of the Iokanga Sámi as a historical source. *Proceedings of Karelian Pedagogical Institute*. 1956. Vol. III. Issue 1. P. 112–113. (In Russ.)
27. Tambovtsev V. L. The economic theory of informal institutions. Moscow, 2014. 174 p. (In Russ.)
28. Schmidt S. O. Revisiting the classification of historical sources. *Auxiliary Historical Disciplines*. 1985. No 16. P. 3–24. (In Russ.)
29. Grief A. Historical and comparative institutional analysis. *American Economic Review*. 1998. Vol. 88. No 2. P. 80–84.
30. Our common future. Chapter 2: Towards sustainable development. Available at: <http://www.un-documents.net/ocf-02.htm> (accessed 01.07.2020).
31. Ostrom E. A Behavioral approach to the rational choice theory of collective action: Presidential Address, American Political Science Association, 1997. *American Political Science Review*. 1998. No 92 (1). P. 1–22.

Received: 17 July, 2020

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ПИТУХИНА

доктор политических наук, ведущий научный сотрудник
Института экономики

Федеральное государственное бюджетное учреждение на-
уки Федеральный исследовательский центр «Карельский
научный центр Российской академии наук»

(Петрозаводск, Российская Федерация)

pitukhina@petrsu.ru

Рец. на кн.: Природа и коренное население Арктики под влиянием изменения климата и индустриального освоения: Мурманская область / под ред. Е. А. Боровичёва и Н. В. Вронского. Москва: Изд. Дом «Графит», 2020. 180 с.

Монография «Природа и коренное население Арктики под влиянием изменения климата и индустриального освоения: Мурманская область» подготовлена научным коллективом Кольского научного центра РАН, Фондом саамского наследия и развития, Центром содействия коренным малочисленным народам Севера. Среди авторов книги – сотрудники Кольского научного центра РАН, Полярно-альпийского ботанического сада-института им. Н. А. Аврорина, Центра содействия коренным малочисленным народам, Университета г. Хельсинки, Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Рязанского государственного университета, Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН и Фонда саамского наследия и развития.

Первые две главы монографии посвящены особенностям географического расположения и ландшафта Мурманской области, ее эндемичным животным и растениям, жизни Кольской лесотундры. Первый раздел «Природа» позволяет сделать вывод о том, что анализ изменений современного биоразнообразия Мурманской области обусловлен чрезвычайно сильным влиянием антропогенного фактора, и это неудивительно. Мурманская область является одним из экономических полюсов развития, драйвером роста Арктической зоны РФ. В 2019 году в ТОП-3 видов экономической деятельности в структуре ВРП региона выделяют: ВЭД «сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство» – 14,4 %, ВЭД «добыча полезных ископаемых» – 12 %, ВЭД «обрабатывающие производства» – 11,5 %. В Мурманской области функционируют 4 энергоблока ВВЭР-440 Кольской АЭС, 17 ГЭС, 3 ТЭЦ. Градообразующим предприятием сразу для нескольких промышленных городов региона является предприятие ФОСАГРО, флагман горно-химической отрасли страны.

Глава III посвящена особенностям быта и традиционного уклада коренных малочисленных народов, проживающих на территории Русской Лапландии. Так, в национальном составе Мурманской области, согласно Всероссийской переписи населения 2010 года, доминируют русские, украинцы, белорусы, татары и азербайджанцы. При этом на Кольском полуострове проживают представители трех коренных малочисленных народов Севера: саамы – 1598 человек, ненцы – 149 человек, вепсы – 82 человека. Однако статус коренного малочисленного народа Севера на территории Мурманской области установлен лишь в отношении аборигенов Кольского полуострова – кольских саами. Большая часть саамов проживает в Ловозерском районе, в настоящее время именно в селе Ловозеро ведется подготовка кадров для оленеводческой отрасли. Так, в Северном национальном колледже создана учебная оленеводческая база, ведется подготовка по профессиям, связанным с этнокультурной сферой коренных малочисленных народов Севера: «Хозяйка(ин) усадьбы», «Резчик», «Оленевод-механизатор».

Подчеркивается также тот факт, что обучение саамскому языку сохранилось только в Ловозерском районе. При этом язык кольских саами, как отмечается, имеет четыре диалекта (йоканьгский, кильдинский, нотозерский, бабинский) и ряд говоров. Для сравнения обратимся к статистическим данным некоторых субъектов, входящих в АЗ РФ, на территории которых проживают коренные малочисленные народы. Так, в 2015 году, согласно данным Росстата, в школах Карелии обучалось 65 243 школьника, в школах Мурманской области – 75 178, в школах Чукотского автономного округа – 7258. Доля школьников, изучающих языки коренных малочисленных народов, в Карелии составляет 10,7 %, из них вепсский язык – 0,36 %, карельский язык – 3,54 %, финский язык – 7 %. Общая доля школьников, изучающих языки корен-

ных малочисленных народов, в Чукотском автономном округе составляет 25 %, из них чукотский язык изучают 22 %, эвенский – 1,47 %, эскимосский – 1,35 %. В Мурманской области язык саамов изучают только 1,35 % школьников. Очевидно, что в ряде субъектов АЗ РФ остро стоит задача сохранения и защиты самобытности, культуры, языков и традиций коренных малочисленных народов, в том числе саамов в Мурманской области.

Рассматриваются некоторые особенности саамского быта: строение традиционного жилья (вежи), рыболовство с использованием крючка лувн, полукочевое оленеводство, морзверобойный промысел (добыча нерпы), некоторые традиции и элементы домашнего убранства саамских чумов и деревянных туп.

Глава IV посвящена оценке роли коренных малочисленных народов как экспертов в условиях наблюдения за хрупкой и изменчивой арктической природой. Приводится перечень проектов, реализуемых в различных субъектах АЗ РФ, в рамках которых народные наблюдения помогают сделать научные открытия и органично дополняют научные знания, например доказательство популяционной структуры в чукотско-беринговоморском стаде гренландских китов. Система традиционных экологических знаний саами Кольского полуострова также подробно изучена и представлена в монографии.

В V главе отмечается, что в регионе есть и скрытые проблемы, потенциально грозящие конфликтами, и определенный позитивный опыт конструктивного взаимодействия ресурсодобывающих компаний и коренного населения. Подчеркивается, что среди саами существуют серьезные опасения, связанные с тем, что будущие разработки новых месторождений полезных ископаемых, прежде всего в Ловозерском районе, могут оказать на них серьезное влияние, так как нанесут экологический урон территориям и приведут к сокращению пастбищных угодий. При этом есть общее убеждение, что в случае потенциальных угроз коренное население будет активно отстаивать свои права.

Данная проблема не нова, она также остро стоит и в некоторых других арктических регионах. В частности, в 2020 году НОВАТЭК планирует начать бурение на месторождениях в Ненецком автономном округе. Представители коренных малочисленных народов опасаются, что со стартом работ рыбы в реках станет меньше, а часть ценного ягеля может быть уничтожена тяжелой техникой. 5 марта 2020 года Совет саамов наложил вето на строительство дороги из Киркенеса в Рованиеми протяженностью 520 км. В то же время в международной практике есть примеры, когда коренные малочисленные народы

выступают в роли партнеров крупных инфраструктурных проектов, например строительство дороги в арктических провинциях Канады – Inuvik-Tuktoyaktuk Highway.

В VI главе рассматриваются стратегии адаптации к изменению климата. Отмечается, что в Российской Федерации пока не существует единой государственной стратегии в области адаптации к изменению климата, а в Стратегии социально-экономического развития Мурманской области словосочетание «адаптация к изменению климата» встречается один раз среди списка угроз будущему развитию.

Глава VII посвящена оценкам основных социально-экономических проблем села Ловозеро – культурного центра кольских саами. Среди проблем особо отметим отток молодежи, нежелание молодежи работать по профессиям, связанным с этнокультурной сферой коренных малочисленных народов Севера: «Хозяйка(ин) усадьбы», «Резчик», «Оленевод-механизатор». При этом отток молодежи из других арктических поселений Мурманской области, например Ревды, Ковдора, Кировска, является не таким критичным, как из Ловозера.

В главе VIII «Сценарии развития Мурманской области в условиях изменения климата» предлагаются четыре сценария развития региона на период до 2050 года. Типы предложенных сценариев варьируются в зависимости от изменений, связанных с используемой ресурсной моделью освоения. Но ясно одно: сценарное прогнозирование должно вовлечь в обсуждение представителей разных социальных групп, в том числе коренного населения Кольского полуострова – саами.

Рецензируемая монография является своевременной, в ней фиксируются ключевые проблемы коренного малочисленного населения Кольского полуострова – саамов, ассимиляция их более многочисленными народами; недостаток внимания со стороны федеральных органов власти в части сохранения и развития саамского языка; недостаток финансирования и мер регионального характера в Ловозерском районе, связанных с предотвращением оттока молодежи, профориентацией молодых людей на востребованные в с. Ловозеро профессии.

Очевидно, что интенсивно развивающиеся, в том числе и в Мурманской области, процессы глобализации, аккультурации, ассимиляции, урбанизации, хозяйственной деятельности наносят ущерб исконной среде обитания коренных малочисленных народов, трансформируют их традиционный образ жизни. Книга представляется важной в части сохранения самобытности, традиционного уклада, быта и занятости саамов.

Поступила в редакцию 25.05.2020

СЕРГЕЙ СВЯТОСЛАВОВИЧ ВОЛКОВ

кандидат филологических наук, доцент, заведующий отделом «Словарь языка М. В. Ломоносова»

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

sergejvolkov2006@yandex.ru

Рец. на кн.: Московкин Л. В. Языковое образование в Академическом университете и гимназии в XVIII веке. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. – 144 с.

Книга доктора педагогических наук, профессора СПбГУ Л. В. Московкина посвящена одному из самых интересных периодов в истории русского образования – раннему «петербургскому» периоду, когда центром европейского просвещения в России становится новое государственное учреждение – Санкт-Петербургская Академия наук, а ученые, в ней работающие (преимущественно иностранцы), были обязаны заниматься и научной, и преподавательской деятельностью. Такое своеобразное соположение науки и образования представляется весьма актуальным в настоящее время, так как ученики гимназии и студенты Академического университета были вовлечены в исследовательскую работу лабораторий Академии, деятельность Географического департамента, Типографии, Российского и Исторического собраний, они участвовали в академических экспедициях (укажем, например, на сотрудничество И. И. Лепехина и студента Н. Я. Озерецковского в экспедиции на Русский Север), приобретая под руководством профессоров Академии глубокие теоретические знания. Одновременно с этим студенты университета получали практический опыт, выполняя обязанности преподавателей низших классов гимназии или переводчиков в Переводческом департаменте; последнее, помимо практического опыта, позволяло им глубоко осваивать передовую европейскую научную литературу. Именно тогда, как представляется, начали формироваться хорошо знакомые нам по современному Санкт-Петербургскому университету научные школы и добрая традиция научного «профессорского» наставничества.

История Санкт-Петербургской академии наук XVIII века привлекает внимание многих современных ученых (Е. Ю. Басаргина, Т. С. Буторина, Х. Кайперт, Э. И. Колчинский, Т. В. Костина, В. Лефельдт, Г. И. Смагина, В. С. Соболев, Е. Г. Пивоваров, И. В. Тункина, М. Ф. Хартанович и мн. др.); в значительно меньшей степени в современной научной литературе представлены вопросы истории развития концепций русско-

го языкознания и лингводидактики XVIII века. Но именно эти вопросы, в том числе состав и специфические черты учебной литературы этого периода, являются объектом рассмотрения в книге, что говорит об актуальности и оригинальности исследования профессора Л. В. Московкина.

Книга состоит из трех разделов: 1) История Императорской Академии наук, Академического университета и Академической гимназии. 2) Преподаваемые языки и учебные пособия, которые использовались в преподавании языков. Особого внимания заслуживают указания автора на то, что в Академии в первой половине XVIII столетия, по-видимому, действовала задуманная И. Д. Шумахером издательская программа по подготовке разнообразных учебников, грамматик и словарей иностранных языков (с. 33, 35, 39, 131 и пр.), в том числе учебных пособий по русскому языку для иностранцев (грамматики М. Шванвица (Шванвича), В. Е. Адодурова, немецко-латинского и русского «Вейсманнова» лексикона и др.). Не менее важным для отечественной лингводидактики является то, что в 30-е годы XVIII века в Академической гимназии и университете русский язык становится самостоятельным учебным предметом, а во второй половине XVIII века разрабатываются учебники русского языка для русских учащихся – прежде всего известная всем «Российская грамматика» М. В. Ломоносова, а также грамматики Н. Г. Курганова¹, В. П. Светова, П. И. Соколова и др. (с. 39–43). 3) Как одно из главных достоинств книги отметим раздел «Персоналии» (с. 52–132), представляющий собой биографический словарь. Архивные изыскания всегда делают историческое исследование ярким и увлекательным, дают возможность познакомить читателей с новыми фактами, показать материал, так сказать, в новом ракурсе. Даже о таких «знаковых» фигурах в числе русских интеллектуалов XVIII века, как В. Е. Адодуров, В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов,

А. А. Барсов, С. П. Крашенинников и др., очень нелегко разыскать и собрать достоверную информацию. Причина этого в общей разобщенности архивов, практически полном отсутствии оцифрованных материалов, полноценного доступа ко многим документам и источникам данных, ненужного бюрократизма и др. Для своей книги Л. В. Московкин кропотливо, буквально по крупицам собрал в архивах и библиотеках (в том числе и иностранных) и обобщил новые, неизвестные ранее биографические материалы практически обо *всех* лицах, принимавших участие в образовательной деятельности Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге, то есть сведения о более чем полутора ста преподавателях русского и иностранных языков, «шпрахмейстерах» (так называли в те годы учителей, которые вели разговорный аспект) и «шрайбмейстерах» (преподавателей письменного языка), профессорах Академического университета, руководителях Академической гимназии и Академического университета, авторах учебных пособий и словарей. Особый интерес представляют сведения о формировании новой русской научной и профессорской элиты – выпускниках Академической гимназии и Академического университета, которые впоследствии поднимали русское образование, организовывали учебную работу в других городах, преподавали русский и иностранные языки в учебных заведениях России, в том числе, подчеркнем, и в Московском университете. Так был воплощен в жизнь задуманный Петром Великим план, которым он, по воспоминаниям И. Д. Шумахера, однажды поделился со своими сподвижниками. Приведем этот рассказ Шумахера с небольшими сокращениями:

«Некогда за столом у Его Величества был разговор об учреждении Академии наук, и государь открыл тогда обстоятельно намерения свои в рассуждении сего учреждения... Я знаю, какое при этом учреждении имею намерение, и теперь вам скажу. Славные наши ученые люди будут писать книги о всяких науках... выберу и поручу им молодых людей, которых они должны будут учить наукам и приготавливать их к тому, чтобы они других учили тем наукам...»².

Таким образом, представленные в книге материалы – результат многолетней напряженной работы автора по сбору, проверке, сопоставлению и систематизации данных об учебной деятельности Императорской Академии наук, что, как представляется, позволяет говорить о *научной новизне* исследования Л. В. Московкина.

Все части книги представляются интересными и содержательными. Достоверность выводов и наблюдений автора основывается на вну-

шительной научной базе: список литературы является исчерпывающим, в него включены все современные научные публикации по данной теме, в том числе публикации в ведущих научных изданиях за последние пять лет. Следует акцентировать, что Л. В. Московкин активно использует редкие и малодоступные источники разной тематической и хронологической приуроченности, которые тем самым вводятся автором в активный научный оборот. Заметим, что многие современные исследования, посвященные истории и культуре XVIII века, написаны порой слишком *эмоционально* (например, многочисленная «окололомоносовская» или «вокругшванцевская» литература). Положительной стороной работы Л. В. Московкина, безусловно, является объективное, доброжелательное, неангажированное изложение фактов. Действительно, в учебной деятельности Академии наук было немало трудностей, шероховатостей, далеко не все шло гладко, не хватало учебных материалов и квалифицированных специалистов, профессора иногда «уклонялись» от чтения лекций, а студенты порой ходили голодными или попадали в неприятные истории. Так, например, М. В. Ломоносов в 1755 году характеризовал студентов Академического университета, посещавших его лекции по химии, следующим образом:

«На чинимые на лекциях моих вопросы способнее других отвечает Степан Румовский³, который по соизволению Канцелярии с прочими студентами на мои лекции прилежно ходит; Иван Братковский также бы мог иметь равный успех, если бы не часто лекции прогуливал»⁴.

Важно отметить, что работа Л. В. Московкина выполнена на стыке нескольких наук: филологии, педагогики, культурологии и истории. Поэтому представляется, что она будет весьма полезной и познавательной для преподавателей иностранных языков, специалистов по истории образования и истории словесной культуры XVIII века. Студентам-филологам старших курсов, особенно специализирующимся на преподавании русского языка иностранным учащимся, будет весьма полезно познакомиться с рецензируемой книгой, поэтому ее *практическая ценность* очевидна. Большим успехом и заслугой автора и издательства Санкт-Петербургского государственного университета (редактор Н. С. Венёва) является то, что эта замечательная, подлинно петербургская книга вышла в свет в преддверии трехсотлетнего юбилея Петербургского университета и рассказывает о ранних, малоизвестных страницах его истории.

Не вызывает желание оспорить содержание книги Л. В. Московкина ни в целом, ни в частностях. Конечно, хочется, но только в порядке научной дискуссии, обменяться мнениями по некоторым вопросам, например, о том, насколько работа Российского собрания «по сути была работой по созданию русского литературного языка на народно-разговорной основе» (с. 11). Действительно, следует согласиться с тем, что некоторым молодым членам Российского собрания, организованного в 1735 году по распоряжению президента («главного командира») Академии наук И. А. фон Корфа, на ранних этапах их «литературной биографии» была характерна «ориентация на собственно-русскую разговорную стилистику с включением просторечных элементов»⁵. Но остальные члены этого высокого научного сообщества были весьма образованными, «книжными» людьми, выпускниками Славено-греко-латинской Академии в Москве, профессиональными филологами старой традиционной школы. Даже Г. Ф. Миллер, известный довольно колкими замечаниями в адрес своих коллег по Академии наук, позднее вспоминал, как указывает Е. Г. Пивоваров, что «Ильинский (И. И. Ильинский, переводчик АН, член Российского собрания. – С. В.) говорил красиво, был очень умен, но в обхождении скромн», а И. С. Горлицкий, переводчик АН и автор нескольких учебных пособий, обучался в 1717–1722 годах в Сорбонне, «выучил довольно французский и увлекался картезианством»⁶. Не

случайно В. К. Тредиаковский, который произнес пафосную речь на первом заседании Российского собрания 14 марта 1735 года о «чистоте» русского языка и необходимости развития отечественного языкознания, просил своих слушателей, чтобы они в ней

«неправильное исправили, недостаточное наполнили, неприличное приличным и надлежащим украсили, лишнее вон выняли»⁷,

то есть обращался к ним именно как к профессионалам-филологам. Маловероятно, что эти опытные, можно сказать, искушенные переводчики и преподаватели оказались под влиянием «новаций» и «эмансипаций» В. К. Тредиаковского, тем более что в послепетровское время «старшая» или «славенская» литературная норма была хорошо кодифицирована и еще пользовалась достаточным авторитетом⁸.

В заключение хочется выразить надежду, что за этой успешной, интересной и содержательной книгой вскоре последует новое исследование (не менее актуальное и, верим, не менее востребованное), посвященное формированию основных лингвистических концепций (представлений об «устройстве языка», языковых категориях, знаменательных и служебных частях речи и т. д.) в Академии наук XVIII века: без этого исследования, как представляется, невозможно восстановление общей картины языкового развития XVIII века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Клубков П. А. Формирование петербургской традиции лингвистической русистики (XVIII – начало XIX в.). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2011. С. 128–132.

² Цит. по: Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской Академии наук. Л.: Наука, 1977. С. 64.

³ В будущем – выдающийся русский математик и астроном, академик Императорской Академии наук и член Российской Академии, первый попечитель Казанского Императорского университета профессор Степан Яковлевич Румовский (1734–1812).

⁴ Ломоносов М. В. Рапорт в Канцелярию АН об успехах студентов, занимавшихся под руководством Ломоносова поэзией и химией 05 февраля 1753 г. // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений в десяти томах. 2-е изд., испр. и доп. Т. 9. Служебные документы. 1742–1765. М.; СПб.: Наука, 2012. С. 377–378.

⁵ Алексеев А. А. Эволюция языковой теории и языковая практика Тредиаковского: Новый литературный язык // Очерки и этюды по истории литературного языка в России. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2013. С. 277–278.

⁶ Пивоваров Е. Г. К истории создания Российского собрания Академии наук // Социология науки и технологий. 2018. Т. 9. № 4. С. 10.

⁷ Тредиаковский В. К. Речь, которую в Санкт-Петербургской Императорской Академии наук к членам Российского собрания во время первого их заседания марта 14 дня 1735 года говорил Василий Тредиаковский // Сборник материалов для истории Императорской Академии наук в XVIII веке. Ч. 1 / Издал А. Куник. СПб.: Типография Имп. Академии наук, 1865. С. 15 (отд. паг.).

⁸ Демидов Д. Г. Русский литературный язык на основе славянской нормы в доломоносовский период // Язык и ментальность в русском обществе XVIII века / Под ред. В. В. Колесова. СПб., 2013. С. 84–142; Кутина Л. Л. Последний период славяно-русского двуязычия в России // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М.: Наука, 1978. С. 241–264; Кутина Л. Л. Феофан Прокопович. Слова и речи. Проблема языкового типа // Язык русских писателей XVIII века. Л.: Наука, 1981. С. 7–46.

ОЛЬГА ИГОРЕВНА КОНЬКОВА

(07.12.1958 – 21.04.2020)

Известный специалист в области
этнической истории и культуры ижоры,
води и финнов-ингерманландцев

О. И. Конькова родилась в Ленинграде. В 1980 году одновременно закончила филологический и исторический факультеты Ленинградского госуниверситета. Работала в Государственном музее этнографии народов СССР. В 1991 году после окончания аспирантуры перешла на работу в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера).

О. И. Конькова – автор более 50 статей по культуре прибалтийско-финских народов и трех монографий, вышедших в академической серии «Коренные народы Ленинградской области»: Ижора. Очерки истории и культуры. СПб., 2009. 248 с.; Водь. Очерки истории и культуры. СПб., 2009. 252 с.; Ингерманландские финны (совместно с В. А. Кокко). СПб., 2009. 263 с. Монографии посвящены этнической истории и культуре води, ижоры и ингерманландских финнов, включая сложные страницы их недавнего прошлого.

Первые историко-этнографические очерки об ижоре и води О. И. Коньковой опубликованы в коллективной монографии «Мы живем на одной земле: Население Петербурга и Ленинградской области» (СПб., 1992. С. 61–89). Они стали основой для включения ижоры в список малочисленных народов, который был подготовлен в 1992 году в Верховном Совете РФ как приложение к проекту закона «Основы правового статуса малочисленных народов Российской Федерации». Водь, ранее считавшаяся исчезнувшей, была указана в списке народов, не учтенных переписью 1989 года. Закон был принят только в 1999 году, а в 2000-м постановлением правительства ижора была включена в Единый перечень коренных малочисленных народов. В 2013 году в него вошла и водь. Данным решениям предшествовала

большая исследовательская и просветительская работа О. И. Коньковой. В 1994 году она создала Общество ижоры и води. В 2000 году по ее инициативе был создан «Центр коренных народов Ленинградской области» как общая культурно-просветительская организация ижоры, води и ингерманландских финнов. На основе подготовленных О. И. Коньковой практических пособий по народным костюмам ижоры, води, разных групп ингерманландцев, народной вышивке, фольклору и календарным праздникам началось их воссоздание в соответствии с традициями.

В 2003 году Кунсткамера совместно с Музейным центром «Вабриикки» г. Тампере (Финляндия) и Обществом ингерманландских финнов «Инкерин Лиитто» под кураторством О. И. Коньковой организовала к 300-летию Санкт-Петербурга выставку «Ингермаландия».

С 2009 году О. И. Конькова избиралась членом Общественной палаты Ленинградской области, где представляла интересы коренных народов. В 2015 году была награждена Почетной грамотой Администрации Президента РФ за значительный вклад в развитие культуры коренных народов России.

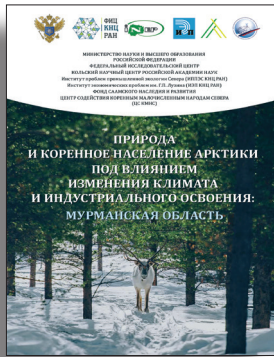
В документальном фильме об ижоре «Tuulet toivat runovirret / Главное, что поле земляничкой покрыто», снятом в 2016 году ГТРК «Карелия» с участием О. И. Коньковой, она говорила, что для нее, имеющей ижорско-ингерманландские корни, наука стала продолжением вхождения в «ижорскость». Многим представителям коренных народов области ее научный труд вернул самоуважение и осознание принадлежности к народам, создавшим для мира огромное культурное наследие.

З. И. Строгальщикова,
к. и. н., старший научный сотрудник ИЯЛИ КарНЦ РАН

CONTENTS

Editorial note	7	<i>Krivosnozhenko A. F.</i> REFUGEES IN KARELIA DURING THE FIRST WORLD WAR	62
ARCHEOLOGY			
<i>German K. E., Kulkova M. A.</i> PETROGRAPHIC STUDIES OF THE SPER- RINGS CERAMICS FROM SOUTH-WESTERN KARELIA.	8	<i>Shorokhova I. V., Volokhova V. V.</i> SOVIET ANNIVERSARY AS AN INSTRUMENT OF MEMORY POLICY (illustrated by official an- niversaries of Karelia's statehood)	72
WORLD HISTORY			
<i>Suvorov Yu. V.</i> FERDINAND LASSALLE ON REVOLUTION.	15	<i>Potravnov A. L., Khmel'nik T. Yu.</i> HISTORY OF MINING SHOKSHA QUARTZITE FOR NAPOLEON'S SARCOPHAGUS	85
<i>Lankova E. V.</i> EVALUATION OF PETER THE GREAT'S RE- FORM ACTIVITIES IN THE ARTICLES OF CHI- NESE HISTORIANS OF THE 1980s AND THE 1990s	23	<i>Bochkarev A. S.</i> CONFLICTS BETWEEN OLONETS SOLDIERS AND THEIR MILITARY COMMANDERS: RE- BELLION OF 1662	93
HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODOLOGY OF HISTORICAL RESEARCH			
<i>Smirnova N. V.</i> THE CHINESE REFORM MOVEMENT OF THE 1890s IN SERGEI TIKHVINSKY'S RESEARCH	30	<i>Deveykis M. V.</i> SAINT PETERSBURG MUSEUMS OF THE ERA OF NICHOLAS II IN PUBLICATIONS OF CON- TEMPORARIES	101
ETHNOGRAPHY, ETHNOLOGY, ANTHROPOLOGY			
<i>Ivanova M. V., Shabalina O. V.</i> THE "UNWRITTEN RULES" OF THE TRADI- TIONAL HOUSEHOLD ECONOMY IN SÁMI FOLKLORE			
109			
RUSSIAN HISTORY			
<i>Vavulinskaya L. I.</i> INDUSTRIAL LABOUR RELATIONS POLICY OF THE SOVIET STATE DURING THE FIRST DECADE AFTER WORLD WAR II	38	Reviews	
<i>Zykin I. V.</i> REGIONAL TIMBER PROCESSING COMPLEX- ES OF THE EUROPEAN NORTH OF THE USSR IN THE FIRST FIVE-YEAR PLAN STRATEGY.	44	<i>Pitukhina M. A.</i> The book review: The impact of climate change and industrialization on the Arctic natural environment and indigenous population: Murmansk region	118
<i>Kravchuk A. S.</i> CRIMEA IN THE PROJECTS OF COLLEGIATE COUNCILOR N. ANASTASIEV AND MAJOR GENERAL GORDLEVSKY	54	<i>Volkov S. S.</i> The book review: Moskovkin L. V. Language edu- cation in Saint Petersburg Academic University and Academic Gymnasium in the XVIII century	120
Memory			
<i>Strogol'shchikova Z. I.</i> Olga Igorevna Kon'kova			
123			

ПРИРОДА И КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ АРКТИКИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА И ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОСВОЕНИЯ: МУРМАНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Представлена комплексная оценка последствий современной динамики климата и антропогенного воздействия для биоты, окружающей среды и природопользования в одном из регионов российской Арктики – Мурманской области, с особым вниманием к изменениям в жизнедеятельности коренного народа области – саами. В приложении приведен документ «Глобальная платформа коренных народов по традиционным знаниям и изменению климата», созданный в рамках Парижского соглашения ООН.

Книга предназначена широкому кругу заинтересованных сторон в качестве примера пилотного комплексного подхода.

Природа и коренное население Арктики под влиянием изменения климата и индустриального освоения: Мурманская область / под ред. Е. А. Боровичёва и Н. В. Вронского. Москва: Изд. Дом «Графит», 2020. 180 с.

Отзыв о книге читайте в рубрике «Рецензии»

Л. В. Московкин

ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В АКАДЕМИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ И ГИМНАЗИИ В XVIII ВЕКЕ

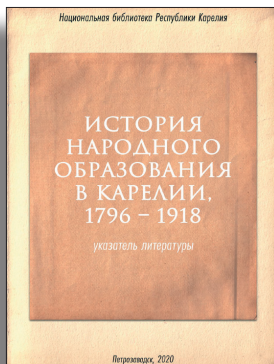
В книге представлены собранные автором данные о языковом образовании в академическом университете и гимназии в XVIII веке. В ней содержатся сведения об Императорской Академии наук и ее учебных подразделениях, о языках обучения, о преподаваемых языках, об учебниках, об учителях гимназии, преподавателях университета, руководителях этих заведений, создателях учебников, учебных пособий и словарей.

Адресована как специалистам по проблемам языкового образования в России XVIII века, так и широкому кругу читателей.

Московкин Л. В. Языковое образование в Академическом университете и гимназии в XVIII веке. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. – 144 с.

Отзыв о книге читайте в рубрике «Рецензии»

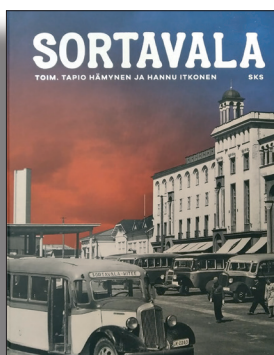
ИСТОРИЯ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КАРЕЛИИ, 1796–1918

Указатель включает книги, статьи из сборников, журналов и газет с 1840 по 2019 год на русском и финском языках. Отражает публикации по истории светского и духовного образования, истории средней и начальной школы, женского образования и педагогических кадров.

История народного образования в Карелии, 1796–1918: указатель литературы / Национальная библиотека Республики Карелия, Отдел национальной и краеведческой литературы и библиографии; [сост.: М. Ю. Ванчурова; авт. вступ. ст. Е. А. Калинина]. – Петрозаводск: Национальная библиотека Республики Карелия, 2020. – 202 с.

SORTAVALA

В Хельсинки под редакцией почетного доктора ПетрГУ, профессора-эмеритуса финской истории Университета Восточной Финляндии (кампус Йозенсуу) Тапио Хямюнена и профессора физической культуры Университета Ювяскюля Ханну Итконена издана коллективная монография «Sortavala: muutosten ja muistojen kaupunki» («Сортавала: город перемен и воспоминаний»). Среди авторов монографии два историка из ПетрГУ: директор Института истории, политических и социальных наук д. и. н. проф. С. Г. Веригин и профессор кафедры отечественной истории д. и. н. А. М. Пашков. С. Г. Веригин написал главу о послевоенной истории города «Новые жители Сортавалы», а А. М. Пашков совместно с Т. Хямюненом и Х. Итконеном представил главу «Транспорт и туризм». Издание книги показало, что научные связи историков ПетрГУ и университетов Финляндии имеют давние и прочные корни, продолжают успешно развиваться.

Sortavala: muutosten ja muistojen kaupunki / Toim. T. Hämunen ja H. Itkonen. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2020. 443 s.